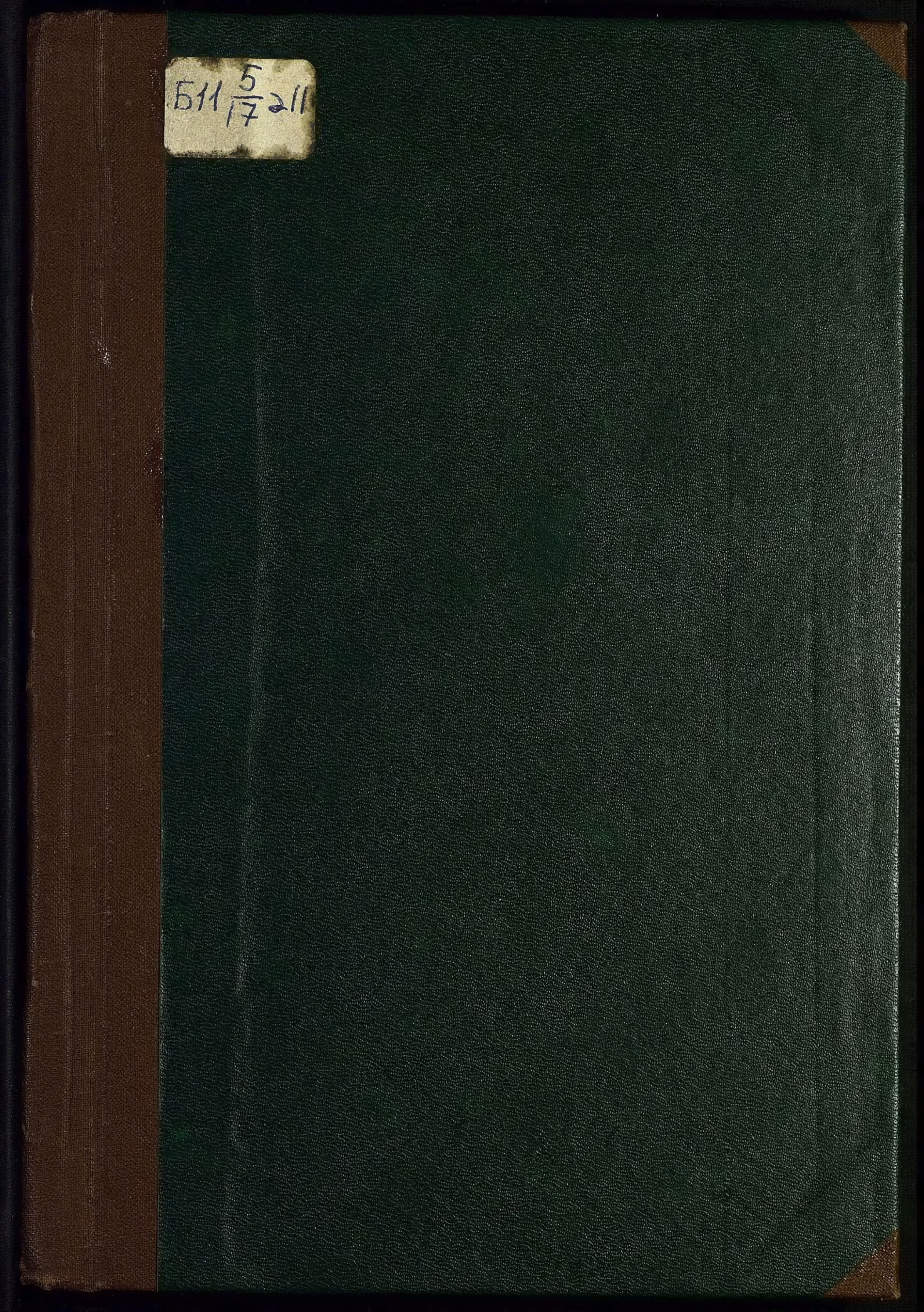
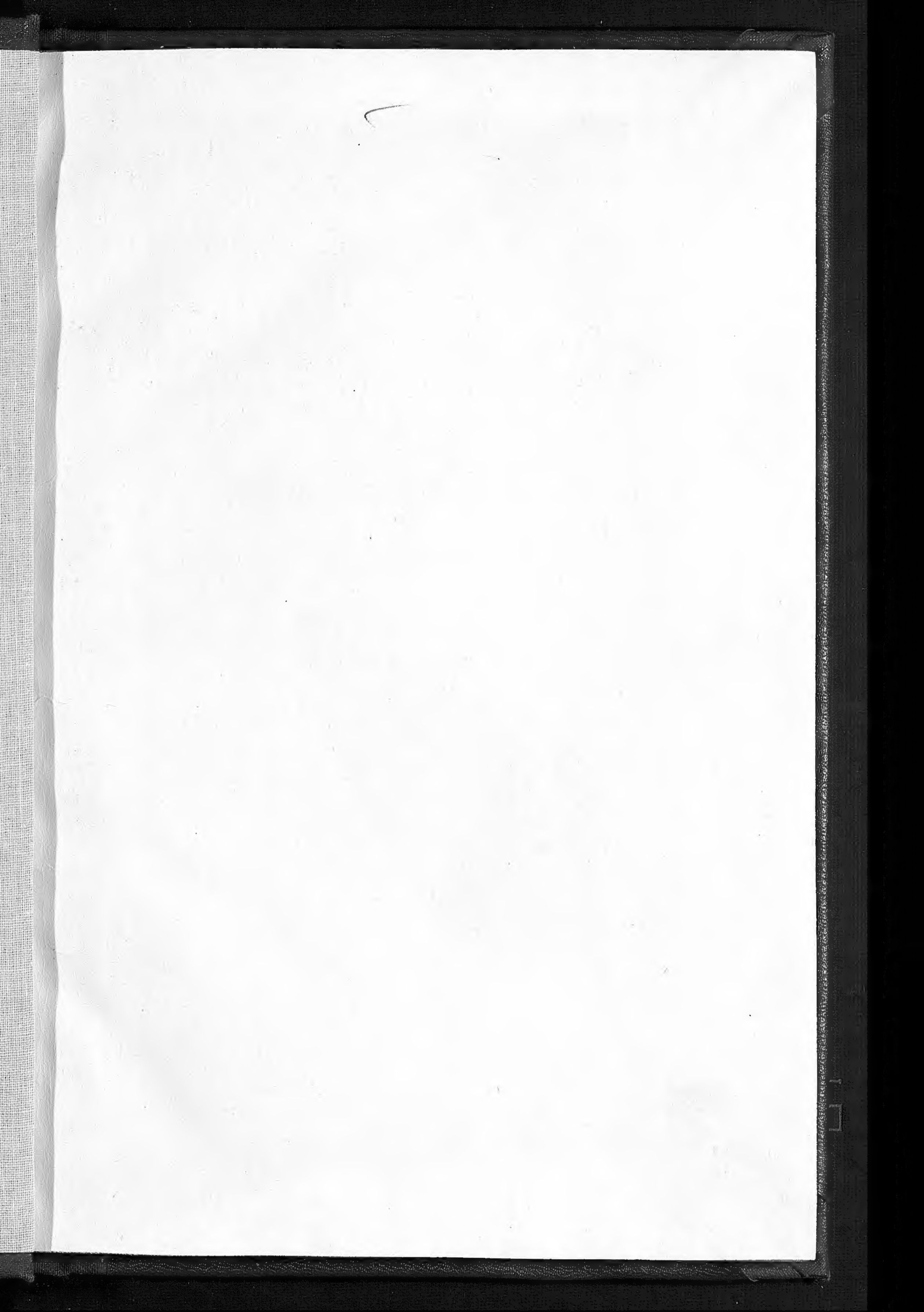

Б11 5/17 211

НОВЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПО ИСТОРІИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

В. С. Иконникова.

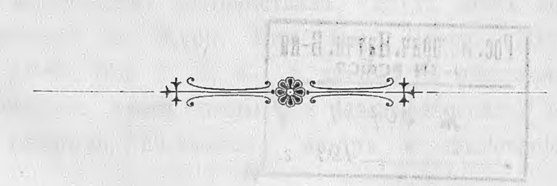

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра.
Кіевское отдѣленіе ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. Т-ва печатн. дѣла и торг. И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ
1889.

НОВЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ
ПО ИСТОРІИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

В. С. Иконникова.

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра.
Кіевское отдѣленіе ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. Т-ва печатн. дѣла и торг. И. Н. Кушнеревъ и Кº въ Москвѣ.
1889.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра
(изъ Унив. Извѣстій 1889 года).

Новыя изслѣдованія по исторіи смутнаго времени Московскаго государства въ нач. XVII вѣка.

I. Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ.—Изслѣд. С. Ѳ. Платонова. Спб. 1888. Стр. VI+372.

Въ ряду историческихъ монографій послѣдняго времени—изслѣдованіе г. Платонова безъ сомнѣнія должно занять видное мѣсто, какъ по эпохѣ, къ которой относится трудъ автора, такъ и по своимъ внутреннимъ достоинствамъ. Трудъ этотъ первоначально былъ напечатанъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. (1887, №№ 10, 11 и 12; 1888, №№ 2, 3, 4), а затѣмъ съ нѣкоторыми прибавленіями (указатель именъ личныхъ и географическихъ, перечень рукописей, которыми пользовался авторъ и заключеніе) — вышелъ отдѣльно.

Важность эпохи, разнообразіе событій, въ которыхъ многіе принимали близкое и дѣятельное участіе, самыя бѣдствія, несомнѣнно повліявшія на умы современниковъ, естественно привлекали къ ней вниманіе людей, которымъ болѣе или менѣе близокъ былъ историческій или по крайней мѣрѣ книжный интересъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что число произведеній, посвященныхъ событіямъ смутнаго времени Московскаго государства, довольно велико. Нѣкоторыя изъ нихъ появились еще во время самой

смуты; затѣмъ, наибольшее количество ихъ, притомъ самыхъ крупныхъ, написано было въ цар. Михаила Ѳедоровича, и нѣсколько сказаній относится къ цар. Алексѣя Михайловича. Мало этого. Сказанія о смутномъ времени (большая часть ихъ носитъ названіе „повѣстей", прочія—„сказаній") чрезвычайно разнообразны по своему составу и содержанію. Они то принимаютъ характеръ литературно-обработанныхъ повѣствованій о событіяхъ и дѣятеляхъ смутной эпохи и болѣе или менѣе обширны по объему; то представляютъ погодное изложеніе событій и называются поэтому „лѣтописцами"; то ограничиваются лишь изображеніемъ жизни нѣкоторыхъ, болѣе выдающихся дѣятелей—это „житія",—произведенія, въ которыхъ агіографическія черты тѣсно соединены съ историческими; то, наконецъ, разсказомъ о смутѣ заканчивается иногда какой нибудь Хронографъ или Степенная книга. Въ числѣ памятниковъ о смутномъ времени нерѣдко встрѣчаются произведенія публицистическія, нравственно-дидактическія и даже легендарно-поэтическія. Одни изъ сказаній обнимаютъ общій ходъ событій смуты или нѣкоторые эпизоды ея, другія касаются лишь мѣстныхъ явленій и носятъ на себѣ исключительно такой характеръ.

При всемъ обиліи этихъ повѣтствованій, только весьма немногія изъ нихъ были извѣстны историкамъ XVIII стол.; но Карамзинъ впервые воспользовался уже значительнымъ количествомъ ихъ и сообщилъ многочисленныя извлеченія изъ нихъ въ своихъ примѣчаніяхъ, до сихъ поръ нерѣдко сохраняющихъ значеніе перваго источника. П. М. Строевъ собралъ свѣдѣнія объ извѣстныхъ въ его время памятникахъ (Библіолог. Словарь, издан. А. Ѳ. Бычковымъ, Спб. 1882), а С. М. Соловьевъ попытался уже въ своей исторіи дать общій обзоръ литературы важнѣйшихъ сказаній смутной эпохи, съ критическими замѣчаніями о нихъ [1]). Послѣ нихъ многими сказаніями пользовались: Н. И. Костомаровъ (Смутное время Моск. госуд.), А. Н. Поповъ (въ своемъ „Обзорѣ хронографовъ русской редакціи", М. 1866—69, и „Изборникѣ", прилож. къ Обзору, М. 1869), А. Ѳ. Бычковъ (Опис. славянск. и русскихъ рукоп. сборни-

[1]) Исторія Россіи, т. IX, стр. 462—484. Нѣкоторыя замѣчанія о тѣхъ же сказаніяхъ находятся и въ Рус. ист. Бестужева-Рюмина (во введеніи къ I-му тому и въ Обзорѣ событій смутной эпохи, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1887 г., №№ 7 и 8, прим.).

Импер. Публ. библ., Спб. 1878), И. Е. Забѣлинъ[1]) и др. Появ-
сь и специальныя изслѣдованія, посвященныя тому или другому изъ
ъ памятниковъ, каковы: Д. П. Голохвастова (Замѣчанія объ
ѣ Троиц. лавры и описаніе оной историками XVII, XVIII и XIX стол.,
авн. образомъ о соч. Авр. Палицына, Москвитян. 1842, №№ 6
и Отвѣтъ на рецензіи и критику замѣчаній, 1844, №№ 6 и
А. В. Горскаго (Возраженія противъ замѣчаній объ осадѣ
ицкой лавры, ibid. 1842, № 12); А. А. Кондратьева (О рукоп.
. Филарета, Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, № 9); С. И.
рова (Авраамій Палицынъ, М. 1880, изъ Чтен. М. общ. ист.;
Палицынъ какъ писатель, Рус. Арх. 1886, т. II) и др.

С. Ѳ. Платоновъ первый задался цѣлью посвятить спеціальный
дъ критическому обзору этихъ памятниковъ, причемъ онъ ста-
ся собрать и изучить всѣ, касающіеся смуты, рукописные тексты
заній, хотя и не могъ, по весьма понятнымъ причинамъ, исчер-
ь вполнѣ подлежавшій его разсмотрѣнію матеріалъ; что же ка-
тся до мѣстныхъ сказаній о смутѣ, то скудость текстовъ, быв-
хъ въ распоряженіи автора, заставила его и вовсе отказаться
подробнаго изслѣдованія этой категоріи памятниковъ. Пробѣлы эти,
аченные отчасти самимъ авторомъ, не лишаютъ однако его трудъ
щественныхъ достоинствъ, какъ представляющій весьма цѣнный
дъ всего извѣстнаго въ литературѣ русскихъ сказаній о смутномъ
емени, разсмотрѣнныхъ съ точки зрѣнія исторической критики и
тавленныхъ обширными библіографическими указаніями.

Независимо отъ печатныхъ изданій, авторъ пользовался руко-
ями Имп. Публ. библ., Акад. Наукъ, Археогр. коммиссіи, Им-
общ. люб. древн. письмен., Спб. духовн. акад., Спб. универс.,
сков. дух. акад., Москов. Синод. библ., Москов. арх. иностр.
Москов. общ. исторіи, Троиц. Серг. лавры, Москов. публичн.
Румянц. муз., монаст.—костром. Богоявл., Сав. Сторожевскаго,
орищевой пуст., гр. Уварова (Царскаго), А. И. Хлудова, И. А.
япкина, а всего авторъ позаимствовалъ въ нихъ около 50 по-
стей и сказаній.

Первыя двѣ главы своего изслѣдованія г. Платоновъ посвящаетъ

[1])召нинъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ смутное время, первонач. въ Рус. Арх.
Древ. и Нов. Рос., пополн. въ отд. изд., М. 1883.

„произведеніямъ, составленнымъ до окончанія смуты“ (стр. 1—1
причемъ наибольшее мѣсто онъ отводитъ разбору такъ наз. „И
сказанія“. Названіе это дано послѣднему позднѣйшимъ издате
И. Д. Бѣляевымъ, такъ какъ оно слѣдовало въ рукописи за Ск
ніемъ Авр. Палицина. Сочиненіе это напеч. во Времен. М
общ. исторіи и древн. (кн. XVI, стр. 1—146), по списку, при
лежавшему П. М. Строеву, въ Погодинскихъ рукописяхъ Им
публ. библ., съ варіантомъ по рук. В. М. Ундольскаго[1]; но авт
пользовался какъ самою рукописью[2]), такъ и другимъ спискомъ Сказа
также XVII вѣка, принадлежащимъ Моск. пуб. и Румянцев. музеям
Впрочемъ, оба списка не представляютъ сколько нибудь важныхъ вар
товъ, и замѣчательно, что во второмъ спискѣ это сказаніе та
слѣдуетъ за Сказаніемъ Авр. Палицына. Уже издатель „Сказан
И. Д. Бѣляевъ отмѣтилъ въ немъ двухъ авторовъ; А. Н. Поп
еще болѣе расширилъ количество повѣствованій, входящихъ въ
ставъ „Иного сказанія“[4]), а г. Платоновъ отмѣчаетъ до 6 сост
ныхъ частей памятника (стр. 2—3), исправляя и дополняя по м
тамъ выводы и указанія своего предшественника (стр. 75—7
Карамзинъ былъ знакомъ съ „Инымъ сказаніемъ“ по сокращен
его передѣлкѣ и по извлеченіямъ въ хронографахъ[5]); но со врем
изданія памятника Бѣляевымъ (въ 1853 г.) имъ пользовались С.
Соловьевъ и всѣ изслѣдователи смутнаго времени.

Новѣйшій изслѣдователь нашего памятника отмѣчаетъ въ н
слѣдующія составныя части: 1) Повѣсть о времени Бориса Году
и перваго Самозванца (Времен., стр. 1—38); 2) собраніе пра
тельственныхъ грамотъ о сверженіи Самозванца и воцареніи Ш
скаго (38—55); 3) повѣствованіе о движеніяхъ въ первое вр
царствованія Шуйскаго, преимущественно же о движеніи Болотник
(ib. 55—64); 4) Повѣсть о видѣніи, бывшемъ въ Успенскомъ

---

[1]) Рукописи Строева пріобрѣтены Погодинымъ въ 1842 г., а отъ него поступили в
П. библ. въ 1852 г. (Барсуковъ, П. М. Строевъ, стр. 375—391—о составѣ собр. Строе
его продажѣ).

[2]) Текстъ онъ исправляетъ иногда по этимъ послѣднимъ (стр. 6).

[3]) Сюда онъ поступилъ отъ И. А. Бердникова.

[4]) Обзоръ хроногр. рус. ред., в. II, 148—149.

[5]) «Иное сказаніе» въ полномъ составѣ встрѣчается вообще рѣдко. Такъ, автору разсма
ваемаго изслѣдованія извѣстны лишь *два* означенныхъ выше списка.

борѣ въ Москвѣ въ 1606 г., вставленная въ предъидущее повѣтствованіе (она выпущена во Временникѣ); 5) лѣтописныя замѣтки, тожественныя со статьями Хронографа второй редакціи (1617 г.), о взятіи Тулы царемъ Василіемъ и о дальнѣйшихъ событіяхъ до избранія Михаила Ѳедоровича на царство, чѣмъ и кончается Хронографъ 1617 г. (64—73); 6) лѣтописныя замѣтки о времени царя Мих. Ѳедоровича и о вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича (73—80). Выдѣленіе составныхъ частей „Иного сказанія", даетъ право автору заключать, что разбираемый памятникъ есть ничто иное, какъ *сборникъ* самаго разнохарактернаго состава, а первыя его статьи показываютъ намъ, что смута еще въ начальные моменты своего развитія стала уже предметомъ литературнаго повѣтствованія (стр. 81).

Первая часть „Иного сказанія" представляетъ повѣсть, написанную въ самомъ началѣ царств. Василія Шуйскаго, а именно послѣ 3 іюня 1606 г. (день перенесенія мощей царевича Димитрія въ Москву), и обнимаетъ изложеніе событій отъ убіенія Димитрія до означеннаго торжества. По поводу этого сказанія Соловьевъ замѣтилъ: „Самыми сильными выходками противъ Бориса отличается авторъ „Иного сказанія"; онъ въ тоже самое время обличаетъ въ себѣ ревностнаго приверженца Шуйскаго и такимъ образомъ указываетъ источникъ ненависти своей къ Годунову, который у него является убійцею Димитрія, убійцею ц. Ѳедора и многихъ другихъ, похищающимъ царство лукавствомъ и неправдою; появленіе самозванца есть прямо наказаніе Божіе Годунову за его вопіющія преступленія". Тотъ же историкъ отмѣтилъ книжную начитанность этого писателя [1]), а Костомаровъ отнесъ его произведеніе къ „важнѣйшимъ источникамъ" смутнаго времени [2]), руководствуясь, конечно, не мнѣніями автора, а близостью его къ описываемымъ событіямъ.

Новѣйшій изслѣдователь объ этой Повѣсти выражается такъ: „Вся повѣсть проникнута чувствомъ ненависти къ Борису и Самозванцу одинаково и чувствомъ преданности Шуйскому. Всѣмъ повѣствованіемъ руководитъ желаніе показать, что и Борисъ, и Самозванецъ получили скорое возмездіе за свои злодѣянія" (стр. 3 и 5, пр.)

---

1) Исторія Россіи, IX, 467—469.
2) Смутн. время Моск. госуд., I, предисл.

Авторъ попытался выяснить и личность составителя этой Повѣсти, т. е. собственно его общественное положеніе. Нѣкоторыя мѣста Повѣсти (стр. 33—35) прямо указываютъ на то, что составитель ея принадлежалъ къ числу братіи Троицкаго Сергіева монастыря [1]), а его духовнымъ саномъ объясняется значительная начитанность его въ св. Писаніи и отцахъ церкви, знакомство съ византійскою исторіею и даже съ древними литературными памятниками. Однако, хотя авторъ Повѣсти увѣряетъ, что онъ писалъ не по слухамъ, а какъ *очевидецъ*, но изслѣдователь его повѣствованія справедливо ограничиваетъ значеніе такого заявленія. Съ другой стороны, авторъ Повѣсти включилъ въ нее нѣкоторые оффиціальные документы цѣликомъ, другими же воспользовался для изложенія фактовъ или руководствовался въ своихъ взглядахъ на событія (напр. о сверженіи Самозванца).

Между прочимъ, по поводу цѣликомъ внесеннаго въ сочиненіе „Извѣта“ старца Варлаама, спутника Гр. Отрепьева, и послужившаго автору матеріаломъ для изложенія подробностей о похожденіяхъ Отрепьева на пути изъ Россіи и за границею, г. Платоновъ дѣлаетъ большое отступленіе и представляетъ нѣкоторыя новыя соображенія, еще болѣе подрывающія значеніе этого акта, какъ историческаго источника.

Въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи „Кто былъ первый Лжедимитрій?“ Спб. 1864 (стр. 20—25; ср. Смутное время, II, 55—64), Костомаровъ пытался доказать подложность „Извѣта“ [2]); Соловьевъ стоитъ за его достовѣрность, при извѣстныхъ, по его мнѣнію, неизбѣжныхъ ошибкахъ (VIII, пр. 65). Авторъ разсматриваемаго

---

[1]) На это обстоятельство указываетъ и то, что сочиненіе неизвѣстнаго автора въ обоихъ упомянутыхъ спискахъ слѣдуетъ непосредственно за Сказаніемъ объ осадѣ Троицкаго мон. Авр. Палицына. Нѣсколько далѣе, на стр. 179—180, изслѣдователь склоняется приписать «Повѣсть» самому Палицыну, но здѣсь онъ не намекнулъ даже на подобное соображеніе.

[2]) Онъ справедливо полагаетъ что «Извѣтъ» былъ и объявленъ при Шуйскомъ во всеобщее свѣдѣніе, какъ обличеніе самозванства Гр. Отрепьева. До извѣстной степени въ пользу показанія Варлаама говоритъ надпись на книгѣ «Василія Вел.», подаренной Константиномъ Острожскимъ (Зап. Арх. общ., т. VIII: Свѣд. о книгѣ Василія Вел., хран. въ Загоровскомъ мон., А. Добротворскаго, 56—73, перед. въ Кіев. Дух. акад.): «Лѣта отъ сотв. міра 7110 (1602 г.) мѣс. авг. въ 14 день сію книгу Великаго Василія далъ намъ Григорію (приписка подъ этимъ словомъ: царевичу Московскому) з братіею съ Варлаамомъ да Мисаиломъ Константинъ Константиновичъ нареченный во св. крещеніи Василій Божіею мил. пресвѣтлое княже Острожское, воевода Кіевскій». Варлаамъ и Мисаилъ спутники Григорія. Авторъ сообщенія признаетъ запись «собственноручною» Самозванца, хотя и не видѣлъ его почерка, а приписку — той же руки,

нами изслѣдованія поддерживаетъ въ настоящемъ случаѣ скептицизмъ перваго изъ нихъ. „Извѣтъ Варлаама, говоритъ онъ, былъ составленъ раньше, чѣмъ думаютъ обыкновенно, не въ концѣ 1606 г., а по крайней мѣрѣ лѣтомъ. Онъ вошелъ въ разбираемую нами Повѣсть, а она была сочинена до появленія Болотникова подъ Москвой. Старецъ Варлаамъ является такимъ образомъ съ своимъ Извѣтомъ *въ желанную минуту* для правительства Шуйскаго, когда оно старалось собрать какъ можно скорѣе и какъ можно больше оправданій майскаго переворота... Такимъ образомъ „Извѣтъ" есть до нѣкоторой степени плагіатъ, если разсматривать его съ литературной точки зрѣнія... Если можно кратко характеризовать, что́ извѣстно и что́ неизвѣстно Варлааму, то мы можемъ сказать, что онъ знаетъ о Димитріѣ все то, что могло быть извѣстно московскому правительству и дѣлаетъ ошибки тамъ, гдѣ оно не могло имѣть точныхъ свѣдѣній. Онъ составленъ, очевидно, лицомъ, много знавшимъ и близкимъ къ правительству (Варлаамъ говоритъ, что́ онъ зналъ кн. И. И. Шуйскаго) и составленъ не для правительства, которое могло знать и изъ другихъ источниковъ все изложенное въ Извѣтѣ, а для убѣжденія народа. На это указываетъ искусственность формы, стремленіе все объяснить и разсказать, стремленіе завоевать довѣріе массой фактовъ и именъ. Быть можетъ, что всѣ эти факты и имена не Варлаамомъ были сообщены Шуйскому, а напротивъ, въ Извѣтъ перешли изъ правительственныхъ источниковъ" (стр. 9—11). Такимъ образомъ даже послѣднія основанія правдивости „Извѣта" оказываются здѣсь совершенно поколебленными. Но въ интересахъ библіографической полноты прибавимъ, что еще въ

но писанной другими чернилами (58). Костомаровъ считетъ приписку писанной *другой рукой*, а надпись совершенно несходною съ почеркомъ царствовавшаго Д. Самозванца (Смутное время II, 63—64): «Поэтому ни челобитная Варлаама, ни надпись на книгѣ Василія Вел. не могутъ служить доказательствами, чтобы названный царь Димитрій и Гришка Отрепьевъ были однимъ и тѣмъ же лицомъ» (ib.); ср. Левитскій (Лжедимитрій I, с. 11); П. Казанскій (Русск. Вѣст. 1877, № 8, 492). Прибавимъ къ этому, что въ юж. рус. переводѣ (рукоп.) хроники Стрыйковскаго нач. XVII в., принадл. А. М. Лазаревскому, находятся лѣтописныя замѣтки, въ одной изъ которыхъ сообщается, что Димитрій Самозванецъ (на пути въ Москву) прибылъ въ Кіевъ 7 окт. 1604 г., стоялъ у кіев. бургом. Митковича и уѣхалъ изъ города спустя двѣ недѣли по пріѣздѣ (Сборн. лѣтоп., относ. къ ист. Ю. и З. Россіи, изд. Кіев. арх. ком., К. 1888 г., стр. 78; ср. записки Балыки, Кіев. Стар. III, 100),—извѣстіе, пополняющее наши свѣдѣнія о походѣ Д. Самозванца (Соловьевъ, VIII, 100—101; Костомаровъ, I, 125—127).

1835 г. членъ Археограф. ком. и извѣстный издатель ея матеріаловъ, Я. И. Бередниковъ[1]), въ своемъ сообщеніи о нѣкоторыхъ болѣе важныхъ рукописяхъ академической библіотеки, между прочимъ обратилъ вниманіе на челобитную ц. Василію Ивановичу инока Варлаама (въ Сборникѣ) и тогда же заподозрѣлъ достовѣрность показанія „Извѣта", а вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ сомнѣнія въ тожествѣ Самозванца съ Отрепьевымъ (см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1835, ч. VII, 118—120),—обстоятельство, не указанное ни Костомаровымъ, писавшимъ спеціально объ этомъ вопросѣ и разбиравшимъ „Извѣтъ" Варлаама, ни авторомъ позднѣйшаго изслѣдованія, разсматриваемаго теперь нами.

Въ виду же того, что мнѣніе Бередникова малоизвѣстно[2]), мы приводимъ его здѣсь: „Сей актъ, говоритъ онъ о челобитной царю Василію Ивановичу инока Варлаама,—любопытенъ описаніемъ приключеній Самозванца во время бѣгства его изъ Москвы и пребыванія въ Польшѣ. Онъ находится въ числѣ бумагъ, присланныхъ П. Строевымъ изъ Москвы въ Коммиссію Высоч. учр. для изданія историко-юридическихъ актовъ Археогр, экспедиціи; но въ найденномъ мною спискѣ есть много поправокъ и прибавленій. Хотя сей важный документъ, поясняющій вопросъ о Лжедимитріѣ, съ перваго взгляда кажется несомнѣнно достовѣрнымъ, но истинное достоинство его должно быть опредѣлено здравою критикою. Въ манускриптѣ г. Строева одно мѣсто, пропущенное въ нашемъ (т. е. въ академическомъ), слово въ слово взято изъ манифестовъ Лжедимитрія, обнародованныхъ предъ вступленіемъ его въ столицу. О инокѣ Варлаамѣ и другомъ спутникѣ Отрепьева, Мисаилѣ Повадинѣ, упоминается въ грамотѣ патр. Іова, еще въ 1605 г. янв. 14; но эти извѣстія во многомъ несходны съ челобитною Варлаама[3]). Конечно, правительство Годунова, встревоженное вѣстью о появленіи Само-

[1]) Съ 1845 г.—академикъ. Въ 1813—19 гг. онъ слушалъ лекціи извѣстнаго скептика Каченовскаго въ Москов. универ. и всегда сочувственно относился къ его трудамъ. (Біогр. Бередникова, П. А. Плетнева, Изв. Ак. Н., III, 325.).

[2]) Дѣлаемъ это, такъ какъ авторъ посвятилъ обширное примѣчаніе разбору «Извѣта» (стр. 9—11).

[3]) См. Карамз. т. XI, пр. 196 и 199. «На этой грамотѣ и челобитной основаны *почти всѣ сказанія* Хронографовъ и Сборниковъ о Самозванцѣ, въ эту эпоху его дѣйствій, съ прибавкою вымысловъ и прикрасъ».

званца, употребляло всѣ средства къ искорененію въ умахъ народа опаснаго заблужденія о мнимо-царскомъ его родѣ. Желая опозорить лицо, можетъ быть, вовсе ему неизвѣстнаго иноземнаго пришлеца, оно наудачу могло выставить имя бѣглаго разстриги, будто бы назвавшагося Димитріемъ. Но предположивъ даже, что Годуновъ съ патріархомъ и боярами лично знали въ Москвѣ Отрепьева, неизвѣстно куда скрывшагося,—на чемъ основывались они, огласивъ въ изданныхъ вскорѣ по появленіи въ Польшѣ Самозванца манифестахъ, что это таинственное лицо есть Отрепьевъ? Повѣрили разсказамъ? Но развѣ можно въ точности разсказать физіогномію? развѣ можно въ столь важномъ обстоятельствѣ положиться на разсказы черни или шпіоновъ? Кромѣ того, нужно замѣтить еще слѣдующее: если челобитная дѣйствительно была подана Варлаамомъ ц. Василію, въ первые дни по убіеніи Лжедимитрія, когда она наиболѣе была нужна; то когда и какъ очутился въ Москвѣ Варлаамъ, по собственнымъ его словамъ врагъ Лжедимитрія, посаженный имъ въ Самборѣ въ темницу, и хотя, безъ вѣдома его, женою и дочерью Мнишки освобожденный, но проживавшій въ Москвѣ—подъ скипетромъ Самозванца?.. Словомъ, хотя вопросъ о Лжедимитріѣ, былъ ли онъ монахъ Отрепьевъ, или иное, какъ говорятъ, подставленное іезуитами лицо, при нынѣшнихъ наличныхъ историческихъ свидѣтельствахъ окончательно рѣшенъ быть не можетъ; однакожъ челобитная Варлаама бросаетъ перчатку между учеными: сколько видовъ для предположеній!“

Въ ряду мнѣній по разсматриваемому вопросу—о значеніи челобитной Варлаама, какъ основнаго источника о похожденіяхъ Григорія Отрепьева, мнѣніе Бередникова, безъ сомнѣнія, имѣетъ право на извѣстное вниманіе [1]).

Идя дальше въ разборѣ той же Повѣсти, г. Платоновъ отмѣчаетъ вообще строго выдержанный общій характеръ ея. Она яв-

[1]) До него сомнѣнія въ тожествѣ личности Отрепьева и Самозванца высказали—не совсѣмъ опредѣленно—митр. Платонъ (Краткая церков. ист., изд. 3-е, II, стр. 141) и вполнѣ ясно А. Ѳ. Малиновскій (Біогр. свѣд. о кн. Д. М. Пожарскомъ, М. 1817, стр. 12—13) и Погодинъ; ср. нѣкоторыя литературныя замѣчанія (Рус. Стар. XIV, с. 468 — временъ Павла). О полномъ утвержденіи этого мнѣнія въ послѣднее время замѣчаетъ П. С. Казанскій, представившій обстоятельный сводъ всѣхъ данныхъ по спорнымъ вопросамъ (Рус. Вѣст. 1877, №№ 8, 9 и 10; см. № 8, с. 464). «Указаніе на то, что Отрепьевъ и Лжедимитрій—два лица, едва ли не слѣдуетъ принять» (Бестужевъ-Рюминъ, Обзоръ, 98).

ляется самымъ раннимъ и самостоятельнымъ литературнымъ произведеніемъ, въ которомъ описаны названныя выше событія, но эти послѣднія, представлены авторомъ въ крайне одностороннемъ и неполномъ освѣщеніи. Борьба Годунова съ Шуйскими при Θедорѣ Ивановичѣ, убіеніе ц-ча Димитрія, захватъ престола Борисомъ, біографія Самозванца, подробности о послѣднихъ дняхъ Бориса и судьбѣ его семейства,—изложены, по выраженію автора, въ партійномъ духѣ. Авторъ Повѣсти, говоритъ г. Платоновъ, „нарисовалъ цѣлую картину козней и преступленій Бориса, совершенныхъ для достиженія престола. Стоя вообще на точкѣ зрѣнія Шуйскаго, онъ отнесся къ Борису такъ, какъ относились Шуйскіе, т. е. крайне враждебно... Шуйскіе—образецъ добродѣтели, Годуновы—воплощеніе зла; Шуйскіе—терпѣливыя жертвы, Годуновъ—двоедушный тиранъ, трусливый при неудачѣ, жестокій при успѣхѣ“ (18 — 19). Поэтому нѣтъ преступленія, котораго не приписалъ бы ему авторъ (смерть ц. Θедора, убіеніе Димитрія, принужденіе къ лжесвидѣтельству Шуйскаго и патр. Іова о смерти послѣдняго, самоубійство и т. п.[1]), а достиженіе имъ престола—это сплошная цѣпь интригъ, обмановъ и т. п. средствъ, употребленныхъ Борисомъ въ интересахъ своего дѣла. На сколько старается авторъ дискредитировать избраніе на престолъ послѣдняго, на столько, вопреки истинѣ, онъ хочетъ убѣдить, что Шуйскій избранъ на престолъ „всею Россійскою областью“, а его самого представить „первострадальцемъ“, „страстотерпцемъ“, которымъ Богъ восхотѣлъ „сохранить свою церковь отъ разоренія“ и въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ распространяетъ эти добродѣтели на весь родъ Шуйскихъ...[2]). „Сближеніе Повѣсти съ грамотами Шуйскаго, по г. Платонову, показываетъ ясно, что авторъ усвоилъ

---

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій давно вызвали уже опроверженіе: такъ, по поводу обвиненія Бориса въ смерти датск. принца Іоанна, жениха его дочери Ксеніи, возражали: А. Ф. Бюшингъ (Magazin für die neue Historie, B. VII), В. Рихтеръ (Gesch. der Medizin in Russland, Th. I, S. 403—409) и бар. Корфъ (Принцъ дат. Іоаннъ въ Россіи въ 1602 г., Сѣверн. Архивъ 1822, ч. II, № 8). Точно также изд. II т. Актовъ историческихъ показало, что ливон. кор. Марія Владиміровна была жива еще въ 1611 г. и такимъ образомъ надпись надъ ея гробомъ съ указаніемъ 1597 г., какъ года кончины, оказалась поновленною (пр. 40). Современники обвиняли Бориса въ намѣреніи извести Ивана Романова голодомъ, а тѣ же документы свидѣтельствуютъ, сколько припасовъ посылалось ему. Это дало основаніе Погодину замѣтить: «Чѣмъ болѣе открывается документовъ, тѣмъ болѣе пятенъ снимается съ Бориса» (Москвитян. 1842, № 2, с. 557; ср. Соловьевъ, VIII, 70).

[2]) Онъ противопоставляетъ «господъ» Шуйскихъ Годуновымъ, происходившимъ, какъ и Отрепьевъ, «отъ младыя чади» (стр. 16 и 28).

себѣ вполнѣ *правительственную точку зрѣнія* на событія и развивалъ правительственные взгляды В. Шуйскаго. Такое совпаденіе взглядовъ и самая цѣль повѣствованія, поставленная прямо въ интересахъ Шуйскаго, придаютъ нашей Повѣсти характеръ *оффиціознаго произведенія.*" Допуская въ этомъ случаѣ даже отсутствіе всякаго внѣшнаго побужденія, тѣмъ не менѣе авторъ заключаетъ свой отзывъ слѣдующими словами: „однимъ словомъ, онъ безсознательно могъ, ища истины, стать на сторону узкой политической партіи, *далеко неправой въ своихъ показаніяхъ и взглядахъ*" (14—18)... Въ виду этого Повѣсть 1606 г. получаетъ характеръ пристрастнаго *публицистическаго* произведенія и не можетъ считаться объективною лѣтописью событій... Историкъ долженъ крайне осторожно пользоваться фактическими данными Повѣсти именно потому, что въ ней сказывается партійная односторонность (34).

Тоже отношеніе къ фактамъ сказалось и въ оцѣнкѣ такого событія, какъ убіеніе ц-ча Димитрія. Г. Платоновъ по этому поводу говоритъ: „Смерть ц-ча въ наукѣ находитъ, какъ извѣстно, два противоположныхъ толкованія, и критика источника въ данномъ случаѣ не можетъ опереться ни на какое прочное основаніе. Въ 1591 г. оффиціально былъ установленъ фактъ нечаяннаго убійства, самоубійства Димитрія, въ 1605 и 1606 гг. оффиціально же утверждалось въ данномъ случаѣ убійство со стороны Годунова, но безъ всякаго объясненія его подробностей [1]). Наша Повѣсть впервые переноситъ это утвержденіе изъ области оффиціальныхъ увѣреній и народнихъ толковъ въ область литературы и впервые противопоставляетъ описаніе убійства картинѣ самоубійства, находящейся въ слѣдственномъ дѣлѣ; это придаетъ большую важность разсказу Повѣсти о смерти царевича. Разсказъ былъ написанъ въ то время, когда были живы и дѣйствовали въ Москвѣ ближайшія къ событію лица: мать царевича и его дяди Нагіе. Авторъ разсказа, какъ мы видѣли, былъ хорошо снабженъ источниками, имѣлъ въ рукахъ много документовъ, самъ принадлежалъ къ числу братіи близкаго къ Москвѣ и вліятельнаго монастыря, писалъ въ цѣляхъ и, легко можетъ быть, съ покровительствомъ В. И. Шуйскаго". Но всѣ эти выгодныя условія для автора *не прибавили ни одной такой черты* въ его

---

[1]) Собр. госуд. грам. и договор. II, № 60; Акты Арх. экспед. II, №№ 26, 37, 48.

разсказѣ о данномъ событіи, которая бы обнаруживала въ послѣднемъ близкое знакомство съ обстоятельствами его. „Если бы даже, замѣчаетъ изслѣдователь, и подозрѣвать, что слѣдственное дѣло было поддѣлано во всемъ его составѣ или же въ нѣкоторыхъ его частяхъ, то и въ такомъ случаѣ нѣтъ никакихъ данныхъ полагать, что сочинители дѣла желали освободить Михаила Битяговскаго отъ обвиненія въ томъ, что онъ своими руками убилъ Димитрія[1]). Поэтому мы можемъ думать, что во всякомъ случаѣ М. Битяговскаго во время несчастія съ царевичемъ не было около него". Повѣсть называетъ прямо и главнаго виновника злодѣйства—Бориса; но никакихъ доказательствъ или уликъ по этому поводу не представляетъ[2]). Напротивъ, въ разсматриваемой „Повѣсти" есть даже существенное противорѣчіе извѣстнымъ фактамъ. Такъ, въ ней сообщается, что для слѣдствія въ Угличъ былъ посланъ кн. В. И. Шуйскій и патр. Іовъ, на самомъ же дѣлѣ въ Угличъ ѣздилъ не Іовъ, а м. Геласій. „Сближеніе Повѣсти съ показаніями слѣдственнаго дѣла можетъ только усилить наше недовѣріе къ Повѣсти. За слѣдственнымъ дѣломъ безспорно остается преимущество большей современности

---

[1]) Отмѣтимъ, что, кромѣ историковъ (Погодина, Устрялова, Соловьева, Бѣлова—въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1873, №№ 7 и 8); В. Лядова (Критич. обз. мнѣній по поводу вопросовъ объ уб. ц-ча Димитрія и о личности Д. Самозванца—послѣдняя незначительна, тамъ же, ч. LXXXIX); пр. Филарета (въ Чт. Моск. общ. ист. 1858, I, съ церковно-истор. точки зрѣнія), объ этомъ дѣлѣ писалъ—Н. М. Коншинъ (Отчетъ И. Пуб. библ. 1876, с. 172, рукоп.) и дѣлалъ докладъ въ М. юридич. общ. Муратовъ (Порядокъ 1881, № 300, с. 3). Любопытно сыскное дѣло *1726 г.* по поводу попрековъ въ происхожденіи отъ убійцы ц-ча—Качалова и разъясненіе этого дѣла (Рус. Стар., т. XXXIX, 430). Между тѣмъ какъ въ былинѣ о смерти ц-ча Димитрія говорится: «а Годуновыхъ бояръ проклинаютъ завсегда», въ пѣснѣ про Д. царевича поется:

«Убили же царя Дмитрія въ гуляньи на игрищахъ;
«Убилъ же его Гришка Розстриженный,
«Убимши его, самъ на царство сѣлъ,
«И не скóлько царилъ, только семь годовъ».

Р. Стар., т. IX, 200). Любопытна также зам. о лубочной картинкѣ (Историческій Вѣстн. 1882, VIII, 702—703). Въ свое время г. Бѣлову возражалъ Н. И. Костомаровъ (О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Димитрія, Вѣст. Евр. 1873, № 9; Истор. моногр. т. XIII, 319—350) и нѣкоторые изъ его доводовъ представляются неопровержимыми. Вѣское замѣчаніе сдѣлалъ нѣкогда на сеймѣ въ Польшѣ Замойскій (Соловьевъ, VIII, 125). По связи съ этимъ вопросомъ заслуживаетъ упоминанія статья В. И. Лѣствицына: «Ссылалъ ли Борисъ Годуновъ угличанъ въ Пелымъ?» (Яросл. Губ. Вѣд. 1872, № 17), но мы не могли ею воспользоваться. Ср. также дѣло объ углицкомъ колоколѣ (Ист. Вѣст. 1888, № 10, 255—256).

[2]) Авторъ Повѣсти сообщаетъ о *многократныхъ* посягательствахъ со стороны Бориса на жизнь ц-ча Димитрія (20), а позднѣйшая *вставка* говоритъ уже о преслѣдованіи памяти его Борисомъ и по смерти («но хотяше и по смерти память его отъ земли истерти и преславная чудеса его въ презрѣніи положити» и т. д. Платоновъ, 36, прим.).

и обстоятельности показаній". Изслѣдователь выражаетъ даже удивленіе по поводу отсутствія какихъ либо убѣдительныхъ данныхъ въ Повѣсти противъ Бориса: „со времени преступленія, говоритъ онъ, прошло уже 15 лѣтъ; свидѣтели были на лицо и служили обвинителямъ". Таковъ выводъ автора объ одномъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ Повѣсти (19—22).

Изъ другихъ эпизодовъ той же Повѣсти заслуживаютъ вниманія весьма подробныя свѣдѣнія, сообщаемыя ею о похожденіяхъ Гр. Отрепьева въ Россіи до его бѣгства въ Литву: „Рѣдкій оффиціальный актъ можетъ сравниться съ Повѣстью количествомъ свѣдѣній о первоначальныхъ похожденіяхъ Отрепьева, замѣчаетъ г. Платоновъ. Поэтому намъ кажется, что Повѣсть въ этихъ своихъ показаніяхъ объ Отрепьевѣ должна занять одно изъ первыхъ мѣстъ среди прочихъ источниковъ". Разсказъ о немъ, какъ „написанный въ годъ смерти Самозванца, имѣетъ поэтому большую важность" (28—30). Есть нѣкоторыя мелкія, но любопытныя подробности, относящіяся къ этому послѣднему (32—33). Наконецъ авторъ Повѣсти упоминаетъ и о печальной судьбѣ ц-ны Ксеніи, взятой Лжедимитріемъ для гнусныхъ цѣлей. Нашъ изслѣдователь сопоставляетъ это извѣстіе съ другими русскими (кн. Катыревъ-Ростовскій и кн. Шаховской) и иностранными извѣстіями (какъ письмо Мнишка къ Самозванцу, Буссовъ, Петрей, Масса [1]). Еще недавно Костомаровъ указалъ на этотъ фактъ, какъ на одинъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ для характеристики Д. Самозванца [2]).

---

1) Ibid. стр. 32—33.

2) Рус. Стар. 1876, т. XVI, с. 1—8: «По поводу современ. портр. Лжедим. I» и «Ксенія Бор. Годунова», его же (Ист. Вѣст. XV, с. 1—23). Поступокъ съ Ксеніей здѣсь Костомаровъ выставляетъ уже, какъ самый убѣдительный доводъ въ подтвержденіе его сознательнаго обмана. «Какъ будто, замѣчаетъ Е. А. Бѣловъ, это былъ новый фактъ для историка, какъ будто онъ этого факта не зналъ, когда писалъ свою диссертацію: «Кто былъ первый Лжедимитрій», а онъ раздѣлялъ тогда убѣжденіе Соловьева, что Самозванецъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе». И далѣе прибавляетъ: «Да еще надобно провѣрить, фактъ ли это насиліе или только слухъ?» (Бѣловъ, Объ историч. значеніи рус. боярства до к. XVII в. Спб. 1886, 143). Въ письмѣ одного современника-итальянца, адресованномъ къ герц. тосканскому изъ Архангельска, отъ 4 іюля 1605 г., сообщается, будто бы Д. Самозванецъ хотѣлъ оказать помилованіе семейству Годунова (Рус. историч. Библ., т. VIII, стр. 74). Однако, устранить предъидущія свидѣтельства трудно, какъ идущія съ разныхъ сторонъ. Правда Масса выражается дипломатически: «Дочь Бориса Ксенію, одно время зависѣвшую отъ воли Лжедимитрія, онъ велѣлъ постричь въ монахини и сослать въ Кирил. монастырь» (171); но Пьеръ де-Лавиль, служившій подъ нач. Делагарди (1610), передаетъ даже слухъ, что Ксенія разрѣшилась въ монастырѣ отъ бремени

Повѣсть о смутномъ времени 1606 г. въ письменности XVII вѣка сдѣлалась весьма популярною. Такъ, она дошла до насъ въ сокращенномъ видѣ въ нѣсколькихъ спискахъ, съ разными варіантами; часть Повѣсти вошла въ житіе ц-ча Димитрія 1607 г., внесенное въ Минеи-четьи Германа Тулупова; затѣмъ въ разное время къ ней было сдѣлано нѣсколько дополненій, какъ-то грамотъ ц. Василія Шуйскаго, повѣствованія о первыхъ смутахъ при ц. Василіѣ, въ которое цѣликомъ вошла повѣсть протоп. Терентія о чудесномъ видѣніи 1606 г.; а послѣ 1617 г. прибавлено еще нѣсколько статей изъ хронографа 2-й редакціи; наконецъ онѣ были дополнены лѣтописными замѣтками, доходящими до пол. XVII в. Такъ составился сборникъ, получившій потомъ названіе Иного сказанія. Необходимо еще замѣтить, что и въ варіантахъ сокращенной передѣлки Повѣсти (Пов. како восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ) выдержано тоже враждебное отношеніе къ Борису Годунову, преобладающее въ самой Повѣсти: въ нихъ мы встрѣчаемъ разсказы о лицемѣріи и жестокостяхъ Бориса, а онъ самъ сопоставляется съ Фокой мучителемъ, императоромъ византійскимъ. Точно также въ „Житіи“ Борисъ является преслѣдователемъ даже памяти ц-ча Димитрія (стр. 34—81).

Впрочемъ, какъ ни хлопоталъ авторъ „Повѣсти“ о помраченіи имени Бориса Годунова и о прославленіи подвиговъ Вас. Шуйскаго, онъ не могъ достигнуть этой цѣли вполнѣ. Между тѣмъ, какъ его патронъ не нашелъ себѣ сочувствія почти ни у одного изъ историковъ и, напротивъ, встрѣтилъ весьма суровый приговоръ своей дѣятельности [1]), Б. Годуновъ нерѣдко возбуждалъ симпатіи у историковъ и желаніе найти объясненіе его дѣйствіямъ и оправданіе въ приписываемыхъ ему преступленіяхъ.

сыномъ (Аделунгъ, II, 135). Письмо итальянца было извѣстно Аделунгу по другимъ спискамъ (ibid., 97—99), а впервые напечатано въ 1658 г.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи Ксеніи въ Горицкомъ мон. и хожденіи на богомолье въ Кирилло-Бѣлозер. мон. находятся въ документахъ этого монастыря, откуда она была освобождена въ окт. 1606 г., чѣмъ и рѣшаются сомнѣнія, высказанныя нѣкогда по этому поводу (Акты историч. II, примѣч. 34; ср. Извлеч. изъ арх. Кир.-Бѣлозер. мон., Древн. Моск. археолог. общ., т. VIII, с. 140). Разысканія о ней Н. Д. Иванчина-Писарева (Москвитян. 1842, № 2, с. 557—563). О судьбѣ семейства Годунова см. письмо Д. Самозванца изъ-подъ Тулы (прилож. къ соч. Бареццо-Бареции, изд. кн. Авг. Голицынымъ, Р. 1858, по рук. Пар. нац. библ.).

[1]) Таковъ и отзывъ о немъ наиболѣе объективнаго историка (Соловьевъ, VIII, 155—159).

Уже историографъ **Миллеръ**, въ своемъ весьма обстоятельномъ по тому времени очеркѣ царств. Бориса Годунова (Опытъ новѣйшія исторіи о Россіи, Сочин. и переводы къ пользѣ и увесел. служащія, 1761, Спб., №№ 1—6, стр. 1—63, 99—154, 195—244), въ русскомъ изданіи, по независящимъ отъ автора причинамъ, не оконченномъ[1]), при всемъ своемъ несочувствіи нѣкоторымъ нравственнымъ чертамъ его, далъ весьма обстоятельное и подробное изображеніе умной политики и правленія Бориса Годунова. **Карамзинъ**, въ своихъ „Замѣчаніяхъ на пути къ Троицѣ", писанныхъ въ 1803 г., болѣе десятка страницъ посвящаетъ характеристикѣ Бориса Годунова, дѣятельность котораго заставила автора критически отнестись къ мнѣніямъ русскихъ лѣтописцевъ[2]); однако въ своей исторіи, изданной въ 1823 г., онъ уже вполнѣ послѣдовалъ тѣмъ же лѣтописцамъ. Но что авторъ и тогда еще думалъ иначе, свидѣтельствуетъ разсказъ Погодина, который со словъ Карамзина, ожидалъ увидѣть въ его исторіи оправданіе Годунова—и печально разочаровался въ томъ[3]). Самъ **Погодинъ** до конца былъ послѣдовательнымъ по-

---

1) Объясненіе ихъ у Пекарскаго (Ист. Ак. Наукъ I, стр. 380; подробнѣе: Редакт., сотруд. и цензура въ русскомъ журн. 1755—1764 гг., 51—55; Жизнь и литер. переписка П. И. Рычкова, Спб. 1867, стр. 46—47); отзывъ о соч. Миллера—Соловьева въ его статьѣ: Г. Ф. Миллеръ (Современ. 1854, т. XLVII, отд. II, 126—128); мнѣніе Миллера о Димитріѣ Самозванцѣ (Записки Уил. Кокса, Рус. Стар. 1877, т. XVIII, 320—322; иное—см. его же Sammlung Russischer Geschichte, V, 207—11; idem 1777, 52—54: здѣсь онъ признаетъ сам. Отрепьевымъ, но подставленнымъ поляками).

2) Собр. сочин., т. I, 487—499.

3) Н. М. Павловъ (Бицынъ), въ статьѣ своей о Д. Самозванцѣ (Рус. Арх. 1886, II, 599—600), по этому поводу замѣчаетъ: «Я увѣренъ, что если Карамзинъ въ X томѣ прежде написалъ одно, а потомъ напечаталъ другое, тутъ некого винить: это имъ сдѣлано вполнѣ добровольно. Въ рѣшительный мигъ на него напала нерѣшительность, вотъ и все». И объясненіе тому онъ находитъ въ тѣхъ же «Замѣчаніяхъ на пути къ Троицѣ». Выразивъ мнѣніе въ возможности клеветы на Бориса, вызванной враждою или безсмысліемъ, Карамзинъ однако выходитъ изъ затрудненія слѣд. образомъ: «Но что́ *принято*, утверждено *общимъ мнѣніемъ*, то дѣлается нѣкотораго рода святынею, и робкій историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, *безъ критики повторяетъ лѣтописи»*... «Именно такъ, прибавляетъ г. Павловъ, безъ критики писалъ Карамзинъ весь этотъ мелодраматическій разсказъ о душевномъ гладѣ, коимъ томился Борисъ», и т. д. слѣдуютъ возраженія со стороны Павлова. Предположеніе послѣдняго вполнѣ подтверждается и словами Д. Н. Блудова. «Карамзинъ говорилъ ему, что хотя точныхъ доказательствъ нѣтъ противъ Бориса Годунова въ дѣлѣ убіенія ц-ча Димитрія, однако у него полное внутренное убѣжденіе въ его соучастіи, убѣжденіе, исходящее отъ того, что, изучая исторію вообще, онъ проникнулся мыслію, что не можетъ не остаться осужденнымъ въ мнѣніи своего народа, въ теченіе двухъ столѣтій, лицо, оклеветанное *невинно*. Онъ полагалъ, что потомство есть своего рода кассаціонный судъ, который разбираетъ инстинктивно дѣла прошедшихъ временъ... и что, по словамъ Іог. Миллера: die Welt-Geschichte ist das Welt-Gericht» (Воспом. гр. А. Д. Блудовой, Рус. Арх. 1889, № 1, с. 105—106).

читателемъ и защитникомъ Бориса Годунова. Еще въ 1829 г. онъ напечаталъ въ „Москов. Вѣстн." статью: „Объ участіи Годунова въ убіеніи ц-ча Димитрія", направленную собственно противъ доводовъ Карамзина, исторію котораго онъ такъ уважалъ[1]); онъ допустилъ на страницахъ „Московскаго Вѣстника" возраженія по адресу Карамзина со стороны Арцыбашева, которыя причинили ему много непріятностей[2]); а въ 1858 г., въ статьѣ: „Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права" (Рус. Бес. 1858, IV) и возраженіи своемъ Костомарову онъ выступилъ въ защиту Бориса по поводу этого спорнаго вопроса[3]). Мало того. Погодинъ является ревностнымъ защитникомъ его и въ своихъ лекціяхъ: „Только одинъ разъ оживлялся онъ необычно и голосъ его принималъ живое, сердечное выраженіе,—когда онъ говорилъ о Борисѣ Годуновѣ и съ увлеченіемъ доказывалъ намъ, что Борисъ Годуновъ не былъ убійцей ц-ча Димитрія и не могъ быть", сообщаетъ одинъ изъ его слушателей[4]).

Но Погодинъ встрѣтилъ поддержку своему мнѣнію въ другомъ историкѣ, извѣстномъ въ свое время рядомъ статей, направленныхъ противъ исторіи Карамзина,—то былъ **Н. С. Арцыбашевъ**. Статья его „О кончинѣ ц-ча Димитрія" служитъ возраженіемъ противъ излишняго довѣрія Карамзина къ лѣтописнымъ повѣтствованіямъ, „въ ущербъ *документальнымъ даннымъ*, и дополненіемъ къ дѣльнымъ и убѣдительнымъ доказательствамъ Погодина касательно до невинности царя Бориса въ убіеніи ц-ча Димитрія" (Вѣстн. Евр. 1830, №№

---

1) Ср. Телескопъ, т. VII, 438—448; также т. X, 524—532 (о сказаніяхъ, изд. Устряловымъ).

2) Любопытны черты тогдашней литературной полемики по поводу историческихъ мнѣній Карамзина и отраженіе ея на Погодинѣ (Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, II, 135—140, 234—276; также П. М. Строевъ, 147—149, 239; ср. Моск. Телегр. 1833, т. XLIX, 429—457, по поводу изданій Устрялова).

3) Означенная статья и «отвѣтъ Костомарову на его разборъ разсужденія Погодина» (Арх. ист. и практ. свѣд. 1859, III) перепеч. въ «Историко-критич. отрывкахъ» (т. II, 1867).

Какъ извѣстно Карамзинъ заподозрѣвалъ указъ Шуйскаго (X, пр. 359), на которомъ главнымъ образомъ основывается закрѣпощеніе крестьянъ Борисомъ (Соловьевъ VII, 395; П. В. Павловъ, Объ ист. знач. царств. Б. Годунова, 45); но В. О. Ключевскій не придаетъ такого значенія этому акту (см. Рус. Мысль 1885, № 9, стр. 14, пр.). «Крѣпостное право утверждено было жизнію, а не законодательнымъ актомъ, какъ думали долго», замѣчаетъ К. Н. Бестужевъ Рюминъ (Обзоръ соб. отъ смерти ц. Іоанна Вас. до избр. Мих. Ѳед., Ж. М. Н. Пр. 1887, № 7, с. 78).

4) Москов. университетъ въ 1840-хъ годахъ, П. Д. Шестакова (Рус. Стар. 1887, т. LV, 657); ср. Воспом. Я. И. Костенецкаго (Р. Арх. 1887, I, 322). Этому мнѣнію Погодинъ остался вѣренъ до конца (см. его моногр. о Карамзинѣ, II, с. 5).

9—12, сс. 241—266, перепеч. въ Рус. Арх. 1886, т. III, 273—284). Однако нѣсколько позже (1841 г.) тѣ же мнѣнія автора встрѣтили затрудненія при печатаніи его „Повѣствованія о Россіи“ и соотвѣтственныя имъ мѣста, согласно съ заключеніемъ Н. Г. Устрялова, были нѣсколько видоизмѣнены; но еще болѣе замѣчательно то, что самъ Устряловъ, въ разборѣ того же акта въ своихъ изданіяхъ выразился уже, что „углицкій розыскъ не наводитъ и тѣни подозрѣнія на Бориса Годунова [1])“. Мнѣніе Арцыбашева нашло себѣ отголосокъ въ небольшой монографіи А. Краевскаго (Царь Борисъ Годуновъ, Спб. 1836, с. 31—37[2]). П. В. Павловъ, въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи „Объ историческомъ значеніи цар. Бориса Годунова“ (М. 1850), не входитъ въ разборъ дѣла 1591 г., но въ одномъ изъ частныхъ положеній выражается такъ: „Борисъ Годуновъ не былъ *единственнымъ* виновникомъ смерти ц-ча Димитрія Углицкаго“ (стр. 130). Что же касается его дѣятельности, какъ правителя, то авторъ замѣчаетъ: „Во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ Борисъ Годуновъ является болѣе сознательнымъ, нежели его предмѣстники“ (ib.). „Ему было на роду написано сыграть важную роль въ землѣ русской и онъ превосходно выполнилъ свое призваніе“ (110).

С. М. Соловьевъ, напротивъ, по своему взгляду на дѣло 1591 г., непосредственно примыкаетъ къ мнѣнію Карамзина. Передавъ сообщенія лѣтописцевъ объ этомъ событіи, онъ замѣчаетъ такъ: „Въ этомъ разсказѣ мы не встрѣчаемъ *ни одной черты*, которая заставила бы заподозрить его подробности самаго убіенія, предшествовавшій разговоръ убійцы съ жертвою, подробности приготовленій въ Москвѣ, имена лицъ, выбранныхъ, но отказавшихся

---

[1]) Подробности объ этомъ см. въ нашей статьѣ: Арцыбашевъ и Устряловъ (Р. Арх. 1886, III, 523—527). Въ письмахъ же къ Строеву, Устряловъ, соглашаясь съ нимъ, весьма лестно отзывался о трудахъ Арцыбашева (Барсуковъ, 239—240). Любопытно съ этой стороны недовольство Устрялова изложеніемъ и критикою Карамзина въ отношеніи исторіи смутнаго времени (Сказанія современ. о Д. Самозванцѣ, I, предисл., стр. IX—X, писано въ 1831 году).

[2]) Первоначально въ Энциклоп. Лексиконѣ, изд. А. А. Плюшаромъ (т. VI); но въ т. XIV того же изданія напечатана статья въ противномъ духѣ, а въ предисловіи осуждается статья VI тома. Объясненіе литературныхъ столкованій по этому поводу (Воспом. А. В. Старчевскаго Ист. Вѣст. 1888, № 10, ст. 131).

Э. Герману принадлежитъ статья: Russland unter der Regierung Boris Godunow's und des ersten unter dem Namen des Zarewitsch Dimitri auftretenden falschen Pretendenten (Neue Jahrb. der Gesch. und Politik, v. Bülau, 1844), не представляющая впрочемъ ничего выдающагося,

взять на себя совершеніе злодѣйства, указанія на Клешнина, какъ на главнаго дѣятеля, всѣ эти подробности не позволяютъ историку видѣть въ этомъ разсказѣ выдумку" (VII, 424). Напротивъ, разсматривая слѣдственное дѣло, авторъ заключаетъ, что слѣдствіе было произведено недобросовѣстно (430), и въ особомъ примѣчаніи (131) подробно разбираетъ сомнѣнія, высказанныя нѣкогда Погодинымъ[1]).

Въ свое время выводы Соловьева подверглись замѣчаніямъ со стороны К. С. Аксакова (разборъ VII т. Исторіи Россіи, Рус. Бес. 1858, II, 23—28), снова попытавшагося защитить память Бориса Годунова. Въ томъ же направленіи, но съ особенною настойчивостью въ защиту мнѣнія Погодина, было разобрано слѣдственное дѣло въ статьяхъ Е. А. Бѣлова (Журн. Мин. Нар. Пр. 1873, №№ 7 и 8), вызвавшихъ въ свое время возраженіе со стороны Костомарова (Вѣстн. Евр. 1873, № 9)[2]). Изъ другихъ изслѣдователей—А. П. Барсуковъ „не рѣшается стать на сторону обличителей Бориса Годунова" [3]); К. Н. Бестужевъ—Рюминъ не высказываетъ опредѣленнаго мнѣнія, однако и не осуждаетъ Бориса Годунова (Обзоръ событій отъ ц. Іоанна Васил. до избранія на прест. Мих. Ѳед., Журн. Мин. Н. Пр., № 7, отд. 2); С. Ѳ. Платоновъ примкнулъ къ сторонникамъ оффиціальнаго акта. Наконецъ, въ послѣднее время, противъ Годунова и въ защиту мнѣнія Карамзина и Соловьева, рѣшительно высказался Д. И. Иловайскій[4]).

Впрочемъ, въ защиту Бориса Годунова появлялись мнѣнія не только въ средѣ ученыхъ. Такъ, Петръ В. старался „почтить память великаго человѣка" и къ такому мнѣнію, очевидно, склоняется Екатерина II [5]), а извѣстный публицистъ Чаадаевъ писалъ А. С. Хомякову: „Не вѣрю, чтобы царствованіе Ѳедора столько же было счастливо безъ Годунова, сколько оно было при немъ" [6]). Возбуждалъ иногда сим-

---

1) Исторія Россіи, т. VII, стр. 445—450.

2) Тоже въ Историч., моногр. т. XIII, 319—350.

3) Родъ Шереметевыхъ, II, 31—33. Также смотритъ и П. С. Казанскій (Рус. Вѣст. 1877, № 8, 467).

4) Русскій Архивъ 1889, № 2: По поводу розыска о смерти ц-ча Димитрія, стр. 368—370).

5) Сборникъ XVIII вѣкъ, IV, 291.

6) Вѣст. Европы 1871, VI, 340.

патіи къ себѣ и Д. Самозванецъ[1]; но Шуйскій, какъ мы сказали, не нашелъ защитника въ исторической литературѣ.

Перейдемъ къ другимъ произведеніямъ, разсматриваемымъ въ книгѣ г. Платонова.

II.

Вторая глава (стр. 82—127) изслѣдованія г. Платонова посвящена разбору слѣдующихъ шести сказаній: 1) Повѣсть патр. Іова о честнѣмъ житіи ц. Ѳеодора Ивановича; 2) Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ; 3) Плачъ о плѣненіи и о конечномъ разореніи превысокаго и пресвѣтлѣйшаго Московскаго государства; 4) Повѣсть о нѣкоей брани, належащей на благочестивую Россію; 5) Сказаніе о видѣніи, бывшемъ человѣку благочестивому именемъ Григорію въ Нижнемъ Новгородѣ (26 мая 1611 г.) и 6) Сказаніе (краткая запись), неизвѣстно кѣмъ составленное, о видѣніи, бывшемъ во Владимірѣ въ ночь съ 24-го на 25-го августа 1611 г.

Что касается перваго изъ нихъ[2], то, не смотря на положеніе автора ея, она не представляетъ какихъ либо выдающихся чертъ въ историческомъ отношеніи. Авторъ съумѣлъ сохранить оффиціальный тонъ похвальнаго слова относительно обоихъ государей, о которыхъ ему приходится говорить (т. е. о цц. Ѳедорѣ и Борисѣ). Притомъ, какъ писанная въ началѣ цар. Бориса Годунова, Повѣсть эта и не относится непосредственно къ смутному времени. Прочія же сказанія по времени составленія, приходятся на промежутокъ времени съ конца 1610—1612 гг. Не смотря, однако, на такую близость авторовъ къ описываемымъ событіямъ, нашъ изслѣдователь придаетъ имъ мало историческаго значенія. „Новая повѣсть“ [3]—„есть подметное

---

[1] Письмо Д. В. Давыдова (Рус. Стар. 1884, т. XLIII, 136); Дневникъ В. И. Аскоченскаго (Ист. Вѣстн. 1882, т. VII, с. 331—32, весьма патетическое мѣсто, относящееся правда къ порѣ молодости авторѣ); Н. Г. Устряловъ (предисл. къ хроникѣ Буссова, с. vi); Д. Самозванецъ, А. С. Хомякова (Р. Арх. 1886, т. II); ср. многія любопытныя замѣчанія у С. М. Соловьева (т. VIII, стр. 119, 122, 123, 124, 129, 147—148, 149, 155—156; т. IX. 471).

[2] Никонов. лѣтоп., т. VII, 316—359.

[3] Рук. библ. Моск. дух. ак. Арх. Леонидъ видитъ въ ней одно изъ троицкихъ посланій (Свѣд. о славян. рукоп., поступив. изъ книгохр. Троиц. лав. въ библ. Троиц. дух. сем. въ 1747 г., Чт. Моск. общ. ист. 1884, III, 182); Кедровъ—посланіе, отправл. изъ Кремля какимъ-то женат. лицомъ подъ Смоленскъ (Ар. Палицынъ, ib. 1880, IV, 62); г. Платоновъ—авторомъ ея считаетъ приказнаго дьяка (89).

письмо, заключающее въ себѣ призывъ къ возстанію противъ поляковъ, занимавшихъ Москву и противъ бояръ, повиновавшихся и благопріятствовавшихъ Сигизмунду" (стр. 87). Она даетъ *весьма мало* фактическаго матеріала, а страстность, съ какою написана Повѣсть, заставляетъ съ осторожностью относиться къ ея фактическимъ показаніямъ (102),—таковъ общій отзывъ о ней автора изслѣдованія. Третій памятникъ—„Плачъ" [1]), по отзыву того же автора, не требуетъ доказательствъ, что изложеніе событій смутнаго періода представлено въ немъ *далеко не вѣрно*. Источниками для него служили —прощальная грам. патр. Іова и Гермогена и грамоты 1611—13 гг., которыя разсылались по городамъ изъ ополченій Прок. Ляпунова и кн. Д. М. Пожарскаго [2]). Такимъ образомъ авторъ „Плача" вполнѣ усвоилъ себѣ ту точку зрѣнія на событія, какую давали грамоты 1611—1612 гг. Но простой языкъ грамотъ не удовлетворялъ его и онъ считалъ необходимымъ украшать свое произведеніе цвѣтистыми оборотами книжной рѣчи (стр. 111). Мало этого, изслѣдователь „Сказаній" замѣчаетъ, что авторъ „Плача" не былъ даже москвичемъ, такъ какъ ни одна черта не даетъ намъ права заключать, что онъ былъ свидѣтелемъ московскаго разоренія; онъ судилъ объ этихъ событіяхъ по грамотамъ, причемъ простыя фразы грамотъ, легшія въ основу его разсказа, подверглись въ „Плачѣ" риторической переработкѣ и въ новой формѣ потеряли свою прежнюю выразительность (115). Все это приводитъ автора къ заключенію, что „Плачъ", какъ произведеніе, составленное на основаніи извѣстныхъ намъ документовъ и не заключающее въ себѣ новыхъ фактическихъ данныхъ, имѣетъ *весьма малую историческую цѣнность* (114) [3]). Остальныя три сказанія (№ 4, принадлежащее подъячему или дьяку

---

[1]) Рукоп. Импер. публ. библ. (стр. 103); другіе списки Моск. публ. м. и библ. гр. Уварова (Царскаго).

[2]) Собр. Госуд. грам. II, №№ 251, 262, 281; Акты Арх. Экспед. II, №№ 185, 188, № 203.

На стр. 106—112 авторъ представляетъ примѣры цѣлаго ряда заимствованій изъ указаннаго источника и тожества выраженій и фразъ (примѣч.).

[3]) Сопоставленіе нѣкоторыхъ фактовъ, не заключающихся въ главныхъ источникахъ сказанія—грамотахъ и встрѣчающихся, въ свою очередь, въ другихъ современныхъ памятникахъ, позволяетъ даже думать, что они принадлежатъ не ему, а заимствованы и тѣмъ, и другими изъ одного общаго источника (стр. 114, примѣч.).

Посольскаго приказа [1]); № 5—пов. Григорія и № 6[2]) представляютъ уже въ своемъ основаніи *смѣсь чудеснаго съ дѣйствительнымъ:* они говорятъ о небесныхъ знаменіяхъ и видѣніяхъ, призывавшихъ къ посту, покаянію и мимоходомъ только касаются современныхъ событій. Нѣкоторыя изъ нихъ даже заканчиваются молитвами (стр. 116, 119). Разсмотрѣвъ содержаніе этихъ произведеній, г. Платоновъ говоритъ: „*Всѣ* разобранныя нами сказанія, сами по себѣ являясь весьма любопытными для изученія литературными фактами, или вовсе не даютъ фактическаго матеріала для историка, или даютъ такія свѣдѣнія, которыя нуждаются въ строгой критической провѣркѣ“ (127).

Впрочемъ, такой строгій выводъ относительно содержанія указанныхъ памятниковъ, не лишаетъ ихъ извѣстнаго историческаго значенія. Какъ произведенія литературныя и публицистическія, они знакомятъ насъ съ современнымъ состояніемъ общества, съ настроеніемъ общественной мысли; а нѣкоторыя изъ нихъ заключаютъ въ себѣ и болѣе реальныя черты. Такъ, авторъ „Новой повѣсти“, служившій боярскому правительству 1610—1611 г., главные удары своего воззванія направляетъ именно *противъ бояръ*, которыхъ онъ называетъ не иначе какъ „измѣнниками“, „богоотступниками“, „кривителями“, „братьями Іуды предателя“, которые и „не могутъ ничего учинить“, (стр. 88, 100), а съ другой стороны—противъ извѣстнаго выскочки смутной эпохи—Андронова, намеки на котораго представляются весьма прозрачными (89—90, примѣч.). Но авторъ не щадитъ и духовенства, которое, по его мнѣнію, не стояло на высотѣ своего призванія („Гермогенъ способниковъ себѣ не имѣетъ никого же... и тѣ славою міра сего прелестнаго прельстишеся, просто рещи подавилися... и творятъ ихъ волю“ [3]). Въ виду такого положенія вещей всю свою надежду авторъ возлагаетъ лишь на народъ (100). Въ свою очередь, авторъ „Плача“ всю вину сверженія Шуйскаго относитъ на счетъ *боярства* [4]). Въ тѣхъ же сказаніяхъ мы находимъ

[1]) Рукоп. Имп. Публ. библ. (стр. 116—121).

[2]) Рукоп. Имп. Публ. библ. (121); Никон. лѣт. VIII, 172 — 173; Лѣтоп. о мятежахъ 231—233; Нов. лѣтоп., 143.

[3]) Стр. 88, примѣч.

[4]) Въ рукоп. гр. Уварова читаемъ: «Властодержцы московскіе бояре сатанинскою завистью и дьявольскимъ гордѣніемъ не восхотѣша царю Василію поклонитися... восхотѣша пріяти королевича на Московское государство царствовати». Замѣчательно, что въ другихъ спискахъ это мѣсто о «боярахъ» выпущено, а читается только—«людіе же» и пр. (стр. 107, прим.).

еще живыя черты, свидѣтельствующія о положеніи Москвы подъ властью поляковъ (стр. 96, 97, 101, 114). Всѣ эти данныя, не лишены, конечно, извѣстнаго историческаго интереса.

При всемъ томъ, мы не можемъ признать распредѣленіе авторомъ изслѣдованія сказаній въ принятомъ имъ порядкѣ вполнѣ правильнымъ. Положивъ въ основаніе хронологическую послѣдовательность (ср. с. 82), автору приходилось до сихъ поръ говорить больше объ отрицательныхъ достоинствахъ разсматриваемыхъ памятниковъ, не смотря на то, что составители ихъ, повидимому являлись ближайшими свидѣтелями смуты. Между тѣмъ, онъ самъ дѣлаетъ слѣдующее сопоставленіе: „Сравнивая немногія строки „Плача“ о разрушеніи Москвы съ показаніями о немъ Новаго лѣтописца и Рукописи Филарета, въ которыхъ видны впечатлѣнія очевидцевъ, мы можемъ только удивляться *безцвѣтности* и неопредѣленности разсказа „Плача“ (115). И далѣе: „Болѣе объективныя и содержательныя описанія смуты явились въ нашей письменности *позднѣе,* въ тѣхъ сказаніяхъ, которыя были составлены или приняли окончательную литературную форму въ царств. Михаила Өедоровича“ (127). Тоже самое слѣдуетъ сказать и о первой главѣ автора, гдѣ ему пришлось имѣть дѣло съ „сборникомъ“, а не цѣльнымъ произведеніемъ. Намъ кажется, что авторъ поступилъ бы правильнѣе, начавъ свое изслѣдованіе съ болѣе полныхъ и обстоятельныхъ изложеній событій смутнаго времени, которыя, однако, принадлежали очевидцамъ ихъ и имѣютъ несомнѣнно историческій характеръ, а затѣмъ уже перешелъ бы къ произведеніямъ, касающимся отдѣльныхъ эпизодовъ и сочиненій публицистическаго направленія.

III.

Третья и четвертая главы разсматриваемаго изслѣдованія составляютъ главный отдѣлъ всей книги, какъ по характеру входящихъ въ него произведеній, такъ и по ихъ объему. И самъ авторъ озаглавилъ его такъ: „Важнѣйшія произведенія о смутѣ времени ц. Михаила Өедоровича“. Дѣйствительно, говоря объ этихъ произведеніяхъ, становится возможнымъ называть имена ихъ авторовъ, да и эти послѣдніе являются болѣе или менѣе видными дѣятелями въ эпоху смуты.

Прежде всего считаемъ необходимымъ замѣтить, что г. Платоновъ оказалъ весьма большую услугу исторической литературѣ, помѣстивъ въ своемъ изслѣдованіи (с. 128—168) подробное изложеніе „Временника“ дьяка Ивана Тимоѳеева, извѣстнаго всего въ одномъ спискѣ, принадлежащемъ библ. Флорищевой пустыни. Правда произведеніе Тимоѳеева отличается излишнею высокопарностью и многословіемъ, впрочемъ свойственными вообще означенному періоду литературы[1]), но это не лишаетъ его значительной оригинальности, заявляющей себя независимостью мнѣнія и новизною фактовъ —качества, которыя уже успѣлъ въ свое время оцѣнить въ авторѣ „Временника“ такой знатокъ историческихъ памятниковъ, какъ П. М. Строевъ[2]). Притомъ нашъ авторъ свидѣтельствуетъ о неисправности даже единственнаго извѣстнаго ему списка (стр. 131). Какъ приказный дьякъ при ц. Борисѣ до отправленія своего на службу въ Новгородъ (въ нач. 1610 г.), гдѣ онъ оставался долгое время (по 1618 г.), а затѣмъ исполнявшій разныя порученія въ поволжскихъ городахъ, при очевидной своей любознательности и вниманіи къ современнымъ событіямъ, Тимоѳеевъ могъ, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ прослѣдить за важнѣйшими явленіями и ознакомиться со многими очевидцами и дѣятелями смуты[3]). Повидимому авторъ „Временника“ прекрасно понималъ обязанность историка: „поносно бо есть писателю, говоритъ онъ, *неясно вѣдуще*, сущая вещи описывать“. Не разъ онъ отказывается подробно говорить объ извѣстныхъ событіяхъ или потому, что не помнитъ ихъ, или потому, что мало о нихъ знаетъ (134). Онъ считаетъ недостойнымъ историка умалчивать о хорошихъ качествахъ Бориса Годунова при упоминаніи о дурныхъ, и опасается въ этомъ случаѣ даже подозрѣнія въ умышленной враждѣ къ нему (135)[4]). По словамъ г. Платонова, Тимоѳеевъ не вынесъ

---

1) См. наше изслѣдованіе: «Скопинъ—Шуйскій» (Чтенія въ Общ. Нест. лѣтоп., I, с. 159—160).

Въ другомъ мѣстѣ г. Платоновъ называетъ изложеніе Тимоѳеева утомительнымъ по своимъ *иносказаніямъ* (216).

2) Хронологич. указ. матеріаловъ отеч. ист., литер., правовѣд. (Ж. М. Нар. Пр. 1834, ч. I, с. 175; Библ. Словарь, 269—271).

3) Г. Платоновъ относитъ время составленія «Временника» къ 1616—1619 гг. или нѣсколько позже (стр. 163—166).

4) О его извѣстной начитанности свидѣтельствуютъ намъ, какъ употребленіе книжныхъ пріемовъ (напр. сравненіе бѣдъ Западной Европы въ началѣ 30-лѣтней войны съ бѣдствіями

изъ смуты никакихъ партійныхъ привязанностей и лично враждебныхъ воспоминаній. Свой трудъ онъ писалъ по желанію м. Исидора, старавшагося чтобы не были забыты событія, которыхъ авторъ былъ свидѣтелемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ Тимоѳеевъ не признавалъ за собою достоинствъ, необходимыхъ для писателя. Понятно, что авторъ, по духу своего времени, остается вѣренъ общему взгляду на событія —религіозному и видитъ причину смуты въ нравственномъ состояніи общества, о которомъ онъ судитъ какъ суровый моралистъ: „все его повѣствованіе полно обличеніями: это не спокойный бытописатель, а человѣкъ, стремящійся показать читателю, кто былъ повиненъ въ бѣдствіяхъ смуты, кто вызывалъ и поддерживалъ междоусобія и кто палъ жертвою этихъ междоусобій... Въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ очерковъ онъ даетъ намъ характеристики дѣятелей, останавливается на отдѣльныхъ событіяхъ, которыя почему либо считаетъ важными, и не только описываетъ и разсказываетъ, но и обсуждаетъ факты“ (134).

„Временникъ“ Тимоѳеева въ пяти главахъ обнимаетъ время отъ Ивана Грознаго, о которомъ онъ еще помнилъ, до 1619 г. Въ событіяхъ ц. Грознаго и его личномъ характерѣ онъ видитъ корень будущей смутной эпохи [1]); но и въ его отношеніяхъ, и послѣдующихъ событіяхъ до Бориса Годунова онъ подмѣтилъ и постоянно противоборствующую силу—*бояръ*, которые всѣ были преодолѣны Борисомъ (138) [2]). Мимоходомъ авторъ сообщаетъ нѣсколько новыхъ фактовъ, не встрѣчающихся въ другихъ источникахъ [3]). Въ его

Трои, с. 166) и знакомство съ византійской исторіей (148—165), такъ и употребленіе иностранныхъ выраженій, (силентіары, 138 пр.; доместикъ, скименъ и т. п. 168, пр.; Луппъ иже толкуется волкъ, 139, пр.); приводитъ онъ въ примѣръ древнія повѣсти (132, 154); дѣлаетъ выписки изъ св. писанія и богословскихъ книгъ (168).

1) Ср. показаніе Флетчера, гл. 9.

2) Любопытно сравнить это показаніе съ современными иностранными извѣстіями (XXI присужд. наградъ гр. Уварова, с. 102). Соловьевъ въ началѣ цар. Ѳедора Ивановича замѣчаитъ: «Борьба бояръ за регентство въ его царствованіе получаетъ уже новое значеніе: здѣсь должны были выставится не могущественнѣйшіе только роды боярскіе, но будущія династіи: двѣ изъ нихъ погибли въ борьбѣ, въ буряхъ смутнаго времени; третья утвердилась на престолѣ Рюриковичей» (VII, 247).

3) Таково напр. его сообщеніе о печальной смерти сына И. Грознаго Димитрія (Платоновъ, 138) при возвращеніи изъ Бѣлозер. мон. (1553): онъ былъ упущенъ сонной кормилицей въ воду, о чемъ не говорятъ другіе русскіе источники, хотя имя его рано сдѣлалось предметомъ борьбы придворныхъ партій (Никон. лѣт. VII, 203, ни даже Курбскій, 47); но разсказъ Тимоѳеева вполнѣ подтверждается свидѣтельствомъ голландца Массы, сообщающаго о томъ же фактѣ

„Временникѣ“ находимъ живыя подробности объ избраніи на престолъ Б. Годунова, напоминающія сообщенія нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей (Буссовъ, Петрей), но которыя въ устахъ враговъ Бориса (Повѣсть 1606 г.) пріобрѣли еще менѣе привлекательныя черты. (стр. 145—146)[1]. Онъ указываетъ на свойство съ Борисомъ извѣстнаго Клешнина, близкаго къ нему человѣка (139, прим.)[2]; сообщаетъ о введеніи Борисомъ, при провозглашеніи многолѣтія, поминанія всей его семьи[3]); о сокрытіи избирательной грамоты въ ракѣ мощей св. м. Петра, которая никогда до того времени не открывалась (149). Онъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что по воцареніи Бориса, многіе, чтобы получить отъ него милости, *строили церкви* въ честь государева ангела, и входитъ въ общее разсужденіе по

въ нѣсколько иной формѣ: «Однажды вел. князь поѣхалъ по озеру для осмотра расположеннаго берегомъ его лагеря. Княгиня, имѣя при себѣ ребенка, слѣдовала за нимъ въ другой лодкѣ. Когда ихъ лодки поровнялись, вел. князь попросилъ у нея (передать ему) Димитрія, чтобы съ нимъ поиграть. Во время передачи ребенокъ внезапно вывернулся изъ рукъ (родителей), упалъ въ воду между обѣими лодками, тотчасъ пошелъ ко дну, какъ камень, и его не могли даже найти. Такъ скончался ихъ первый сынъ» (Сказ. Массы стр. 13). Впрочемъ та же лѣтопись сообщаетъ о погребеніи его въ Арх. соборѣ, въ ногахъ вел. кн. Василія Ивановича.

[1]) Любопытно сопоставить эти данныя съ извѣстіемъ Мих. Шиле, представлен. императ. Рудольфу въ 1598, въ которомъ, по горячимъ слѣдамъ, записаны свѣдѣнія объ избраніи Бориса на престолъ и выставлены на видъ, съ одной стороны, вражда народа къ боярству, а съ другой —облегченія, сдѣланныя Борисомъ для крестьянъ и ограничивавшія власть владѣльцевъ (Сборникъ Вихмана и Чт. Моск. общ. ист. 1875, кн. II).

[2]) Прибавимъ къ этому, что на стѣнѣ церкви Ирины муч. въ Пафн. Боровскомъ мон., построенной, какъ говорятъ, царицею Ириною Ѳедоровною, П. М. Строевъ нашелъ слѣд. надпись: «Лѣта 1599 апр. въ 6 день преставися рабъ Божій вел. госуд. царя и вел. кн. Ѳеодора Ивановича всея Россіи дятка, окольничій *Луппъ зовомый,* Андрей Петр. Клешнинъ, во иноцѣхъ Левкей схимникъ» (Строевъ, Барсукова, стр. 40; ср. у Карамзина, т. X, пр. 247), но выводъ сдѣланный послѣднимъ (CX, 83), не подтверждается обычаями вѣка (см. ст. Н. Я. Аристова: «Невольное и неохотное постриженіе въ монашество у нашихъ предковъ», Древ. и Нов. Рос. 1878, тт. II и III). О Клешнинѣ см. еще у Платонова (с. 267, 285—286).

На близость Клешнина къ Борису, какъ его единомышленника, указываютъ современные свидѣтели (см. XXI-е присужд. наградъ гр. Уварова, с. 102); но любопытно, что эта близость и извѣстный антагонизмъ между Г. В. Годуновымъ и Борисомъ послужили темою для воспроизведенія ихъ отношенія при избраніи на престолъ послѣдняго въ особомъ сочиненіи, въ которомъ оба противника произносятъ рѣчи за и противъ Бориса, въ духѣ классическихъ писателей. Сочиненіе это было неоднократно напечатано (Сѣв. Архивъ 1825, ч. XVIII, № 21; Сынъ Отеч. 1834, ч. CLXIV; 1847, III; Чт. М. Общ. ист. 1858, кн. II, перев. съ латинск., подъ именемъ секрет. посольства Л. Сапѣги Голята-Гримовскаго, т. е. Ил. Пельгржимовскаго), хотя также неоднократно признавалось подложнымъ (Журн. Мин. Нар. Пр. IV, 138—139; зам. Н. Сушкова, Рус. Вѣстн. 1858, № 21; Библ. Зап. I, 735—736; Журн. М. Н. Пр. 1878, № 5, ст. Е. Козубскаго, стр. 4).

[3]) Впрочемъ отзывъ о присягѣ Борису требуетъ нѣкотораго ограниченія (Соловьевъ, VIII, 12), такъ какъ подобныя клятвы употреблялись и потомъ (1626, 1653 гг., см. Древ. Рос. Вивл. т. VIII; сс. 76—82, 87—101).

этому поводу[1]); говоритъ о намѣреніи Бориса воздвигнуть въ Москвѣ великолѣпный храмъ, который долженъ былъ затмить собою славу Успенскаго собора — извѣстіе, подтверждаемое Авр. Палицынымъ и другими современниками [2]); съ удивленіемъ упоминаетъ и некнижности Бориса Годунова [3]). Не смотря однако на то, что общая характеристика Бориса (стр. 151. примѣч.) во Временникѣ Тимоѳеева, можно сказать, превосходитъ всѣ другія; но въ общемъ заключеніи о немъ онъ все таки не возвышается, надъ общимъ мнѣніемъ о его царствованіи, сложившимся въ смутное время и причиною всѣхъ бѣдствій Бориса считаетъ тотъ же общій порокъ, какой указываютъ въ немъ и др. писатели этой эпохи — *властолюбіе* [4]) (151); а Д. Самозванецъ въ глазахъ его является карою, посланною свыше (153). И хотя авторъ съ сочувствіемъ говоритъ о бѣдствіяхъ семьи Годунова, но какъ бы въ въ подкрѣпленіе той же главной мысли распространяется, правда болѣе въ намекахъ, о тѣхъ униженіяхъ, которыя испытала въ теченіе многихъ лѣтъ дочь Бориса—Ксенія (стр. 153, примѣч.).

---

[1]) «Во имя бо купно державныхъ ангеловъ храмы здаху мнози съ довольствы, яко вѣчны, и иконы писующе украшаху и прочая чести тѣмъ сотворяюще... И по исходѣ славолюбныхъ отсюду храмы они опустеваеми и небрегоми, иконы же презираеми... ими же прежде почитаеми, сими и оставляеми» (147)—любопытная черта времени.

[2]) Въ рукоп. спискѣ своего «Сказанія» (148) Палицынъ говоритъ, что Борисъ думалъ въ настоящемъ случаѣ подражать Юстиніану, Масса — Соломону. Послѣдній же сообщаетъ о вылитыхъ для предположеннаго храма ювелиромъ Як. Ганомъ изъ чистаго золота изображеніяхъ 12 апостоловъ, Іисуса Христа и арх. Гавріила. Геркманъ прибавляетъ о модели новаго храма, сдѣланной, по приказанію Бориса и по образцу храма іерусалимскаго, на основаніи данныхъ св. писанія и соч. Іосифа Флавія (Сказанія Массы и Геркмана, стр. 83, 270—271).

[3]) «И чюдо! яко первый таковъ царь не книгочій намъ бысть»... «И чюдо! первый бо той въ Россіи деспотъ безкниженъ бысть» (150 примѣч.). Масса, вообще неблагопріятный къ Борису, замѣчаетъ о немъ такъ: «Онъ имѣлъ огромную память и, хотя не умѣлъ *ни читать, ни писать*, тѣмъ не менѣе все зналъ лучше тѣхъ, которые умѣли писать... и если бы все шло по его желанію, то онъ совершилъ бы много великихъ дѣлъ» (Сказанія Массы и Геркмана, изд. Арх. ком., стр. 137). Припомнимъ, что претендентъ на москов. престолъ кн. В. В. Голицынъ заявлялъ о себѣ такъ: «Самъ я только немножко читаю, писать не умѣю» (Соловьевъ, т. X, дополн., с. Ш). Однако до насъ дошли грамоты съ подписью руки боярина Б. Ѳ. Годунова (С. Отеч. 1850: Свѣд. о почеркѣ руки Б. Ѳ. Г-ва, П. Иванова, с. 1—8, со снимк. и Историч. рус. альбомъ, М. Погодина, М. 1853, № 87). А. Палицынъ выражается мягче (с. 2).

[4]) Такъ, онъ допускаетъ всѣ, существовавшія подозрѣнія о его тайныхъ убійствахъ обыкновенно отвергаемыхъ (стр. 139—ц. Ѳеодора, 143—Іоанна Датскаго и Густава Шведскаго, см. Соловьевъ, VII, 432—433); въ невѣрномъ видѣ представляетъ походъ Бориса подъ Серпуховъ (142 и примѣч.). За то любопытенъ отзывъ его о значеніи могущественныхъ дьяковъ брат. Щелкаловыхъ и отношеніи къ нимъ Бориса Годунова (150, примѣч.).

Свѣдѣнія, сообщаемыя Тимоѳеевымъ о Д. Самозванцѣ, мало отличаются отъ общеизвѣстныхъ [1]). Но къ цар. Василія Шуйскаго онъ относится крайне враждебно, не смотря на то, что Шуйскій дѣйствовалъ во имя тѣхъ же интересовъ, которые такъ дороги были самому автору Временника. Онъ сѣтуетъ какъ на то, что Василій Шуйскій воцарился безъ совѣта всей Земли [2]), такъ и на то, что главнымъ дѣятелемъ въ его провозглашеніи оказался тотъ самый Михаилъ Татищевъ, который такъ презрительно относился къ Шуйскому прежде, при Борисѣ Годуновѣ („даже и до *рукобіенія* всеродно той досаждая... онаго Василія всеродно безчестя"). Роль Татищева въ сверженіи Самозванца извѣстна; но здѣсь авторъ Временника прибавляетъ одну новую черту къ его характеристикѣ [3]). Шуйскаго онъ считаетъ виновникомъ дальнѣйшей смуты, и характеристика его, представленная Тимоѳеевымъ, преисполнена самыхъ рѣзкихъ, отрицательныхъ чертъ (156, примѣч.). Повидимому Шуйскій и Татищевъ не могли ужиться вмѣстѣ и послѣдній былъ отправленъ воеводою въ Новгородъ. Въ свое время мы указали на самыя противорѣчивыя мнѣнія о дѣятельности его въ Новгородѣ [4]) и, пользуясь лѣтописными свидѣтельствами и описью имущества Татищева съ разными отмѣтками, пришли къ заключенію, что Татищевъ позволялъ себѣ произвольныя дѣйствія въ Новгородѣ и тѣмъ вызвалъ неудовольствіе противъ себя, а съ другой стороны, опасаясь самъ дурныхъ послѣдствій, убѣдилъ и Скопина оставить городъ. Г. Платоновъ

---

[1]) По словамъ Тимоѳеева, русскіе люди, недовольные правленіемъ Бориса и считавшіе Гришку за настоящаго царевича, передались ему еще въ то время, когда онъ былъ въ Польшѣ. Борисъ же, слыша о Самозванцѣ, «съ высоты престола царствія низвержеся», не потому, чтобы боялся силы Лжедимитрія, но вслѣдствіе укоровъ собственной совѣсти (153).

[2]) «*Безъ Божія*, мню, его *избранія* же и *благоволенія* сѣдша, ниже по общагo всея Русіи градовъ людскаго совѣта себѣ составивша; но самоизвольнѣ и единѣмъ нѣкоимъ присоединившимся ему сложеніемъ въ мысль, волкохищнѣмъ лжесилентіяромъ» и т. д. (155, прим.). Далѣе, онъ говоритъ о поспѣшности, съ какою сдѣлано было провозглашеніе царя «первое въ своемъ дворѣ», безъ участія патріарха.

Псковскій лѣт. говоритъ: «И сѣде царствовати кн. В. Шуйскій *безъ избранія земскаго*, того ради многимъ бысть не возлюбленъ» (Полн. собр. рус. лѣт. IV, 321). О происках его сторонниковъ (Изборникъ Попова, 294).

[3]) Впрочемъ они сблизились уже по поводу оппозиціи и заговора противъ Д. Самозванца (Маржеретъ 305; дневн. Марины 168; Hist. Russ. Monum. II, 118).

[4]) Князь М. В. Скопинъ Шуйскій (Др. и Нов. Рос. 1875, т. II; Чтенія въ Историч. Общ. Нест. лѣтоп. I, 1879, стр. 118—119).

замѣчаетъ, что эти догадки наши вполнѣ подтверждаются теперь показаніями Тимоѳеева (160, примѣч.). Послѣдній называетъ даже Татищева прямо „мздоимнымъ“ и подробно разсказываетъ о бѣгствѣ какъ его, такъ и о вліяніи его въ этомъ смыслѣ на Скопина. Тимоѳеевъ сообщаетъ и о родѣ смерти Татищева: онъ былъ утопленъ новгородцами (156).

Къ Скопину, напротивъ, авторъ „Временника“ относится весьма сочувственно; онъ говоритъ о его умѣ, талантахъ, приводитъ похвальные отзывы о немъ поляковъ, вполнѣ подтверждающіеся извѣстіями Жолкевскаго и др. иностранцевъ[1]). Тимоѳеевъ подтверждаетъ и надежды русскихъ на Скопина, какъ избраннаго помазанника Божія (160; ср. наше изслѣд. стр. 133—140)[2]). Онъ вполнѣ опредѣленно говоритъ, что Скопинъ былъ „смертнымъ уязвленъ ядомъ“ и „сказуютъ нѣцыи, прибавляетъ авторъ, *носяй вѣнецъ стрый его виновенъ бѣ*“ (160)—новое подтвержденіе вывода, сдѣланнаго нами, на основаніи свода всѣхъ другихъ свидѣтельствъ, но при этомъ отличающееся, однако, болѣе опредѣленнымъ характеромъ. Въ свое время мы высказали мнѣніе, что вина въ этомъ дѣлѣ, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, скорѣе падаетъ на кн. Д. И. Шуйскаго, нежели на его брата—царя Василія[3]). Впрочемъ г. Платоновъ не входитъ въ критику этихъ извѣстій.

Дѣятельность Гермогена, по представленію автора Временника, не нашла себѣ поддержки, а онъ самъ подъ вліяніемъ бояръ и

---

[1]) См. въ нашемъ изслѣд. о Скопинѣ Ш-мъ. Тимоѳеевъ прибавляетъ, что поляки о немъ выражались: «аще возможно бы, яко да имъ всѣми таковый юноша кралствуетъ достоинъ» (160, прим.).

[2]) «И восхотѣша *начальницы* паки *себѣ царя отъ иновѣрныхъ*, народи же и ратніи не восхотѣша сему быти, *но въ прежереченнаго мѣсто храбраго князя Мих. Скопина* Богъ воздвиже втораго Михаила, нечаемаго, его же и самъ избра» и т. д. (П. собр. рус. лѣт., т. V, 63). Еще при Ѳедорѣ Ивановичѣ русскіе перебѣжчики говорили въ Польшѣ, что Московское государство легко подчинить, вслѣдствіе вражды между *боярами* (Соловьевъ, VII, 265). О раннихъ симпатіяхъ нѣкоторыхъ бояръ въ пользу польскаго короля (Флорент. архивъ Макушева, с. 11; XXI присужд. наградъ гр. Уварова, рец. на книгу г. Трачевскаго, Г. Ѳ. Штендмана, 102). Объ экспенсахъ Владислава боярамъ за преданность ему (Археогр. Сборн. т. IV, с. XIII; ср. Лѣтоп. зан. Арх. ком., IV, проток., с. 7).

[3]) Кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій, стр. 146—173.

Прибавимъ еще одного свидѣтеля. Пьеръ де-Лавиль, состоявшій начальникомъ франц. полка подъ предводительствомъ Як. Делагарди и слѣдовательно бывшій въ Москвѣ, упоминаетъ, что подозрѣвали стараго ц. Василія въ томъ, «что онъ своего побѣдоноснаго брата (sic!) и спасителя, по недоброжелательству и зависти, велѣлъ отравить» (Аделунгъ, II, 135).

двухъ главныхъ сторонниковъ Сигизмунда поддался на избраніе въ цари Владислава (161). Вообще, Тимоѳеевъ рисуетъ непривлекательную картину состоянія общественной нравственности, главными чертами котораго являются отсутствіе „мужественной крѣпости", единства, крайняя подозрительность, взаимное недовѣріе, страсть къ доносамъ—таковы были нравственные недуги тогдашняго общества, которые давали право лѣтописцу высказать свое заключеніе, что „не чуждые земли нашей разорители, но мы сами есмы той потребители" (162).

Говоря о времени Михаила Ѳедоровича, Тимоѳеевъ то называетъ его „триличнымъ царствіемъ", то выражается, что мать царя „второпрестольствуетъ своему сыну, о всемъ купно повелѣвая съ нимъ"; онъ сравниваетъ ее съ импер. Ѳеодорою (165 [1])).

Возвращаясь еще разъ къ своему источнику, г. Платоновъ признаетъ за Временникомъ Тимоѳеева и ранне появленіе (166), и самостоятельность происхожденія, и оригинальность изложенія—качества, дѣлающія его произведеніе достойнымъ отдѣльной монографіи (167). Онъ отводитъ ему мѣсто рядомъ съ соч. Авраамія Палицына, съ которымъ сближаютъ его и нѣкоторыя общія воззрѣнія (167—168) [2]).

Гораздо счастливѣе, въ смыслѣ распространенія въ обществѣ его труда, былъ авторъ „Сказанія объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря"—Авраамій Палицынъ, современникъ Тимоѳеева. Г. Платоновъ выражается о немъ такъ: „Списковъ сказанія Палицына *нѣтъ возможности пересчитать;* въ одномъ Погодинскомъ древнехранилищѣ И. Публ. библ. ихъ девять" (168, примѣч.). Вообще, можно сказать нѣтъ библіотеки, описанія которыхъ намъ извѣстны, гдѣ бы не было не только одного, но даже нѣсколькихъ списковъ этого сказанія [3]). И такою распространенностью оно пользовалось уже

---

[1]) Вліяніе царицы-матери выразилось въ брачныхъ дѣлахъ Михаила Ѳеодоровича; но изъ отчета Исаака Массы, представленнаго Генер. штатамъ, видно, что при допросѣ царемъ посла Кондырева (1616 г.), ѣздившаго въ Голландію и Францію, «царица мать была скрыта въ той же комнатѣ» (Исаакъ Масса по изд. кн. Оболенскаго и Ванъ-деръ-Линда, т. II, примѣч., сс. xc—cix).

[2]) Отмѣтимъ еще одну хактеристическую черту. Тимоѳеевъ сообщаетъ, что въ смутное время «отъ нечестивыхъ упразднились великотаинственныя вся святодѣйствія каѳолическія церкви: крестные ходы, водоосвященія, омовеніе ногъ, омовеніе мощей, пещное дѣйство» и др. (160, прим.).

[3]) Обзоръ хронографовъ, II, гл. 3-я и Изборникъ с. 213—283.

въ XVII вѣкѣ, причемъ переписывалось то цѣликомъ, то по частямъ, входя или въ этомъ видѣ въ компилятивные хронографы, или въ видѣ отдѣльнаго сказанія (напр. объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича), конечно безъ имени самого автора, что иногда вводило въ недоразумѣніе позднѣйшихъ издателей (168 и 174). Обстоятельныя указанія о заимствованіяхъ изъ Сказанія Палицына, вошедшихъ въ другіе историческіе памятники, сдѣланы были въ свое время Ан. Н. Поповымъ [1]), а также вновь авторомъ разсматриваемаго труда [2]). Затѣмъ тоже Сказаніе было дважды напечано: въ 1784 г. и 1822 г. (М. Син. т.). Въ 40-хъ годахъ „Сказаніе“ Палицына было предметомъ объемистыхъ изслѣдованій и оживленнаго литературнаго спора на страницахъ „Москвитянина“, веденнаго съ одной стороны Д. П. Голохвастовымъ[3]), а съ другой—А. В. Горскимъ[4]). Первый изъ нихъ видѣлъ въ Сказаніи Палицына *духовно-историческую эпопею*, написанную для прославленія чудеснаго избавленія лавры и вообще Россіи, почему авторъ ея не дорожилъ историческою точностью, притомъ онъ стремился угодить новой династіи и въ частности Филарету. Горскій, напротивъ, полагалъ, что авторъ „Сказанія“ имѣлъ намѣреніе передать чистую истину и не думалъ украшать свое повѣствованіе эпическими вымыслами. Другіе изслѣдователи признавали относительное значеніе за свидѣтельствами А. Палицына [5]), или, не допуская безусловнаго довѣрія къ нему, все таки признавали цѣнность многихъ его сказаній, тѣмъ болѣе, что

---

[1]) »Оба печатныхъ изданія Сказанія представляютъ собою текстъ довольно неисправный... Послѣсловія или такъ наз. авторской исповѣди вовсе не напечатано. Не только текстъ, но даже заглавія встрѣчаются въ печати искаженными»... »Кромѣ двухъ печатныхъ изданій, Сказаніе Палицына существуетъ во множествѣ рукописныхъ экземпляровъ и вездѣ имѣетъ несходства, по мѣстамъ значительныя» (Кедровъ, Рус. Арх. 1886, II, 443—444 и далѣе обзоръ списковъ).

[2]) См. стр. по указателю. Точно также въ описаніи рукописей И. А. Вахрамѣева, сост. А. А. Титовымъ (М. 1888), 7 хронографовъ излагаютъ событія смутнаго времени по Палицыну или заимствуютъ выдержки изъ него (стр. 96—100). Таковъ же хроногр. Нижегород. печерск. мон. (см. Дѣйствія Нижегор. учен. арх. ком., в. 1—3, Н. Новг. 1888, с. 70).

[3]) Москвитянинъ 1842, № 6, стр. 267—324 и № 7, стр. 125—206: Замѣчанія объ осадѣ Троицкой лавры (1608—1610); Отвѣтъ на рецензію и критику замѣчаній объ осадѣ Тр. лавры (1844, № 6, 275—369; № 7, стр. 65—166).

[4]) Ibid. Возраженія противъ замѣчаній объ осадѣ Троицкой лавры (1842, № 12, 405—444).

[5]) Соловьевъ (VIII, стр. 230—237 и др.; IX, 465—474); Бестужевъ Рюминъ (Рус. ист. I, с. 53; ср. Обзоръ, с. 260).

для провѣрки его показаній нѣтъ достаточно данныхъ [1]), или, наконецъ, склонялись къ мнѣнію Голохвастова [2]). Уже въ послѣднее время въ защиту Палицына опять выступилъ С. И. Кедровъ [3]), который отводитъ первенствующую роль въ дѣлѣ освобожденія государства Троицкому монастырю. и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что онъ достигъ этой цѣли благодаря дѣятельности и талантамъ свего келаря—А. Палицына; но и авторъ этого обширнаго изслѣдованія признаетъ, что соч. Палицына, кромѣ того, оказывается оправдательнымъ со стороны послѣдняго документомъ, написаннымъ имъ въ защиту своей дѣятельности отъ навѣтовъ современниковъ.

Начинаясь краткимъ повѣствованіемъ о времени царя Өедора, Годунова, Д. Самозванца, ц. В. Шуйскаго, сочин. Палицына доходитъ до 1618 г. (походъ на Москву кор. Владислава); но въ сущности, по мнѣнію изслѣдователей, состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ повѣствованій (3—5), написанныхъ въ разное время (1615—1618 гг.) и уже потомъ соединенныхъ авторомъ въ одно цѣлое (1620 г.), т. е. представляетъ собою *сборникъ* (181), въ которомъ отдѣльныя части не приведены къ строгому единству [4]). Кромѣ того, въ начальной своей части (I—VI главы) сказаніе Палицына имѣетъ еще другую [5]), первоначальную редакцію (Платоновъ, с. 147, примѣч. и сс. 178—179, примѣч.), нѣсколько отличающуюся отъ печатной [6]).

Нашъ авторъ не входитъ въ болѣе подробное разсмотрѣніе этого важнаго памятника, принимая главные выводы о немъ своихъ предшественниковъ, между тѣмъ столь противоположныя мнѣнія о „Сказаніи" Палицына требовали бы, кажется, болѣе тщательнаго

---

[1]) Костомаровъ (Личности смутнаго врем. Вѣст. Евр. 1871, № 6; Кто виноватъ въ смутномъ времени? ibid. 1872, № 9; Историч. моногр. XIII, 399—443).

[2]) Мининъ и Пожарскій, И. Е. Забѣлина (Рус. Арх. 1872 и отд. М. 1883).

[3]) Авр. Палицынъ Чт. М. О. ист. 1880, IV, и отд.; Авр. Палицынъ какъ писатель (Рус. Арх. 1886, т. II).

[4]) Главную часть «Сказанія» Палицына составляетъ повѣсть объ осадѣ Троицкой лавры и есть списокъ «Сказанія», въ которомъ изложена только одна исторія этой послѣдней (Платоновъ, 175, примѣч.).

[5]) Рукоп. Моск. дух. акад.

[6]) Отрывки изъ нея напеч. Кедровымъ по рук. Моск. дух. ак. (Русск. Арх. 1886, гл. II, с. 445—455). Замѣчательно, что эти передѣлки и исправленія сдѣланы въ первыхъ шести главахъ и имѣютъ значеніе для характеристики Бориса Годунова, Д. Самозванца, Шуйскаго, а также касаются печальныхъ сторонъ современныхъ нравовъ—роскоши высшихъ, свѣтскаго и духов. классовъ, отношеній къ крестьянамъ и холопамъ и т. п.

пересмотра вопроса о составѣ и характерѣ его записокъ. Тѣмъ болѣе это было бы необходимымъ, что „Сказаніе" Палицына, какъ оказывается, легло въ основаніе многочисленныхъ повѣствованій о смутномъ времени въ различныхъ ихъ видоизмѣненіяхъ. Опредѣлить такое значеніе памятника значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ дать путеводную нить къ выясненію способа составленія, содержанія и общаго характера записокъ о смутной эпохѣ [1]). Съ другой стороны, сближая изложеніе начала „Сказанія" Палицына съ изложеніемъ Повѣсти 1606 г. (избраніе Бориса Годунова), также писанной троицкимъ монахомъ и находя въ нихъ полное тожество, г. Платоновъ полагаетъ, что Повѣсть 1606 г. могъ составить тотъ же Палицынъ: вотъ почему Палицынъ, „ни откуда ничего не заимствовавшій, свободно заимствовалъ изъ этой Повѣсти" (с. 180) [2]). Принятіе этого вывода еще болѣе даетъ намъ право сказать, что Сказаніе Палицына, которое въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ можетъ быть отнесено даже къ болѣе раннему періоду и, кромѣ того, оказало такое громадное вліяніе на литературу сказаній о смутномъ времени, должно было бы лечь въ основаніе разработки вопроса о сказаніяхъ смутнаго времени вообще. Допуская же извѣстное соотношеніе между „Повѣстью" и „Сказаніемъ", при болѣе близкомъ изученіи, быть можетъ легче было бы выяснить и нѣкоторую близость къ „Сказанію" Палицына изложеніе отдѣльныхъ мѣстъ въ соч. Тимоѳеева (стр. 151 и 158).

Но если принять во вниманіе строго проведенный отъ начала до конца хвалебный тонъ „Повѣсти" 1606 г. относительно ц. В. И. Шуйскаго и, напротивъ, рѣзкое отношеніе къ нему въ первоначальной редакціи „Сказанія" Палицына, то едвали можно придти къ выводу, сдѣланному авторомъ. Во всякомъ случаѣ Авр. Палицынъ окажется здѣсь въ большомъ противорѣчіи съ самимъ собою [3]).

---

[1]) О замѣнѣ въ историческихъ источникахъ того времени однихъ извѣстій другими, притомъ предпочтительно изъ Сказанія Палицына см. наше изслѣд. о Скопинѣ-Шуйскомъ (стр. 156).

[2]) Въ другомъ мѣстѣ въ авторѣ Повѣсти 1606 г. изслѣдователь указываетъ сторонника партіи Шуйскихъ (210), что не вполнѣ согласуется съ его же данными о Палицынѣ (179).

[3]) См. означенныя мѣста въ статьѣ С. И. Кедрова (Р. Арх., ibid. 451—454). Вотъ болѣе рѣзкія изъ нихъ: «И якоже звѣрь гонимый хапля обоюду *не вѣдая что*, такожде и царю Василію случися *многожды* убивающу повинныхъ съ ними же не согрѣшихъ смертному суду предаваше». «Тому же подобно (т. е. Ивану Грозному) и царю Борису и Василію случися *отмщеніе отъ Бога*»., «Такожде и Василій пострада: мысляше бо одолѣти враговъ

IV.

Въ IV-й главѣ авторъ обозрѣваетъ цѣлый рядъ повѣствованій, относящихся къ смутной эпохѣ и близкихъ по времени къ разсмотрѣннымъ нами выше, которыя онъ вообще характеризуетъ какъ *„цѣнные памятники“*. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ трудъ кн. И. А. Хворостинина („Словеса дней и царей и святителей московскихъ, еже есть въ Россіи“)—трудъ, извѣстный уже П. М. Строеву и И. П. Сахарову, которымъ и принадлежалъ прежде, какъ полагаетъ авторъ, единственный, притомъ неполный списокъ его, дошедшій до насъ[1]). Предварительно разсмотрѣнію его, авторъ предпослалъ обстоятельный біографическій очеркъ писателя, замѣчательнаго по своимъ рѣзкимъ перемѣнамъ въ мнѣніяхъ и превратностямъ судьбы, вполнѣ соотвѣтствующимъ обстоятельствамъ смутной эпохи (стр. 183—190).

Близкій по своимъ отношеніямъ къ Димитрію Самозванцу, начитанный въ иностранныхъ книгахъ, дважды заточенный, за свои свободныи мнѣнія о религіозныхъ вопросахъ, въ монастырь (при В. Шуйскомъ—въ Іосифовъ Волоколамскій, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій), рѣзко критиковавшій московскіе порядки вообще („все люди глупые, жить не съ кѣмъ“ и т. п. [2]), Хворостининъ окончилъ жизнь монахомъ въ Троицко-Серг. лаврѣ [3]).

По этимъ чертамъ можно было бы судить, что послѣдній сообщитъ въ означенномъ сочиненіи нѣкоторыя любопытныя черты о своемъ времени и отношеніяхъ; но этого въ дѣйствительности не случилось

и безчисленно повинныхъ и неповинныхъ грабя животъ и наипаче же св. монастыри и церкви Божіи». Но любопытнѣе всего то, что, при замѣнѣ этихъ сильныхъ выходокъ противъ власти, »гнѣвъ Божій» и обличенія перенесены уже на счетъ общества, приписывать которому подобныя мнѣнія и вины повидимому было менѣе опасно для автора.

[1]) Рукопись Импер. Публ. библ. (183). Въ рукоп. Имп. П. библ. находится обстоятельное изслѣд. о Хворостининѣ Н. Коншина (183), автора нѣсколькихъ другихъ изслѣдованій по русской исторіи, заслуживающихъ быть изданными: «Нѣчто о ц. Борисѣ Годуновѣ», «Еретики XVI в.», «Слѣдственное дѣло объ уб. ц-ча Димитрія», «М. И. Хлопова, царица-невѣста», «Бояринъ М. Б. Шеинъ» (Отчетъ за 1876 годъ, с. 171—172).

[2]) Подробный приговоръ см. въ Собр. госуд. грам., т. III, № 90 стр. 331—332. Поправка хронол. даты у г. Платонова (188, прим.).

[3]) Будучи самъ еретикомъ, онъ, по указанію Строева, писалъ потомъ трактатъ противъ протестантовъ (Библ. Словарь, 289).

и вотъ почему: „Хворостининъ, говоритъ г. Платоновъ, больше всего имѣлъ въ виду оправдать свое собственное поведеніе въ смуту, избавиться отъ обвиненій, надъ нимъ тяготѣвшихъ, и заявить о своемъ правовѣріи и патріотизмѣ...“ Поэтому „полагаться на его кажущуюся объективность историку невозможно и при оцѣнкѣ его показаній всегда необходимо обращать вниманіе на житейскія отношенія автора“ (191—192). Въ оцѣнкѣ царств. Бориса Годунова у него обнаруживается таже двойственность, какъ и у другихъ писателей этой эпохи. Не смотря на свою близость къ Д. Самозванцу [1]), онъ не щадитъ выраженій противъ него теперь и даже старается изобразить себя въ роли обличителя, но близкія отношенія автора къ Самозванцу, о которыхъ сообщаютъ и другіе источники, не ручаются за *искренность* его въ настоящемъ случаѣ (см. стр. 184, примѣч.; ср. оправдательную тираду 195—196, прим.). По нѣкоторымъ выраженіямъ Хворостинина, можно заключать, какъ произошло убіеніе семейства Годунова [2]). И онъ подтверждаетъ отзывы современниковъ объ умѣ Д. Самозванца [3]); о высокомъ мнѣніи его на счетъ своей власти („и самодержавіе выше человѣческихъ обычаевъ устроя“, 196 [4]). Съ другой стороны, авторъ неблагосклонно относится къ В. Шуйскому, который изъ властолюбія согласился дать извѣстную клятву на себя, и, напротивъ, восторженно отзывается о п. Гермогенѣ. Послѣдній является у него даже постояннымъ доброжелателемъ и защитникомъ царя, постриженіе котораго онъ не хотѣлъ одобрить [5]). Мало этого: авторъ старается оправдать Гермогена отъ тѣхъ нареканій, которыя приходилось ему слышать потомъ на счетъ

---

1) Хворостининъ свидѣтельствуетъ, что «всѣ русскіе люди увѣровали въ Самозванца и преклонились передъ нимъ» (194).

2) Когда посланные отъ Д. Самозванца размышляли какъ погубить Ѳедора и его мать, то, по словамъ Хворостинина, «*единъ злосовѣтникъ* золъ прійде, якоже *самъ сказа мнѣ сіе*, и совѣща посланнымъ *совѣтъ золъ* да послютъ тамо воины, имуща ужа, и подавятъ ихъ, *да не будетъ* крамола въ людѣхъ» (194, примѣч.).

3) «Остротою смысла и ученіемъ книжнымъ себе давно искусивъ» (195).

4) Современникъ-полякъ, по поводу смерти Д. Самозванца, замѣчаетъ: «Видно такъ угодно было Богу, не хотѣвшему долѣе терпѣть гордости и надменности этого Димитрія, который не признавалъ себѣ равнымъ ни одного государя въ мірѣ и почти равнялъ себя Богу» (Дневникъ Борши, прилож., Рус. ист. Библ., изд. Арх. ком., I, 424).

5) При всемъ томъ его отзывъ о Гермогенѣ подтверждаетъ намъ другія указанія на суровый характеръ патріарха (184, примѣч.; ср. Обзоръ хронографовъ Иванова, с. 75, по рук. Царскаго).

дѣятельности патріарха; а въ своемъ вступленіи онъ уже доказываетъ, что благочестіемъ Русская земля превзошла всѣ другія страны.... Такимъ образомъ, судя по этимъ пріемамъ, вѣрнѣе думать, что появленіе его труда совпадаетъ съ временемъ покаянія автора, хотя ему и воспрещено было писать въ монастырѣ и даже держать у себя книги, кромѣ церковныхъ (см. 202—203); но извѣстно, что подобныя требованія не всегда исполнялись даже въ болѣе суровыя времена.

При разсмотрѣніи Хронографа, извѣстнаго прежде подъ именемъ хрон. Сергѣя Кубасова, г. Платоновъ разрѣшаетъ предварительно вопросъ о его происхожденіи. Уже П. М. Строевъ, а за нимъ и Я. И. Бередниковъ сомнѣвались въ принадлежности третьей части этого Хронографа, заключающей въ себѣ „Повѣсть" (статьи объ Иванѣ Грозномъ и о смутѣ) и „Написаніе вкратцѣ о царѣхъ московскихъ,"— Кубасову и приписывали ихъ то кн. И. А. Хворостинину, то кн. С. И. Шаховскому; но А. Н. Поповъ (Обз. хронографовъ, т. II) и Повѣсть, и Хронографъ считалъ принадлежащими бояр. сыну С. Кубасову. В. О. Ключевскій впервые указалъ на дѣйствительнаго автора „Повѣсти"—кн. И. М. Катырева-Ростовскаго [1]), мнѣніе подтвержденное Л. Н. Майковымъ и обставленное біографическими и библіографическими данными авторомъ разсматриваемаго нами изслѣдованія (стр. 203—222). Поповъ считалъ списки хроногр. Кубасова большею рѣдкостью; г. Платоновъ, напротивъ, называетъ рядъ списковъ его въ разныхъ библіотекахъ, притомъ представляющихъ большія отличія въ текстахъ [2]). Пользуясь многими списками, послѣднему удалось подкрѣпить высказанныя мнѣнія объ авторѣ „Повѣсти"; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ склоняется къ тому, что Кубасовъ все таки былъ авторомъ компилятивнаго хронографа [3]), въ который онъ включилъ и „Повѣсть" Катырева безъ всякихъ измѣненій (208).

---

[1]) Боярская дума, изд. 2-е, стр. 360.

[2]) Сюда же относится рукопись Ак. Наукъ, извѣстная Строеву и Бередникову подъ именемъ «Едомскаго лѣтописца» (204, прим.) и принадлежащая къ позднѣйшему изводу Повѣсти Катырева (207).

[3]) Сынъ боярскій въ Тобольскѣ, С. Кубасовъ въ 1654—1657 г. ѣздилъ вмѣстѣ съ Ѳ. И. Байковымъ въ Китай (208). Въ полномъ видѣ Повѣсть Катырева напеч. въ Изборникѣ Попова (283—315); отрывки изъ нея въ Рус. Достопам. (I, 170—175: Написаніе вкратцѣ и т. д.) и изд. гр. Растопчина (Четыре сказанія о Лжедимитріѣ, 25—52).

Принадлежа къ людямъ родовитымъ и состоя зятемъ (по первой женѣ) Ѳед. Ник. Романова, онъ подписался на избирательной грамотѣ Бориса, затѣмъ служилъ при дворѣ Годунова и Д. Самозванца, но въ критическій моментъ для власти онъ измѣнилъ ц. Василію Шуйскому, за что и былъ сосланъ въ Тобольскъ, на воеводство, (1608) и оставался здѣсь до 1612 г. Какъ положеніе, такъ и письменныя сношенія Катырева давали ему возможность знать о происходящихъ тогда событіяхъ. При новой династіи онъ отправлялъ разныя порученія по военной и придворной службѣ и состоялъ первымъ воеводой въ Новгородѣ (1632—35). По изложенію, авторъ характеризуетъ соч. Катырева, какъ выходящее изъ ряда другихъ, ему современныхъ; оно отличается оригинальнымъ и красивымъ эпическимъ слогомъ, почему нѣкоторые видѣли въ немъ даже не историческое произведеніе, а „поэму"; но авторъ настаиваетъ на чувствѣ мѣры, свойственномъ лѣтописцу, какъ въ формѣ рѣчи, такъ и въ отзывахъ его о лицахъ и событіяхъ. Онъ отмѣчаетъ въ Повѣсти Катырева богатство содержанія. „Она, говоритъ г. Платоновъ, впервые даетъ *цѣльное описаніе* всей эпохи (отъ времени І. Грознаго до избр. Михаила Ѳедоровича). Съ одинаковымъ вниманіемъ авторъ ея останавливается на времени Бориса и похожденіяхъ Самозванца, на междоусобіяхъ при Шуйскомъ и на обстоятельствахъ борьбы съ поляками...; онъ замѣчательно объективенъ въ сравненіи съ другими современными ему писателями о смутѣ" (217).

Но такой, безъ сомнѣнія лестный отзывъ, о трудѣ Катырева не проведенъ однако авторомъ изслѣдованія до конца. Напротивъ, онъ отмѣчаетъ тѣ мѣста, въ которыхъ бытописатель измѣняетъ своему обычному безпристрастію; а эти мѣста касаются даже общихъ характеристикъ Б. Годунова, Д. Самозванца и ц. Василія. Отзывъ его о первомъ также двоится, какъ и въ произведеніяхъ большинства писателей смутной эпохи; на втораго онъ исключительно смотритъ какъ на разорителя православной вѣры [1]); Шуйскому онъ не сочувствуетъ по тѣмъ же мотивамъ, какъ и предше-

---

[1]) Подобно Хворостинину, онъ замѣчаетъ только, что по поводу побѣды Д. Самозванца «радостны бысть вси людіе, мняху его суща царевича Дмитрія быти», хотя въ Москвѣ были и такіе, которые «извѣстно вѣдаше, что лжа есть и начатокъ лжи и кровопролитія» (219). У Катырева есть подробности о жизни Отрепьева въ Россіи (219).

ствовавшіе бытописатели. Иногда онъ впадаетъ даже въ тонъ обличителя. Съ другой стороны, у Катырева нѣтъ обычныхъ панегириковъ ни Скопину-Шуйскому, ни Гермогену, ни предводителямъ земскихъ ополченій и т. п. (220 [1]). Подобную сдержанность г. Платоновъ готовъ объяснить его близостью и родствомъ съ ц. Михаиломъ и п. Филаретомъ. „Если въ „Повѣсти 1606 г." мы имѣли дѣло со взглядами партіи Шуйскихъ, то въ „Повѣсти" Катырева можемъ искать взглядовъ той стороны боярства, которая шла за Романовыми" (с. 210, 211, 220 [2]). Авторъ ея былъ знакомъ съ нѣкоторыми историческими произведеніями (лѣтописями, разрядными записями, быть можетъ Повѣстью 1606 г. и соч. Тимоѳеева, стр. 220—221, 218), отчасти пользовался собственными свѣдѣніями и отношеніями, но ни у кого онъ не заимствовалъ прямо, а самостоятельно переработывалъ каждое свое показаніе (222 [3]). Если однако „Повѣсть" Катырева отличается большею сжатостію и систематичностью, то едвали, по представленію изслѣдователя, она обладаетъ большимъ выборомъ фактовъ сравнительно съ трудами Палицына и Тимоѳеева, а его длинныя отступленія въ видѣ „укоровъ и поносовъ", занимающія цѣлыя страницы [4]), едва ли больше прибавляютъ, чѣмъ „нравоученія" перваго и „утомительныя иносказанія" послѣдняго (стр. 216).

Повѣсть Катырева въ XVII в. была очень распространена: она вносилась въ другія сочиненія и хронографы, передѣлывалась и даже вставлялась по частямъ въ оффиціальные акты; но наиболѣе выдающійся примѣръ передѣлки ея представляется въ такъ наз. „Рукописи Филарета". Послѣдняя была извѣстна еще Карамзину, но онъ пользовался ею въ неисправной копіи. Вполнѣ точно воспроизвелъ ее П. А. Мухановъ (М. 1837 и Сборникъ, Спб. 1866). Она дошла до

---

[1]) Катыревъ не всегда справляется съ противорѣчивыми фактами (напр. о кн. В. В. Голицынѣ, с. 220).

[2]) Симпатіи эти выразились въ особенности во время дѣйствія войска противъ 2-го Самозванца въ 1608 г. (211), послѣ чего Катыревъ поплатился дальнею ссылкою въ Сибирь.

[3]) Не смотря на свои очевидныя преимущества при собираніи свѣдѣній, Катыревъ пишетъ: «и послалъ (Борисъ) таибниковъ своихъ Микиту Качалова да Михайла Битяговскаго на Угличъ къ ц-чу Дмитрію и заповѣда имъ да обольстятъ и предадутъ ц-ча смерти» (Изборникъ, 285), а между тѣмъ извѣстно, что съ этою цѣлью никто тогда нарочно ad hoc не ѣздилъ въ Угличъ. Означенныя лица уже прежде были тамъ (Н. М. Павловъ, Рус. Арх., 1886, II, 600). Какъ иногда соединяли эти обстоятельства сами повѣствователи см. у Платонова (256, 263).

[4]) Изборникъ, сс. 293, 307 и т. п.

насъ въ единственномъ экземплярѣ—столбцѣ XVII в., притомъ неполномъ и представляющемъ черновой списокъ „разсказа о смутномъ времени, тѣмъ болѣе интересный, что онъ знакомитъ насъ съ самымъ способомъ, какимъ создавалась эта новая повѣсть о смутѣ". Карамзинъ приписалъ происхожденіе ея п. Филарету, слѣдуя свидѣтельству еще XVIII стол. (въ заглавіи рукописи), котораго считали тогда даже поправщикомъ этого труда. Мухановъ видитъ въ одномъ изъ нѣсколькихъ почерковъ, которыми писана повѣсть, руку Филарета. А. Л. Кондратьевъ въ своемъ изслѣдованіи о ней (О такъ назыв. рукописи п. Филарета [1]), отвергая участіе въ ней п. Филарета, однако признаетъ, что рукопись эта есть *оффиціальная лѣтопись*, составл. въ патріаршество Филарета, въ основѣ которой лежитъ хроногр. С. Кубасова, и, кромѣ того, какъ источники, употреблены были въ дѣло Нов. лѣтописецъ и оффиціальныя извѣстія. Г. Платоновъ замѣняетъ, соотвѣтственно указаннымъ выше доводамъ, имя Кубасова—Катыревымъ и, въ свою очередь, поддерживаетъ мнѣніе, что къ составленію рукописи причастенъ былъ такъ или иначе патр. Филаретъ, чему подтвержденіемъ должно служитъ и то, что главнымъ источникомъ для нея былъ избранъ трудъ Катырева,—лица, близкаго къ Филарету (226—27). Г. Платоновъ съ своей стороны отмѣтилъ вставки лѣтописнаго характера, указывающія на то, что у составителей рукописи были богатые источники фактическихъ свѣдѣній о смутѣ, не встрѣчающіяся ни въ одномъ литературномъ памятникѣ, помимо Новаго лѣтописца, и преимущественно *оффиціальные документы*. По времени же составленія „Рукопись" можетъ быть отнесена къ 1626—1633 гг. (стр. 228—230). И Соловьевъ, какъ извѣстно, признавалъ Рукопись Филарета оффиціальною лѣтописью смутнаго времени [2]). Какъ видоизмѣнялись извѣстія о смутной эпохѣ, подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ на событія прошлаго времени, видно изъ примѣра той же Рукописи, гдѣ несочувственные отзывы Катырева о Шуйскомъ замѣнены уже рядомъ оффиціальныхъ похвалъ ему, а ц. Василій представленъ здѣсь законнымъ монархомъ, мужественно боровшимся съ измѣнниками, простой же разсказъ объ открытіи мощей ц. Димитрія замѣненъ подробнымъ и витіеватымъ описаніемъ (Платоновъ, 224—225) и т. п. Точно так-

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1878, № 9.

[2]) Т. IX, 1-е изд., стр. 463.

же имѣвшіяся подъ руками составителей „Рукописи“ извѣстія о насильственной смерти Скопина-Шуйскаго были исключены затѣмъ изъ текста, какъ видно для предполагавшейся окончательной ея редакціи [1]).

Но трудъ Катырева, кромѣ того, послужилъ источникомъ для описанія смуты и другаго современнаго писателя—кн. С. И. Шаховскаго, хотя въ иномъ отношеніи.

Кн. С. И. Шаховской (по прозванію Харя), родственный по происхожденію съ кн. Хворостининымъ (изъ кн. Ярославскихъ), подобно ему и кн. Катыреву-Ростовскому испыталъ всѣ превратности судьбы, свойственныя людямъ смутной эпохи, которыя и описалъ (1601—1649) отдѣльно въ автобіографіи [2]). То жалуемый, то подвергаемый опалѣ ц. Шуйскимъ, онъ измѣняетъ ему, служитъ въ Тушинѣ, переходитъ къ Сигизмунду и получаетъ онъ него помѣстья, а потомъ служитъ ц. Михаилу, также подвергается опалѣ, но затѣмъ участвуетъ въ защитѣ Москвы отъ Владислава. Служба и опалы переносили его изъ одного конца Россіи въ другой. Вступленіе въ четвертый бракъ (1619) вызвало противъ него преслѣдованіе патріарха, а опала, постигшая его родственниковъ за дѣло политическаго характера, отразилась на его положеніи ссылкою въ Тобольскъ (1622—25 [3]). Впослѣдствіи онъ былъ воеводою въ Енисейскѣ (1628—31) и

---

[1]) См. наше изслѣд. о Скопинѣ-Шуйскомъ (154—156).

[2]) Она издана, подъ заглавіемъ: «Домашнія Записки кн. С. Шаховскаго» (Московск. Вѣст. 1830, ч. V, №№ 17—20, с. 61—70, по списку, принадл. П. П. Бекетову, а нынѣ И. Моск. общ. исторіи). Онѣ важны для характеристики служилаго человѣка того времени: «Въ 7123 г. послали насъ съ Пожарскимъ на Сѣверу противу Лисовскаго, и мы о томъ били челомъ, *что заволочены съ службы да на службу*, и за то челобитье мимо всѣхъ нашей братьи меня сослали на Унжу, а вскорѣ пожаловалъ Государь—велѣлъ взять къ Москвѣ» (65). О службѣ его въ Родосл. княз. Шаховскихъ (Древ. Рос. Вивліоѳ., IX, 279—281); преписка его съ тоб. дьякомъ Т. Васильевымъ 1647—48 гг. (Времен. М. О. ист., кн. IX).

[3]) Дѣло это весьма любопытно по своему характеру и могло имѣть значеніе при новомъ правительствѣ: «Великія вины» ихъ состояли въ томъ, что они, будучи на вечерѣ у Ильи Бочкина, «затѣйнымъ воровскимъ обычаемъ (кн. Аѳанасій, Андрей и Иванъ и самъ Ил. Бочкинъ) называли кн. Матвѣя *царемъ*, а кн. Матвѣй князя съ братіею называлъ *боярами*», въ чемъ они и повинились. Кн. Шаховскіе были приговорены къ смерти, но затѣмъ разосланы по тюрьмамъ въ низовые города, откуда отпущены по смерти п. Филарета, въ 1633 г. (у автора, 235—236; Рус. ист. Библ. IX, стр. 550, 559).

Припомнимъ, какую роль играли кн. Шаховскіе въ смутную эпоху. Кн. С. И. Шаховской (родной племянникъ Г. П. Шаховскаго, возставшаго въ 1606 г.) потерпѣлъ вмѣстѣ со своею роднею, хотя въ нач. XVII в. существовало уже сознаніе въ несправедливости подобныхъ опалъ. Въ условіи, поставленномъ ц. Вас. Шуйскому, говорилось, чтобы безъ суда ни на кого опалы своей не налагать и не преслѣдовать братьевъ, женъ и дѣтей виновныхъ лицъ (А. Арх. экспед. II, № 44).

только по смерти п. Филарета опала съ него была снята. Послѣ этого онъ принималъ участіе то въ военныхъ, то въ дипломатическихъ дѣлахъ; однако и подъ конецъ жизни не избѣгнулъ новыхъ опалъ, которыя привели его на службу въ отдаленныя воеводства и снова въ ссылку—въ Томскъ. Такимъ образомъ лишь послѣдніе годы своей жизни кн. Шаховской провелъ въ Москвѣ (біографич. очеркъ, с. 231—239).

По своему времени, кн. Шаховской былъ человѣкъ начитанный и много писавшій [1]); но, „какъ писатель, онъ является предъ нами писателемъ-богословомъ; его излюбленныя темы—похвальныя слова святымъ, церковныя службы, молитвы [2]); въ своихъ посланіяхъ и частныхъ письмахъ онъ легко обращается къ религіознымъ размышленіямъ и наставленіямъ; если же берется за историческій сюжетъ, то непремѣнно обработываетъ его въ формѣ богословскаго трактата, религіозно-нравственнаго поученія“... Такимъ же точно характеромъ отличаются и произведенія Шаховского о смутѣ (239—240)—это: 1) „Повѣсть на память велико-муч. благов. ц-ча Димитрія, о убіеніи его и о преславномъ обрѣтеніи тѣлеси и о язвѣ людстѣй“ и 2) „Повѣсть о нѣкоемъ мнисѣ, како послася отъ Бога на царя Бориса во отмщеніе крове праведнаго ц-ча Димитрія“. Въ первой изъ нихъ описаны преступленія Бориса; во второй то возмездіе, какое онъ получилъ отъ Бога за свои преступленія (240).

Не смотря, однако, на близость къ событіямъ и людямъ эпохи, кн. Шаховской предпочелъ, при описаніи фактовъ, воспользоваться *готовымъ* разсказомъ, находящимся въ „Повѣсти“ Катырева, почти буквально слѣдуя его изложенію и изрѣдка лишь дополняя его разсказъ риторическими вставками; при этомъ онъ часто опускаетъ собственныя имена (240, 241, 245); а въ интересахъ обличенія впадаетъ и въ фактическія ошибки (241, 243), вопреки собственному источнику [3]). Сравнительно съ тѣмъ, что извѣстно о кн. С. И. Ша-

---

1) Сводъ данныхъ о его литературной дѣятельности см. на стр. 231—32, примѣч. Сборникъ его произведеній въ двухъ спискахъ, составленный самимъ авторомъ, находится въ библ. Моск. дух. акад.

2) По порученію патр., Шаховской въ 1625 г. писалъ оффиціальное посланіе персид. шаху, въ которомъ убѣждаетъ шаха принять православіе (236).

3) Относительно его разсказа о Гермогенѣ (243, прим.) см. у г. Левитскаго: Лжедимитрій I, Спб. 1886, стр. 168—173.

«Повѣсть о Димитріѣ» авторъ эксплуатировалъ въ защиту своего брака (Платоновъ, 241).

ховскомъ, оказывается, что и онъ, подобно Хворостинину, многое обошелъ молчаніемъ въ своей автобіографіи (232).

Обращаясь затѣмъ къ одному изъ важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи смутнаго времени „Новому лѣтописцу" [1]), г. Платоновъ видитъ въ немъ сводъ данныхъ, оффиціально собранныхъ при патр. дворѣ для исторіи смуты, приблизительно около 1630 г.; текстъ памятника также указываетъ на близость автора къ Филарету, а религіозное міросозерцаніе обличаетъ въ немъ лицо духовное (250, 259, 269). Авторъ пользовался оффиціальными данными (грамотами, дипломатическими сношеніями, разрядными записями, слѣдственнымъ дѣломъ объ убіеніи ц-ча Димитрія [2]), но ему были извѣстны и лѣтописи, и сказанія о смутномъ времени (260—261, 267 [3]). Симпатіи автора клонятся, главнымъ образомъ, къ пп. Гермогену и Филарету и къ дѣятелямъ нижегородскаго движенія (259). Василій Шуйскій представляется уже ему какъ Богомъ вѣнчанный царь, много потерпѣвшій отъ мятежниковъ и крамольниковъ, хотя авторъ не скрываетъ его нравственныхъ недостатковъ и вражды къ Скопину-Шуйскому (256—257). Понятно, что къ Б. Годунову онъ не питаетъ никакого расположенія и довѣряетъ всѣмъ неблагопріятнымъ слухамъ, ходившимъ о немъ, не исключая народныхъ толковъ и догадокъ (255, 265—268 [4]). Не можемъ однако не замѣтить противорѣчія въ выводахъ ав-

[1]) Онъ былъ весьма распространенъ въ XVII в., и напечатанъ трижды въ XVIII в. (Никонов. лѣт., т. VIII, Спб. 1792; Лѣтопись о многихъ мятежахъ, Спб. 1771 и М. 1788), а затѣмъ въ 1853 г. кн. М. А. Оболенскимъ (Врем. М. О. И., т. XVII). Вопреки мнѣнію издателя послѣдняго списка, считавшаго его первоначальною редакціею, г. Платоновъ признаетъ за таковую списокъ, напеч. въ Никон. лѣт., затѣмъ ближайшую къ ней—въ Лѣт. о мятежахъ и позднѣйшую въ изд. кн. Оболенскаго (246—247, прим.).

[2]) Впрочемъ онъ сообщаетъ и нѣк. подробности объ угличскомъ событіи, на основаніи ходившихъ тогда слуховъ, объ отношеніи къ нему Гр. Годунова и т. п. (267, примѣч.). При этомъ необходимо имѣть въ виду, что описаній этого происшествія до 1606—607 г. и не существовало (ib.). Подробный разсказъ Нов. лѣт. (31—35; Никон. 15—20; Лѣт. о мят. 19—26) авторъ, вслѣдъ за Е. А. Бѣловымъ, считаетъ легендарнымъ и позднѣйшимъ произведеніемъ, принадлежащимъ перу самого составителя Лѣтописца (266).

[3]) Между прочимъ онъ ссылается на особую «гисторію», въ которой изложены чудеса Сергія и Никона, совершенныя во время осады (Нов. лѣт., 95).

[4]) Напомнимъ, что на слова бояръ польскимъ посламъ 1608 г., будтобы черные люди вязали бояръ и передавались Д. Самозванцу, послы отвѣчали: «мужикамъ чернымъ за Бориса взвыши прежнихъ господаровъ добро было, и они ему прямили, а иные многіе въ порубежныхъ и въ иныхъ многихъ городахъ и волостяхъ и теперь Бориса жалують, а тяжело было за Бориса боярамъ и шляхтѣ, *тые потому ему самому*, жене и дѣтямъ его прямить не хотели» (Сборн. кн. Оболенскаго, № 10, с. 46; польскій текстъ въ Suppl. ad Russ. monum., № 163).

тора изслѣдованія, утверждающаго съ одной стороны, что Новый лѣт. не естъ лѣтопись въ строгомъ смыслѣ; его повѣствованіе представляется читателю не рядомъ разновременныхъ записей, сдѣланныхъ по годамъ, а довольно цѣльнымъ разсказомъ, составленнымъ такъ сказать, за одинъ пріемъ (сс. 251, 253, 259); а съ другой, что „Нов. лѣт. можетъ быть названъ сводомъ разнохарактернаго литературно-историческаго матеріала“ (263—264, 268). Послѣднее, конечно, исключаетъ первое, но болѣе близко къ истинѣ и этимъ, вѣроятно, объясняются весьма существенныя противорѣчія относительно однихъ и тѣхъ же лицъ и событій (какъ о Борисѣ Годуновѣ, уб. ц-ча Димитрія и др., стр. 256, 262, 263), отсутствіе внѣшней литературной обработки повѣствованія, отмѣченныя авторомъ (263) и т. п. [1]) Вообще, признавая въ Новомъ лѣт. „цѣнный памятникъ“ о смутной эпохѣ (247), авторъ не входитъ въ болѣе подробное изученіе его сравнительно съ другими произведеніями того времени (стр. 246—269) и не рѣшаетъ категорически вопроса о происхожденіи самаго памятника (269 [2]).

По вступленіи своемъ на престолъ Борисъ сдѣлалъ важную льготу въ пользу крестьянъ (Соловьевъ, VIII, 20). Любопытно также сообщеніе одного очевидца, что за каретою Бориса возили ящикъ (eine rote Laden), куда были опускаемы всѣ просьбы, которыя подавалъ царю народъ, преслѣдуя его при этомъ громкимъ крикомъ (Аделунгъ, II, 72). И лѣтописцы любятъ оттѣнять правительственную мудрость Б. Годунова въ противуположность его гордости, низвергшей его съ высоты престола (Чт. М. О. ист. 1881, II, 11—12).

Не менѣе любопытно, что въ 1640—50 гг. Иванъ Насѣдка писалъ Симону келарю: «Да и нынѣ бы у васъ въ монастырѣ грядущихъ ради лѣтъ такія грамоты (т. е. разсылавшіяся въ смутное время) добрѣ бы нужны были, чтобы въ казнѣ было на утвержденіе таковому православному и великому мѣсту. А мнится мнѣ, государь мой, и для того надобно вамъ держати тѣ грамоты осадныя для преди, *на гордость вельможъ* лукавыхъ, какъ надъ царствующимъ градомъ учинилась *отъ нихъ* погибель, какъ царю Борису Ѳеодоровичу, какъ ц. Василію Іоанновичу, и что о сихъ глаголати!... Аще ради молитвъ всѣхъ святыхъ... и отдохнули господіе наши, но нынѣ все то забыли и что за четыредесять лѣтъ дѣялося, то де вчерась дѣялося, нечего де того и памятовать» и пр. (Рус. Арх. 1886, II, 455—456)—свидѣтельство важное, какъ воспоминаніе, записанное долгое время спустя послѣ смуты.

[1]) Въ заключеніе главы авторъ коснулся такъ наз. Столярова хроногр. (принадл. Карамзину, или Лобковскаго хроногр., сходнаго съ нимъ по указанію П. И. Мельникова), который есть собственно разрядная книга частнаго происхожденія (270—273). О Ельнинскомъ хроногр. (304—306).

[2]) На стр. 259 г. Платоновъ обратилъ вниманіе на одну черту, обличающую близость автора къ патріарху, а именно сообщеніе, что Филаретъ привелъ въ православіе многихъ иновѣрцевъ, «которые подъ началомъ всѣ быша у него, государя, на патріаршѣ дворѣ». (Никон. лѣт. VIII, 245; Лѣтоп. о мятежахъ, 329). Подтвержденіе этого факта и нѣкоторые выводы относительно его авторъ могъ бы почерпнуть изъ подробнаго акта: «Распросныя рѣчи иноземцовъ и русскихъ, возвратившихся изъ плѣна, присланныхъ изъ Разряда въ патріаршій дворцов. приказъ для допросовъ, 1624 г.» (Рус. истор. Библ., изд. Арх. ком. II, 597—668).

V.

V-я глава книги г. Платонова посвящена менѣе важнымъ памятникамъ смутной эпохи или по ихъ болѣе позднему происхожденію (не ранѣе полов. XVII в.), или по второстепенному значенію самаго содержанія (274). Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ біографическій и эпизодическій интересъ. Таковы: 1) *Сказаніе о поставленіи на патріаршество Филарета Никитича*[1]), —произведеніе, носящее на себѣ характеръ оффиціальнаго панегирика и объясняющее событія съ точки зрѣнія позднѣйшей [2]), установившейся послѣ смутной эпохи; оно касается только нѣкоторыхъ фактовъ, необходимыхъ для освѣщенія главной темы. Какъ источниками, составитель пользуется оффиціальными актами и лѣтописью (275—277). 2) *Сказаніе о рожденіи кн. М. В. Скопина Шуйскаго* [3])—оно представляетъ соединеніе историческихъ фактовъ съ народною былиною, причемъ въ изложеніи первыхъ авторъ иногда буквально слѣдуетъ Авраамію Палицыну (278). 3) *Исторія о первомъ патр. москов. Іовѣ* [4]), благосклонная къ послѣднему, съ упрекомъ относится къ нему лишь за его потворство Борису Годунову. Авторъ этого произведенія находился главнымъ образомъ подъ вліяніемъ сказанія Палицына и пользовался оффиціальными актами, а частью лѣтописью (Нов. лѣтоп.) и ж. архим. Діонисія. По мнѣнію г. Платонова, авторомъ этой исторіи могъ быть кто либо изъ братіи Троицкаго мон. (279—283). 4) *Житія ц-ча Димитрія*, извѣстныя въ трехъ редакціяхъ, при чемъ третья изъ нихъ пріобрѣла широкое распространеніе въ многочисленныхъ спискахъ. Впрочемъ авторъ ея слѣдовалъ извѣстнымъ уже источникамъ о смутной эпохѣ и, говоря о винахъ Бориса, впадаетъ иногда въ

Въ виду же большаго значенія, придаваемаго авторомъ Нов. лѣтописцу, замѣтимъ, что въ с. Пыскорѣ Солик. у. Перм. губ., въ библ. купца Шеина (нынѣ у А. Д. Дмитріева) находился сборникъ съ Новымъ лѣтоп., который отличается отъ печатныхъ списковъ и изданіе котораго предположено Казанскимъ общ. исторіи и археологіи (Историч. Вѣст., т. XVIII, 485—486).

[1]) Изд. въ Допол. къ акт. истор., II, № 76, по сп. Москов. синод. библ.

[2]) Авторъ записки изрекаетъ полное осужденіе Борису Годунову; упоминаетъ объ убіеніи имъ ц-ча Димитрія и гоненіи противъ Романовыхъ; Филаретъ получаетъ санъ митрополита Ростовскаго отъ ц. Василія Шуйскаго, а не отъ Димитрія Самозванца; да и самъ Шуйскій отказывается отъ престола по собственной волѣ, во избѣжаніе кровопролитія... (276).

[3]) Изборникъ Попова, 379—388.

[4]) Рукоп. Саввина монастыря и Рум. муз.

очевидныя хронологическія несообразности (стр. 286). 5) *Повѣсть о убіеніи ц-ча Димитрія* [1])—примѣръ передѣлки данныхъ „Слѣдственнаго дѣла“ соотвѣтственно инымъ воззрѣніямъ, т. е. направленнымъ не въ оправданіе, а въ обвиненіе Бориса [2]). 6) *Житіе Ростовскаго затворника Иринарха* [3]). 7) *Житіе Ѳеодосія, архіеп. астраханскаго* — имѣетъ интересъ по отношенію послѣдняго къ Д. Самозванцу [4]). 8) Житіе *преп. Діонисія, архим. Троицко-Сергіева монастыря*, троицкаго келаря Симона Азарьина, дополн. ключаремъ московскаго Успенскаго собора Иваномъ Насѣдкою [5]), и 9) *Книга о чудесахъ* (новоявленныхъ) *преподоб. Сергія* [6]) — представляютъ не всегда богатый, но весьма цѣнный, по современному характеру сказаній и бытовымъ чертамъ, матеріалъ для исторіи смуты за время съ ц. Василія Шуйскаго до конца ея, а также данныя для характеристики дѣятелей эпохи, значенія Троицкаго монастыря и нѣкоторыхъ мѣстныхъ явленій (300—304 [7]). 10) *Сказаніе и повѣсть еже содѣяся въ царств. градѣ Москвѣ и о растригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ и о похожденіи его* [8])—богато легендарными чертами о немъ [9]), а съ другой стороны написано подъ сильнымъ вліяніемъ грамотъ Шуйскаго, къ которому авторъ питаетъ большое уваженіе (309—310).

Наконецъ, г. Платоновъ касается произведеній о смутной эпохѣ,

---

1) Издана А. Ѳ. Бычковымъ, по рук. И. П. библ. (Чт. М. О. И. 1864, IV, 1—4). См. выше о времени появленія сказаній о Димитріѣ. О множествѣ ихъ списковъ (Барсуковъ, Источники агіографіи, 153—156). Любопытна краткая замѣтка «Иконописнаго подлинника» о событіи 1591 г. (ib. 153).

2) Авторъ изслѣдованія оспариваетъ мнѣніе издателя «Повѣсти» о болѣе раннемъ ея происхожденіи и важности (289—292).

3) Отрывки его въ Библ. разыск. Ундольскаго (Москвит. 1846, №№ 11—12, 187—193) и Древн. святыняхъ Ростова Великаго, М. В. Толстого (Чт. М. О. И., годъ II, кн. III, 63—67); вполнѣ изд., съ подновл. слога, арх. Амфилохіемъ, М. 1863; содерж. его у И. Е. Забѣлина: Безвѣстный герой смут. времени (Древ. и Нов. Рос. 1875; Мининъ и Пожарскій, 1883, 271—284).

4) Рук. И. Публ. библ.; Барсуковъ, Источ. агіогр., 602.

5) Изд. М. 1824.—Віогр. свѣдѣнія о нихъ см. у автора (297—298).

6) Единственный списокъ б. Моск. Дух. акад. въ полномъ видѣ напеч. Общ. люб. древ. письм. (Спб. 1888). Соч. того же С. Азарьина.

7) Между прочимъ замѣчательно, какъ иногда, пользуясь тѣми же фактами, что и Палицынъ, авторъ даетъ другое освѣщеніе имъ (о дѣятельности архим. Діонисія вопреки хвастливымъ показаніямъ А. Палицына, с. 303, примѣч.).

8) Напеч. въ Чтен. М. Общ. ист. 1846—47, кн. IX.

9) Многія изъ нихъ отброшены въ сокращен. редакціи (Платоновъ 307, примѣч.). Уже Карамзинъ признавалъ его баснословнымъ. Къ тому же мнѣнію склоняется и Костомаровъ. При одномъ изъ списковъ простран. сказанія западно-рус. письма помѣщены выписки изъ сказанія Палицына (ibid. 313—314).

имѣющихъ компилятивный характеръ или преслѣдующихъ публицистическія цѣли (какъ повѣсть въ „Погодинскомъ хроногр." [1]); „Повѣсть о разор. Московскаго государства и всея Рос. земли" [2]), написанная въ 1654 г. и имѣющая цѣлью оправдать войну съ Польшею, какъ достойное воздаяніе за бѣдствія причиненныя поляками въ смутное время [3]); „Книга объ избраніи на престолъ ц. Михаила Өеодоровича", состав. въ Посольскомъ приказѣ въ 1672—73 гг. и потому имѣющая вполнѣ оффиціальный характеръ [4]); какъ „Латухинская степенная книга", припис. монаху Тихону (1678), [5]) составленная изъ разнообразныхъ источниковъ; „Хроногр. кн. Оболенскаго", обильный легендарными статьями о смутной эпохѣ (314—328 [6]), хотя также не лишенный нѣкоторыхъ особенностей [7]); какъ цѣлый рядъ другихъ сказаній о смутѣ, внесенныхъ въ многочисленные хронографы, лѣтописцы (между прочимъ Морозовскій) и сборники (332—337). Основными источниками этихъ повѣствованій б. ч. служили: Авраамій Палицынъ, Новый лѣт., Повѣсть 1606 г., хронографы разныхъ редакцій, акты смутной эпохи и т. п. Въ мѣстныхъ лѣтописяхъ (Новгородскихъ, Псковскихъ, Нижегородской,

---

1) Изборникъ Попова, 413—429; Четыре сказ. о Лжедим., 5—20.

2) Издана А. Н. Поповымъ по двумъ спис. Моск. дух. акад. (Чт. М. О. И. 1881, II, с. 1—51), который приписываетъ ее тому же С. Азарьину, но авторъ «древнихъ сказаній» оспариваетъ такое мнѣніе (с. 319).

3) При всей своей компилятивности, эти произведенія передаютъ, однако, иногда любопытныя свѣдѣнія, не встрѣчающіяся въ другихъ источникахъ (315, 318). Такъ, послѣднее сообщаетъ, что вступленіе Бориса на царство, «мнозимъ яко роженъ въ сердцы бысть» и что «дворъ Бориса не можаше вмѣщати въ себѣ царскіе сановники на много лѣтъ» (о судьбѣ его ср. «Домъ Бориса Годунова—тюрьма для неисправныхъ должниковъ», кн. В. Г. Долгорукаго, Вѣстн. Моск. политехнич. выст. 1872, № 121).

4) Издана Ком. печат. госуд. грам. и договоровъ (М. 1856).

5) Единственный извѣстный списокъ—въ рукоп. Н. М. Карамзина, наход. въ И. Публ. библ. (с. 320). Рядомъ съ извѣстіями этого памятника, взятыми изъ разсмотрѣнныхъ нами выше произведеній смутной эпохи, заслуживаютъ вниманія *оригинальныя* данныя о Годуновыхъ, замѣтно благосклонныя къ Борису и всему его роду (320—324).

6) Важный хронографъ особаго состава (Арх. ист. юрид. свѣд. Калачова, кн. 1, съ портр. Василія Ивановича, Өеодора Ивановича и Михаила Өеодоровича, а въ рукоп. и кор. Сигизмунда Авг.) сообщ. И. Е. Забѣлинымъ. Оконч. выписокъ въ изслѣд. Забѣлина «Мининъ и Пожарскій», М. 1883, 310—312).

7) Въ одномъ изъ повѣствованій объ убіеніи ц-ча Димитрія разсказывается уже, будто бы убійцы ц-ча *сознались*, что дѣйствовали по приказу В. Годунова и будто бы земля не принимала ихъ труповъ, причемъ переносятся сюда нѣкоторыя черты изъ Повѣсти 1606 г. о поруганіи трупа Димитрія Самозванца (329—330); въ томъ же сказаніи сообщаются: пространная легенда объ отравленіи ц. Өеодора Ивановича Борисомъ Годуновымъ (331); баснословные разсказы о погибели Д. Самозванца и т. п. (331—332). Со словъ русскихъ, сообщеніе «о повелѣніи» Бориса перешло и въ иностранныя извѣстія (Аделунгъ, II, 135), а нѣкоторыя изъ нихъ не могли себѣ представить убійцъ иначе, какъ замаскированными (хрон. Пясецкаго, Рус. Арх. 1886, II, 286).

Углической, Двинской и сказаніяхъ: объ осадѣ Тихвинскаго монастыря въ 1613 г.; Пов. о явленіи чудотв. иконы пресв. Богородицы иже нариц. Курская [1]); Сказ. о нашествіи поляковъ на Устюжну-Желѣзопольскую, Сказ. о разор. Пафнутьева мон. и т. п.) также находится не мало болѣе или менѣе важныхъ, или по крайней мѣрѣ любопытныхъ извѣстій объ отдѣльныхъ эпизодахъ смутнаго времени (328—332, 337—342).

Въ заключеніе авторъ разсматриваемаго труда даетъ общую характеристику произведеній, имѣющихъ предметомъ своего изложенія событія смутной эпохи. Такъ, *количество* этихъ послѣднихъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о высокой степени вниманія къ событіямъ смуты со стороны московскаго общества XVII вѣка; онъ отмѣчаетъ свыше 30 произведеній, отличающихся полною литературною самостоятельностью, не говоря о многочисленныхъ компилятивныхъ описаніяхъ. Такимъ образомъ, едвали другая какая либо эпоха древней русской исторіи вызвала въ свое время подобное количество историческихъ и литературныхъ повѣствованій. Но такое обиліе произведеній не служитъ еще мѣриломъ ихъ *исторической цѣнности*. Публицистическія цѣли и задачи болѣе раннихъ изъ нихъ, какъ обличеніе грѣховъ и благочестивая мораль, отвлекали писателей отъ спокойнаго и систематическаго изображенія событій эпохи. Этими недостатками страдаютъ и ближайшіе, слѣдовавшіе за ними писатели, какъ Тимоѳеевъ и Авр. Палицынъ, при томъ значительномъ количествѣ фактовъ и матеріаловъ, какіе сообщаютъ они въ своихъ трудахъ. Авторъ склоненъ въ сочиненіи Палицына все таки видѣть панегириста дорогой ему святыни и апологію своей собственной дѣятельности, служеніе извѣстнымъ партійнымъ интересамъ. Г. Платоновъ выражается даже, что *ни одно* изъ раннихъ произведеній, посвященныхъ смутной эпохѣ, не можетъ быть названо трудомъ историческимъ или лѣтописнымъ (343—345). Признавая у послѣдующихъ писателей (Хворостинина, Катырева-Ростовскаго,

---

[1]) Списокъ ея, описанный въ Москвитян. за 1843, ч. V, № 9, стр. 138—139, принадлежалъ И. П. Сахарову, а не Погодину, какъ полагаетъ авторъ (стр. 341, прим. 5). Въ этомъ можно убѣдиться изъ другихъ замѣтокъ о памятникахъ, упоминаемыхъ тамъ же (напр. объ изд. записокъ Медвѣдева) и изъ указателя къ Москвит. (стр. 9), гдѣ всѣ эти замѣтки помѣчены именемъ И. П. Сахарова. Автора ввело въ недоразумѣніе, очевидно, выраженіе «въ моей библіотекѣ» и отсутствіе подписи, почему онъ отнесъ и замѣтки на счетъ издателя «Москвитянина»—Погодина.

Новаго лѣтописца, въ Рукописи Филарета и др. под.) стремленіе дать собственно фактическое описаніе, авторъ дѣлаетъ тутъ-же оговорку, что объективность изложенія въ этихъ памятникахъ не всегда можетъ быть, однако, ручательствомъ *точности* и *искренности* ихъ показаній (345). „Въ Рукописи Филарета“ можно видѣть любопытные образцы того, какъ простая запись о событіи безжалостно передѣлывалась въ напыщенное риторическое описаніе; точно также простой разсказъ ранняго сказанія объ осадѣ Тихвинскаго мон. былъ передѣланъ затѣмъ въ болѣе витіеватый, но менѣе фактическій (346). „Условная правильность внѣшней литературной формы, говоритъ далѣе авторъ, была писателямъ дороже *исторической точности*... Искусственность формы позволяла писателю съ большимъ удобствомъ *скрывать* фактъ за фразой...Рядомъ съ литературнымъ элементомъ вошелъ въ сказанія о смутѣ и элементъ *агіографическій* и даже преданіе о подвигѣ Минина записано было Азарьинымъ въ ряду многихъ чудесъ преп. Сергія...[1]). Наконецъ въ произведеніяхъ болѣе позднихъ смута становится предметомъ поэтическаго творчества.. Составитель сказанія о Скопинѣ-Шуйскомъ цѣликомъ записалъ народную былину о смерти Скопина и продолжаетъ свое повѣствованіе не менѣе поэтическимъ, но болѣе книжнымъ разсказомъ о погребеніи героя... Повѣсть Катырева, составленная исключительно въ книжномъ стилѣ, уже давно и не даромъ была названа поэмой“ (346—348 [2]). Иногда легендарный элементъ вкрадывался въ произведенія въ видѣ отдѣльныхъ недостовѣрныхъ показаній, которыя затѣмъ получали дальнѣйшее литературное развитіе. Такъ, авторъ приводитъ примѣры подобныхъ видоизмѣненій въ сказаніяхъ о Борисѣ Годуновѣ, ц-чѣ Димитріѣ и т. п. (348 [3]). Такимъ образомъ, въ „большинствѣ сказаній о смутѣ изслѣдователь имѣетъ предъ собою не безхитростныя записи о фактахъ, не простодушныя впечатлѣнія очевидцевъ, а разсказы, отразившіе на себѣ или *условные литературные вкусы вѣка,* или *агіографическую точку зрѣнія,* или *поэтическое творчество,* личное и народное“ (349).

---

1) Сочин. его было вызвано сомнѣніями современниковъ, вмѣнявшими многіе разсказы «въ случай, а не въ чудеса» (300).

2) Подобными пріемами отличается иногда и изложеніе Авр. Палицына (см. наше изслѣд. о Скопинѣ-Шуйскомъ, с. 160).

3) При этомъ уже не соблюдались самыя обыкновенныя требованія хронологической последовательности (стр. 286), обличающія автора въ тенденціозности.

Разсматривая событія смуты исключительно съ религіозной точки зрѣнія, повѣствователи объясняютъ происхожденіе ея или Божьимъ возмездіемъ за преступленія Бориса Годунова или общимъ паденіемъ нравовъ (350). Въ другихъ сучаяхъ подобную участь испытываетъ и Василій Шуйскій, который, какъ и Борисъ, оказывается иногда въ роли еретика и нарушителя древнихъ уставовъ; героями же являются лишь тѣ дѣятели, которые руководили въ борьбѣ за вѣру и народность; но и здѣсь „искусственность общихъ похвалъ постоянно даетъ себя чувствовать. Только изрѣдка, какъ бы невольно, проговаривается тотъ или другой писатель и сообщаетъ иногда какой нибудь живой фактъ или мнѣніе изслѣдователю. Подобное отношеніе къ событіямъ исторіи даетъ право въ тогдашней письменности видѣть отсутствіе сознанія всей цѣнности *искренняго* лѣтописанія“ (352—353).

Такимъ образомъ, историческая достовѣрность разсмотрѣннаго нами выше матеріала, по мнѣнію автора изслѣдованія, представляется во многихъ отношеніяхъ сомнительною, а потому и требующею внимательной, критической оцѣнки. Въ свою очередь, данныя, собранныя авторомъ и заключающіяся въ самыхъ произведеніяхъ, вызываютъ нѣкоторыя дополненія и замѣчанія.

Прежде всего бросается въ глаза то неотразимое вліяніе, какое оказалъ на большую часть разсмотрѣнныхъ нами сказаній трудъ Авр. Палицына: его сказаніе нерѣдко сопровождаетъ другія повѣствованія о смутѣ, вносится въ нихъ по частямъ, извлекается въ отдѣльныхъ отрывкахъ, вліяетъ на замѣну однихъ мѣстъ другими, сообщаетъ опредѣленный тонъ и колоритъ цѣлымъ сочиненіямъ (см. у автора стр. 103, 137, 158, 168, 244, 278, 281, 282, 295, 310, 312, 313—314, 317, 319, 320, 322, 323, 326, 328, 333—335, 336—338, 342). Такимъ значеніемъ въ глазахъ современниковъ сказ. Палицына объясняется и замѣчательное обиліе его списковъ [1]); нѣкоторыя главы его переписывались отдѣльно отъ прочихъ частей сочиненія, какъ самостоятельное произведеніе, даже безъ имени автора (174); наконецъ оно появляется вмѣстѣ съ статьями на малороссійскомъ языкѣ въ южнорусскихъ сборникахъ [2]). Но сочиненіе Палицына—источникъ

---

[1]) «Списковъ «Сказанія» Палицына нѣтъ возможности пересчитать» (168, пр. 2). «Долгое время Сказаніе Палицына было единственною книгою, гдѣ обстоятельно были описаны ужасы смутной эпохи и бѣдствія русскихъ людей» (244).

[2]) Временникъ Моск. Общ. ист., кн. V, стр. 61, прим.

не безпристрастный. Еще Голохвастовъ (въ 1842 г.), замѣтилъ что Сказаніе Палицына „есть духовно-историческая эпопея, главная цѣль которой—прославленіе чудеснаго избавленія лавры и вообще Россіи предстательствомъ святыхъ Сергія и Никона". И дѣйствительно эта часть его (58—223, съ особымъ предисловіемъ) повѣствованія занимаетъ много страницъ въ цѣломъ Сказаніи (по 2-му изд. 324 стр.). Вмѣстѣ съ тѣмъ Палицынъ не былъ чуждъ намѣренія—написать въ немъ панегирикъ самому себѣ.

И авторъ нашего изслѣдованія, какъ видно, склоняется въ пользу этого мнѣнія, не смотря на нѣкоторыя прежнія и недавнія возраженія по настоящему вопросу (стр. 169 и 345). Самые взгляды и трудъ Палицына подвергались измѣненіямъ и передѣлкамъ[1]), въ особенности если допустить мнѣніе г. Платонова о тожествѣ авторовъ „Повѣсти" 1606 г. и „Сказанія объ осадѣ Троицкаго монастыря". Измѣненія эти отчасти вызывались литературными соображеніями, но есть указанія и на другія побужденія автора, зависѣвшія отъ измѣненія обстоятельствъ (178—179; ср. 137, 147—148). У Палицына видна также наклонность скрыть ясность факта за витіеватою фразою, и замѣчательно, что эти обороты нравятся уже оффиціальнымъ повѣтствователямъ и они охотно замѣняютъ подобными тирадами болѣе прозрачное сообщеніе другого источника[2]). Авторъ изслѣдованія о сказаніяхъ смутной эпохи отмѣтилъ это стремленіе пользоваться „фразою", чтобы избѣжать откровеннаго признанія (196, 216 и др.).

И другія „сказанія" съ теченіемъ времени могли подвергаться то сокращеніямъ, то передѣлкамъ (Платоновъ, 34, 81, 103, 107—108, 109—110, 123, 222, 259 и др.[3]); но наглядным образцомъ подобнаго обращенія съ чужими произведеніями и способа литературной обработки, сообразно съ установившимися воззрѣніями

---

[1]) Впрочемъ, объ этихъ измѣненіяхъ см. зам. А. Ѳ. Бычкова по поводу своднаго текста сказ. Авр. Палицына, составленнаго Кедровымъ и представленнаго въ свое время на разсмотрѣніе Арх. ком. (Лѣт. зан. Арх. ком., в. VIII, проток., 65—66), а именно, что въ немъ не представлено ясныхъ и неопровержимыхъ доказательствъ, чтобы первыя шесть главъ дѣйствительно были измѣнены самимъ Палицинымъ противъ первоначальнаго текста его исторіи. Такимъ образомъ вопросъ этотъ требуетъ вообще тщательнаго изслѣдованія.

[2]) См. наше изслѣд. «Скопинъ-Шуйскій», стр. 156.

[3]) Нѣкоторыя изъ повѣствованій признавались удобными для оффиціальныхъ актовъ и заносились въ нихъ (222).

на событія смуты, можетъ служить такъ наз. „Рукопись Филарета“, сохранившая до насъ слѣды этой работы [1]). Быть можетъ близко къ истинѣ предположеніе автора разсматриваемаго изслѣдованія, что показанія Нагихъ о порчѣ царевича и заявленіе Димитрія Самозванца въ одной изъ его грамотъ [2]), что „измѣнники посылали многихъ воровъ и велѣли портить насъ и убити“ послужили зерномъ легенды о ядѣ, о которомъ упоминаютъ уже нѣкоторыя сказанія временъ смуты (21—22, 265, 285), а затѣмъ раннія намѣренія объ убійствѣ развились въ преступленіе, совершенное по предварительному совѣщанію и даже повелѣнію (329—330 [3]). Точно также, не смотря на многочисленныя и болѣе авторитетныя показанія современниковъ о естественной смерти Бориса, слагается противоположное мнѣніе о его самоотравленіи (31), которое и обращается потомъ въ укоръ ему. Въ изложеніи фактовъ приходится иногда считаться съ положеніемъ лица соотвѣтственно оффиціальному признанію, хотя существовали рядомъ и другія несомнѣнныя данныя (196, 227, 275, 331, 335). Преслѣдуя же преимущественно моральныя цѣли, составители сказаній не всегда заботились уже о хронологической послѣдовательности представляемыхъ ими фактовъ (286, 342 [4]). Съ точки зрѣнія современнаго моралиста въ число *еретиковъ* рисковалъ попасть не только Д. Самозванецъ или Борисъ Годуновъ, но даже и Василій Шуйскій (252 [5]). Современный бытописатель склоненъ былъ отыскивать причины смуты въ отдѣльныхъ, частныхъ фактахъ, подводя ихъ подъ свою общую точку зрѣнія [6]); но позднѣйшій историкъ находитъ ихъ въ болѣе глубокихъ явленіяхъ и условіяхъ политической

---

1) См. наше изслѣд. о Скопинѣ-Шуйскомъ, стр. 155. Соловьевъ замѣчаетъ: «Эта лѣтопись важна для насъ въ томъ отношеніи, что она черновая съ помѣтками, изъ нея мы можемъ видѣть, какія извѣстія о смутномъ времени хотѣли сохранить въ *оффиціальной* лѣтописи, составлявшейся въ Михаилово царствованіе, и какія считали нужнымъ уничтожить, какія, наконецъ, особенно хотѣли распространить и изукрасить» (IX, 463).

2) Акты Арх. экспед. II, № 34.

3) Изъ устъ русскихъ повѣствователей извѣстіе объ этомъ переходитъ и въ иностранныя записки (Аделунгъ, II, 136). Какъ развивалась вообще легенда въ смутное время любопытно сравнить напр. «Извѣтъ» Варлаама съ болѣе ранними сообщеніями о его похожденіяхъ (Соловьевъ, VIII, 95 — 99).

4) Обличительный характеръ сказывается даже въ описаніи наружности лицъ: ср. физіогн. опис. Д. Самозванца у Катырева-Ростовскаго (Изборникъ, 314) съ описаніемъ англич. Гильберта—очевидца (Гамель, с. 248; ср. Масса, с. 206).

5) Ср. замѣчанія объ этомъ у Соловьева (IX, с. 469—472).

6) Авраамій Палицынъ, с. 10.

жизни Московскаго государства. Борьба боярскихъ партій, давшая себя чувствовать въ смутное время, обозначилась уже гораздо ранѣе [1]).

Другой важный матеріалъ, легшій въ основаніе сказаній о смутномъ времени,—это собственно оффиціальные акты (211, 214, 230 и др.); но и они въ значительной степени подвергались тѣмъ же превращеніямъ. „Вообще, какъ замѣтилъ еще Соловьевъ, въ грамотахъ того времени не заботились о согласномъ свидѣтельствѣ, а выставляли событія, смотря по обстоятельствамъ" (IX, 23). При смѣнѣ правительствъ, большое значеніе и вліяніе пріобрѣтаютъ московскіе бояре; но объ ихъ роли, какъ мы видѣли, современные писатели отзываются съ негодованіемъ и пренебреженіемъ (Платоновъ, стр. 88, 92, 100, 107, 149, 220 и т. д.). Между тѣмъ эта оффиціальная среда наиболѣе могла оказывать вліяніе на мнѣнія о событіяхъ смуты. Такъ, есть основаніе полагать, что слухъ о подмѣнѣ и появленіи Димитрія былъ пущенъ самими боярами [2]) и потому Борисъ имѣлъ основаніе обратиться къ нимъ съ извѣстнымъ упрекомъ. Не менѣе заслуживаетъ вниманія оффиціальный колоритъ нѣкоторыхъ иностранныхъ извѣстій о болѣе важныхъ вопросахъ смуты: такъ, „Краткая повѣсть о злополучіи и счастіи Димитрія, нынѣшняго кн. Московскаго", напеч. въ Сборникѣ Вихмана, въ той части своей, которая касается отношенія Бориса Годунова къ ц-чу Димитрію, сходна съ „Сказаніемъ, еже содѣяся въ цар. градѣ Москвѣ", какъ указалъ еще Бодянскій въ примѣчаніяхъ къ переводу ея, А. Н. Шемякина [3]). Уже въ 1589—93 гг. наблюдательные иностранцы указывали на тѣ острыя отношенія къ Борису Годунову со стороны бояръ, которыя обнаружились затѣмъ со всею неразборчивостью средствъ въ началѣ смуты [4]). Впослѣдствіи бояре сами громко хвалились другъ другу, что они избыли Бориса ядомъ (Буссовъ [5]), а именно, когда

---

[1]) Соловьевъ, VII, 247; ср. Платоновъ, 210—212.

[2]) См. письмо изъ Архангельска отъ 4 іюля 1605 г., хран. въ Флор. арх. (Рус. историч. Библ., т. VIII, 63—76, сообщ. Ѳ. И. Успенскимъ).

[3]) Чтен. М. О. ист. 1875, кн. III, с. 4.

[4]) О донесеніяхъ цесарскихъ дипломатич. агентовъ, по Вѣнскому архиву, см. въ Рец. Г. Ѳ. Штендмана на книгу пр. Трачевскаго «Союзъ нѣмец. князей» (XXI присужд. наградъ гр. Уварова, 101—102 и 117—118).

[5]) Замѣчательна приписка кн. Конст. Острожскаго на экземплярѣ польскаго перевода грамоты

подобная похвальба могла уже вмѣняться въ заслугу. Точно также въ описаніи посольства Кнуда Гильденстіерне (1614 г.) сообщается разсказъ о смутѣ, отъ имени бояръ, соотвѣтственный тому времени и признаннымъ уже мнѣніямъ [1]). Можно пожалѣть, что авторъ не вошелъ въ разсмотрѣніе этихъ памятниковъ о смутѣ, вышедшихъ изъ русской среды, но записанныхъ иностранцами. Они могли бы послужить ему для выясненія происхожденія нѣкоторыхъ мнѣній и взглядовъ на тогдашнія событія.

При этомъ нужно принять во вниманіе, что нѣкоторые акты, имѣющіе отношеніе къ разсматриваемымъ событіямъ, изданы неисправно. Такъ, по поводу небрежно напечатаннаго дѣла Романовыхъ, Н. М. Павловъ замѣчаетъ: „къ сожалѣнію, это дѣло допущено въ печать съ великими пропусками, во многихъ мѣстахъ поставлены многоточія съ лаконическою надписью: „за ветхостью не разобрали" а между тѣмъ не безъизвѣстно, что особенныхъ ветхостей нигдѣ нѣтъ" [2]).

Съ другой стороны, не всѣ памятники того времени дошли до насъ. Не говоря о многихъ актахъ, попавшихъ въ архивы Швеціи и Польши и отчасти потомъ возвращенныхъ, напомнимъ, что акты смутнаго времени, „бывъ, *по тогдашней политикѣ,* истреблены внутри Россіи, сохранились только въ отдаленныхъ областяхъ, гдѣ и были потомъ найдены исторіографомъ Миллеромъ" [3]). Нѣкоторые же матеріалы и акты цар. Бориса Годунова исчезли, быть можетъ, даже невозвратно [4]). Точно также, не смотря на тщательные поиски въ XVIII и XIX стол., не удалось разыскать переписки Ѳед. Ив. Шереметева съ Ф. Н. Романовымъ за время нахожденія послѣдняго въ польскомъ плѣну и

Бориса Годунова 1605 г.: «Потомъ того-жъ года кн. Димитрій возсѣлъ на престолѣ спокойно безъ всякихъ войнъ; Годуновъ же, *какъ говорили достовѣрно,* увидѣвъ, что подданные того Димитрія за наслѣдственнаго государя признаютъ,—*отравился*» (Сборникъ кн. Оболенскаго, № 8, предисл.). Припомнимъ какъ дѣлались иногда наказы при Иванѣ Грозномъ и Б. Годуновѣ посламъ, для опроверженія неблагопріятныхъ слуховъ. Какъ извѣстно, бояре просили Сигизмунда помогать Самозванцу (Соловьевъ, VIII, 94). Бывшій въ Москвѣ, іезуитъ Лавицкій, говоритъ, напротивъ, объ ударѣ, постигшемъ Бориса (Аделунгъ, II, 102). Ср. русскія извѣстія (Платоновъ, 31).

[1]) Магазинъ Бюшинга, VII, 321—322; Аделунгъ, II, 137—140; ср. 129. Прибавимъ, что и «Наказъ думному дворян. Ушакову и Заборовскому», отправленнымъ послами къ импер. Матѳею въ 1613 г., заключаетъ въ себѣ подробный разсказъ о событіяхъ смутной эпохи (Памят. дипломат. II, 927—958).

[2]) Правда о Лжедимитріѣ (Рус. Арх. 1886, II, 53); ср. Акты истор., II, примѣч. 6 и замѣч. К. Н. Бестужева-Рюмина (Обзоръ, Ж. М. Н. Пр. 1887, № 7, с. 93).

[3]) Собр. Госуд. грам. и дог., т. II, предисл., с. ш.

[4]) Платоновъ, стр. 324.

совѣщаній объ избраніи на престолъ Михаила Ѳеодоровича; а между тѣмъ она находилась въ архивѣ гр. Шереметева. Матеріалъ этотъ признается настолько важнымъ, что, до разысканія его, рѣзкія сужденія о дѣятеляхъ московской смуты считаются даже преждевременными [1]). Но и другіе архивы въ отношеніи разсматриваемаго времени оказываются еще далеко неисчерпанными: достаточно напомнить о разысканіяхъ въ Вѣнскомъ госуд. архивѣ грамотъ кн. Пожарскаго 1612 г., найденныхъ въ 1840—51 г. Ф. Аделунгомъ и I. Фидлеромъ; въ библ. гр. Красинскихъ—документовъ, свидѣтельствующихъ объ интригѣ, веденной сторонниками Д. Самозванца противъ Сигизмунда III, отысканныхъ Костомаровымъ и недавно подтвержденныхъ документомъ одного монастырскаго архива въ Россіи [2]). Нельзя не пожалѣть также, что собраніе весьма важныхъ выписокъ изъ Вѣнскаго архива за время, предшествовавшее смутной эпохѣ, когда повидимому уже обрисовались со всею рѣзкостью отношенія придворныхъ партій, собранныя Г. Ѳ. Штендманомъ, было сожжено и только незначительная доля ихъ появилась въ печати [3]).

Поэтому нельзя не признать справедливыми замѣчаній П. С. Казанскаго, занимавшагося однимъ изъ крупныхъ вопросовъ смутной эпохи. Отстаивая установившееся прежде мнѣніе по данному вопросу, онъ говоритъ однако: „Предлагаемое нами рѣшеніе вопроса, по нашему мнѣнію, болѣе чѣмъ какое другое оправдывается историческими обстоятельствами, хотя не скрываемъ и того, что и для насъ оно не столь рѣшительно, чтобы не допускало возможности инаго рѣшенія. Трудъ нашъ достигнетъ своей цѣли, если вопросъ на той точкѣ, на которую мы его ставимъ, подвергнется новому критическому изслѣдованію. Занятіе этимъ вопросомъ привело насъ къ рѣшительному убѣжденію, *что ни одного частнаго извѣстія о Самозванцѣ—будь оно передано современникомъ-очевидцемъ—нельзя признать за несомнѣнно вѣрное* [4]) и положить его въ основу сужденій.

---

[1]) Родъ Шереметевыхъ, II, 255—59; Журн. М. Н. Пр. 1885, № 3, с. 81.

[2]) Напеч. въ Русскомъ Архивѣ 1886, III, 123—124.

[3]) Отчетъ о XXI присужд. наградъ гр. Уварова, с. 102.

На нѣкоторыя, еще неизд. и важныя свѣдѣнія, указываетъ Минцлофъ (Лѣт. зан. Арх. ком., т. VIII, протok., 17—19).

[4]) Курсивъ въ подлинникѣ.

И это большею частію зависитъ отнюдь не отъ недобросовѣстности разсказчика, но или отъ того, что онъ невнимательно наблюдалъ событія, или отъ того, что видѣнное дополнялъ своею догадкою, или, несвоевременно записывая, спуталъ нѣкоторыя подробности. Образованіе подобнаго рода неправильныхъ извѣстій можно наблюдать ежедневно. Еще легче впадаютъ въ заблужденіе разсказывающіе о какомъ-либо событіи только по слухамъ, дополняемымъ обыкновенно отъ всякаго передатчика его своими объясненіями. Потому-то ко всѣмъ извѣстіямъ и современниковъ нужно относиться *съ сомнѣніемъ* и повѣрять ихъ показанія какъ показаніями другихъ источниковъ, такъ и отношеніемъ ихъ къ другимъ историческимъ фактамъ“ [1]). Подобный скептицизмъ въ историческомъ изслѣдованіи имѣетъ свои глубокія основанія. „Совершившееся, говоритъ Вильг. Гумбольдтъ, только отчасти доступно нашему чувственному воспріятію; еще многое остается присоединить къ тому при помощи *соображеній, аналогіи, догадки*... Когда желаютъ изложить какое нибудь ничтожное событіе, то тотчасъ же замѣчаютъ, какъ, при отсутствіи осторожности въ выборѣ выраженій, начинаютъ примѣшиваться мимоходныя дополненія, изъ которыхъ потомъ является ложь и неопредѣленность. *Самый языкъ нашъ содѣйствуетъ такому обману*“ [2]).

Итакъ, очевидно, многіе вопросы смутной эпохи требуютъ новыхъ изслѣдованій, дополненій и пересмотра. Нѣкоторые изъ нихъ поставлены или намѣчены въ разсмотрѣнномъ нами трудѣ; для другихъ въ немъ собранъ значительный и весьма цѣнный матеріалъ. Въ заключеніе замѣтимъ, что сказанія смутной эпохи имѣютъ не только свой спеціальный интересъ, но и общеисторическій, какъ заключающія въ себѣ обильный матеріалъ для исторической критики. И въ этомъ отношеніи въ книгѣ г. Платонова можно найти не мало весьма цѣнныхъ данныхъ.

---

[1]) Рус. Вѣст. 1877, № 8, стр. 464—465 (Изслѣд. о личности перваго Лжедимитрія). Необходимо замѣтить, что автору вообще свойственъ былъ скептицизмъ (таковы его мнѣнія о древней лѣтописи, вызвавшія въ свое время полемику).

[2]) Ueber die Aufgabe des Geschishtsschreibers, 1820 (Gesammelte Werke, Berl. I, 1841, 1—2).

II. Лжедимитрій I, какъ пропагандистъ католичества въ Москвѣ. Н. Левитскаго. Спб. 1886, стр. 186.

I.

Сочиненіе г. Левитскаго первоначально было напечатано въ „Христіанскомъ Чтеніи“ (1885, май-іюнь, сентябрь-октябрь; 1886, январь-февраль, іюль-августъ) и затѣмъ появилось отдѣльно. Мы не имѣемъ въ виду исчерпать его содержаніе вполнѣ. Наша цѣль другая. Представивъ главные выводы автора, подтвердить лишь ту общую характеристику русскихъ сказаній о смутномъ времени, на которую мы обратили вниманіе въ разборѣ книги г. Платонова. Разсматриваемыя съ точки зрѣнія исторической критики, они наглядно представляютъ намъ, на сколько личныя отношенія, положеніе автора и духъ эпохи всецѣло вліяли на мнѣнія писателя и его произведеніе [1]). Въ разборѣ соч. г. Платонова намъ приходилось указывать на отрицательные результаты его выводовъ. Къ тѣмъ же выводамъ по существу приходитъ и другой изслѣдователь, посвятившій свой трудъ одному изъ главныхъ эпизодовъ въ исторіи смуты, т. е. царств. Димитрія Самозванца, и едва ли не самой важной сторонѣ въ его дѣятельности,—вопросу, на сколько онъ является пропагандистомъ католичества, а слѣд. лицемъ, дѣйствовавшимъ по внушеніямъ изъ-внѣ, или независимо отъ этихъ послѣднихъ. При появленіи Д. Самозванца, московское правительство уже объявляло, что онъ „имѣетъ намѣреніе въ Россійскомъ государствѣ церкви Божіи

---

[1]) Въ одной изъ своихъ статей о Дим. Самозванцѣ г. Левитскій замѣчаетъ: «Вообще, по нашему мнѣнію, вопросъ о достовѣрности источниковъ для исторіи Лжедимитрія I и смутнаго времени можетъ быть благодарною темою, и добросовѣстное рѣшеніе его, въ видахъ чисто-научныхъ, не можетъ быть не желательно... Источниковъ для этой исторіи много; они разнообразны и разнорѣчивы до противоположности» (Хр. Чт. 1883, сентябрь-октябрь, 410).

разорить и костелы латинскіе и люторскіе учинить“ [1]); однако эти заявленія не подѣйствовали и московскій народъ преклонился передъ Д. Самозванцемъ, убѣжденный въ его царскомъ происхожденіи. По смерти Димитрія, „когда стали извѣстны его сношенія съ Римомъ, вышеприведенное обвиненіе считалось уже несомнѣннымъ и Самозванецъ явился въ глазахъ русскихъ людей насадителемъ латинства на Руси, проклятымъ еретикомъ, богоотступникомъ, заклятымъ врагомъ православной церкви. Его обвиняли въ томъ, что онъ церкви Божія осквернилъ, мучилъ православныхъ, воздвигъ на нихъ гоненіе и даже хвалился, что во всѣхъ греческихъ странахъ погаситъ Христово благочестіе“ (Левитскій, стр. 3). Такая точка зрѣнія проводится въ оффиціальныхъ актахъ и въ современныхъ историческихъ повѣствованіяхъ. Д. Самозванецъ, какъ искренній пропагандистъ католичества, является и въ трудахъ нѣкоторыхъ церковныхъ (мм. Платонъ и Макарій) и свѣтскихъ писателей позднѣйшаго времени (Бицынъ—Н. М. Павловъ); но такой взглядъ давно вызывалъ сомнѣнія и даже положительныя опроверженія со стороны многихъ русскихъ историковъ, какъ Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ, П. С. Казанскій и нѣк. другіе.

Къ этимъ послѣднимъ авторъ могъ бы присоединить еще Погодина, такъ какъ мнѣніе м. Платона онъ принимаетъ лишь условно, съ извѣстнымъ ограниченіемъ [2]), и гр. Д. А. Толстого, довольно подробно развивающаго тотъ же взглядъ на личность Д. Самозванца. Такъ какъ г. Левицкій не коснулся мнѣнія послѣдняго, а оно стоитъ весьма близко къ выводамъ автора, то мы приводимъ его здѣсь.

Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи по исторіи католицизма въ Россіи, гр. Толстой между прочимъ пишетъ: „Вникая во всю послѣдующую дѣятельность Димитрія Самозванца, мы приходимъ къ убѣжденію, что отреченіе его отъ вѣры предковъ и принятіе римско-католической было, съ его стороны, *не искренне*, и что онъ даже мало и, такъ сказать, наскоро былъ приготовленъ къ этой новой для него религіи. Латинскаго языка, нужнаго для пониманія римскаго ученія и обрядовъ, онъ почти не разумѣлъ... При немъ, правда, находились два іезуита, Николай Черницкій и Андрей Лавицкій, но онъ употреблялъ ихъ для дипломатическихъ сношеній, а вовсе не для распространенія въ

[1]) Акты Арх. экспед., II, №№ 28 и 29.

[2]) Историческіе отрывки, I, с. 322. Отчасти такъ смотритъ и пр. Филаретъ (IV, 116—120).

Россіи римско-католической вѣры; такъ, въ концѣ 1605 г., онъ послалъ Лавицкаго въ Римъ для переговоровъ о дѣйствіяхъ противъ турокъ... *Смотря безпристрастно* на дѣйствія Отрепьева, мы должны сознаться, что насколько обстоятельства, ставившія его въ зависимость отъ Польши и римскаго двора, позволяли ему уклоняться отъ незавидной роли вѣнчаннаго римскаго пропагандиста въ Россіи, онъ это сдѣлалъ. Прямыхъ покушеній съ его стороны на русскую церковь не было; искаженія греческой вѣры въ Россіи онъ не предпринималъ, и даже въ частыхъ сношеніяхъ своихъ съ римскимъ дворомъ избѣгалъ упоминать о вѣрѣ и о такъ называемомъ соединеніи церквей, другими словами, о подчиненіи русской церкви папѣ. Пришли съ нимъ, правда, нѣсколько латинскихъ священниковъ, но весьма немного, именно столько, сколько необходимо было для его жены и тестя, для польскаго войска и огромной свиты Мнишка, и Лжедимитрій не пособлялъ своею властію ихъ пропагандѣ; хотя бывшіе въ Москвѣ іезуиты и замышляли тайно устроить тамъ свою коллегію, а римскій дворъ даже прислать въ Россію латинскихъ епископовъ, но іезуиты должны были оставаться смирно, жалуясь, что до царя труденъ доступъ [1]). Для Марины устроена была домашняя католическая каплица во дворцѣ; но, по настоянію Лжедимитрія, и не смотря на всѣ сопротивленія Рима, она вѣнчана была по обрядамъ греческой церкви, приняла причастіе отъ патріарха, ходила въ русскія церкви, и постилась не по субботамъ, а по средамъ, какъ того требуютъ правила церкви восточной. Можно предполагать съ нѣкоторою достовѣрностію, что еслибъ Димитрій и усидѣлъ на престолѣ, римскій дворъ разочаровался бы въ своихъ надеждахъ точно также, какъ приходилось ему это испытывать въ Россіи до того времени, въ продолженіе шести столѣтій, не смотря на особо счастливыя для него обстоятельства во времена Самозванца“ [2]).

Такимъ образомъ взглядъ г. Левитскаго, посвятившаго недавно цѣлую монографію въ подтвержденіе этого мнѣнія, не составляетъ

---

[1]) Apud Czyrzowski. См. Adelung, ч. II, стр. 179: «Ad Serenissimum Imperatorem aditus est difficillimus». По русскому изд. т. II, 108.

[2]) Римскій католицизмъ въ Россіи. Истор. изслѣд. гр. Д. А. Толстого. T. I, стр. 79—82.

Даже М. О. Кояловичъ выражается: «участіе іезуитовъ до сихъ поръ не разъяснено» (Три подъема русскаго народнаго духа для спасенія нашей государственности во время самозванническихъ смутъ,—рѣчь, напеч. въ Христ. Чт. 1880, №№ 3—4, с. 389 и отд., с. 10), признающій однако, «что адскій планъ смуты могъ быть дѣломъ только этихъ ужасныхъ людей»; (ib. c. 9).

собственно новости въ нашей литературѣ; но авторъ ея разсмотрѣлъ этотъ вопросъ съ разнообразныхъ сторонъ, взвѣсилъ всѣ мнѣнія *за* и *противъ* и представилъ полный сводъ данныхъ по этому предмету, такъ что новѣйшій историкъ, касающійся смутнаго времени, справедливо замѣтилъ о его трудѣ: „Г. Левитскій, въ своей превосходной статьѣ, обстоятельно доказалъ, что Самозванецъ былъ скорѣе индифферентъ, чѣмъ католикъ, а изъ писемъ Самозванца никакъ нельзя заключать о его католической ревности“ [1]).

Посвятивъ рядъ статей характеристикѣ Димитрія Самозванца, г. Левитскій не входитъ однако въ опредѣленіе его личности. Въ одной изъ этихъ статей онъ говоритъ только: „Лжедимитрій I, *безспорно интереснѣйшая личность*, не разъ уже останавливавшая на себѣ вниманіе историковъ...[2]). Одни признаютъ, что этотъ Самозванецъ—монахъ Гришка Отрепьевъ (Карамзинъ, Соловьевъ, Казанскій); другіе (Костомаровъ) отвергаютъ это тождество; въ концѣ концовъ можно считать несомнѣннымъ развѣ только то положеніе, что царствовавшій въ Москвѣ подъ именемъ Димитрія Ивановича не былъ сыномъ Грознаго, хотя предубѣжденные изслѣдователи и доселѣ готовы утверждать противное“ (ссылка на соч. о. Пирлинга Rome et Démétrius, Paris 1878 [3]).

---

1) Н. К. Бестужевъ-Рюминъ, см. X-ю главу изъ Рус. Исторіи (Журн. Мин. Нар. Пр. 1887, ч. CCLII, № 7, 106—109).

2) Интересъ этотъ выразился и въ многочисленныхъ литературныхъ произведеніяхъ, посвященныхъ Д. Самозванцу: у насъ—Сумарокова, М. Д. Чулкова (сатир. поэма), Пушкина, Нарѣжнаго, Хомякова, Островскаго и др.; въ нѣмецкой литературѣ укажемъ на неоконченное произведеніе Шиллера, на попытку окончить его—Гёте, а также на пьесы Г. Гримма, Ф. Боденштедта, Ф. Геббеля, Лаубе и др. Еще недавно появились французъ. траг. Жюля Ф. и англ. романъ о Д. Самозванцѣ Ст. Кольриджа, сильно идеализирующій его. Любопытно, какъ видоизмѣнялис взгляды на его характеръ, сообразно съ временемъ и историческими трудами.

3) Изъ исторіи Лжидимитрія I. (Гдѣ, когда и кѣмъ былъ обращенъ въ католичество Лжедимитрій ? (Хр. Чт. 1883, сент.-окт., с. 376—377). Только однажды мимоходомъ онъ упомянулъ объ Отрепьевѣ (Лжедимитрій I, 173).

Въ 1822 г. м. Евгеній писалъ В. Г. Анастасевичу: «Если бы вашъ Нѣмцевичъ прочелъ во 2 т. канцлеровыхъ грамотъ (т. е. Собр. госуд. грам. и догов., изд. гр. Румянцовымъ) акты о смерти Димитрія царевича, то не посмѣлъ бы утверждать, что Лжедимитрій былъ истинный Димитрій. Но полякамъ и нужно было выставлять его истиннымъ *для извиненія себя* въ крамолѣ на Россію и взнести на нее вину цареубійства» (Псков. письма м. Евгенія Болховитинова, Рус. Арх. 1889, № 7, с. 342; ср. также любопытныя замѣтки его по этому предмету, ib. 345; № 6, с. 234—235). Извлеченіе изъ соч. Нѣмцевича, представляющее сводъ означенныхъ извѣстій, напечатано и въ русскомъ переводѣ (Москов. Вѣст. 1829, ч. III: О Самозванцѣ, изъ Нѣмцевича). Намъ извѣстна въ томъ же направленіи диссертація Фр. Новаковскаго, напис. по латыни: „De Demetrio I, magno Russiae duce, Iwani filio, Berol. 1839, pp. 70). Но о. Пирлингъ выходитъ въ своемъ мнѣніи изъ отзыва истор. Миллера (сообщеннаго Коксомъ, см. выше, въ разборѣ книги

Отвергая на первыхъ же страницахъ своего изслѣдованія возможность подготовки претендента на московскій престолъ именно іезуитами, г. Левитскій высказываетъ слѣдующее вѣрное соображеніе: „Когда русскій престолъ, по смерти царя Ѳедора, сдѣлался свободнымъ и Борисъ отказывался занять его, не было и слуховъ о спасеніи царевича Димитрія: всѣ почитали его уже умершимъ. А между тѣмъ это была самая удобная минута для заявленія своихъ правъ на престолъ... Ужели такимъ случаемъ не воспользовались бы іезуиты для возведенія своего прозелита на царство, если у нихъ подъ руками былъ уже Самозванецъ? Чего еще нужно было дожидаться? Очевидно они не имѣли тогда и въ виду такого искателя московскаго престола. И въ самомъ дѣлѣ, не было ли нѣсколько преждевременно заниматься подготовкой Самозванца при жизни царя Ѳедора? Кто могъ сказать, когда именно престолъ сдѣлается свободнымъ? Можно ли было предполагать навѣрное, что Ѳедоръ умретъ бездѣтнымъ?“ и т. д. (стр. 9). Безъ сомнѣнія, лицо воспитанное для подобной роли, едва ли бы рѣшилось такъ легко порвать связи съ своими покровителями и стать въ явно враждебныя отношенія къ Сигизмунду III [1]). Къ тому же отрицательному выводу приводятъ автора и свидѣтельства о плохомъ знаніи Д. Самозванцемъ латинскаго языка [2]). Понятно, что эти доводы не устраняютъ пламеннаго стремленія іезуитовъ и папскаго престола воспользоваться столь удобнымъ случаемъ въ своихъ интересахъ, какъ появленіе претендента на московскій престолъ [3]).

г. Платонова, гл. I-я). Припомнимъ также указаніе на первоначальное мнѣніе Карамзина (дневникъ Кюхельбекера, Рус. Старина, т. XIII, стр. 620) и признаніе Погодина (Историч. отрывки, I. с. 312, 330). Сводъ данныхъ о портретахъ Д. Самозванца см. въ новомъ изданіи Подробн. Словаря рус. гравир. портр., Д. А. Ровинскаго, 4 тт. Спб. 1886 (I, стр. 679—95). Впрочемъ съ выводами автора, основанными на физіогномическихъ соображеніяхъ, едва ли можно согласиться (стр. 680).

1) См. нашу статью: Димитрій Самозванецъ и Сигизмундъ III (Русскій Архивъ 1889 г.).

2) «Латинскія письма мнимаго царевича къ папѣ писаны конечно не имъ, а іезуитами. Велевицкій говоритъ, что первое изъ этихъ писемъ Самозванецъ написалъ на польскомъ языкѣ, а на латинскій перевели его уже другіе» (11—12).

3) Въ Польшѣ эти надежды шли гораздо далѣе, чѣмъ они представлялись болѣе компетентнымъ наблюдателямъ въ Москвѣ. Франц. резидентъ писалъ 1 апр. 1606 г. своему двору: «Toutefois j'ay veu de mes yeux une lettre escripte au General des Jesuites signee de la main de Demetrie et scellee de ce grand sceau Ordinayre, laquelle est datée du 23 Febur». (Акты и письма къ ист. Балт. вопроса въ XVI и XVII стол., Г. В. Форстена, Спб., 1889, 220). Любопытно, какъ Сигизмундъ III предупредительно относился къ представителямъ Димитрія вначалѣ: «Tout ce qui y a est de singulier, a este la contestation qui a este—entre l'ambassadeur de l'electeur de Brandenbourg qui voloit preceder le Mosovite, mais il n'a este sostenu de personne, ainsi ung

Къ тому же влекли историческія традиціи папства (12—20). Принимая свидѣтельства о *русскомъ происхожденіи* Димитрія Самозванца, о знаніи имъ православнаго закона, выходящее изъ ряда по тому времени образованіе, авторъ отвергаетъ и самую мысль о фактической приверженности его къ католицизму, такъ какъ онъ и родомъ, и по воспитанію былъ *русскій* (22—23). Мало этого. По мнѣнію нашего автора, во время пребыванія претендента за границею, а именно на Волыни (какъ въ Гощинской школѣ бр. Гойскихъ), на образъ его мыслей оказала несомнѣнное вліяніе одна изъ самыхъ раціоналистическихъ аріанскихъ сектъ [1]), что́ успѣло посѣять въ душѣ Самозванца съ одной стороны—сѣмена свободомыслія и религіознаго индифферентизма, а съ другой—предотвратило его отъ увлеченія католицизмомъ (26—27). Впослѣдствіи и іезуиты замѣтили, что Димитрій Самозванецъ зараженъ ученіемъ Социна и они опасались уже его какъ еретика, не пригоднаго для ихъ дѣла [2]).

Повидимому не много въ пользу католицизма могла сдѣлать и семья Мнишка. Въ одной изъ своихъ статей авторъ такъ характеризуетъ этого послѣдняго: „Это скорѣе былъ человѣкъ безъ опредѣленныхъ религіозныхъ убѣжденій, чуть-чуть не безъ вѣры. Развитію въ немъ

---

chascung luy a donné tort. Il a portant faict une protestation, et en fin voyant que la volonté du Roi estoit que le Moscovite precedast, il s'est apaise et a assiste a table assis dessoubs de Moscovite» (за столомъ сидѣли такъ, что московскій посолъ оказался vis-a-vis съ Максимиліаномъ австрійскимъ, донес. отъ 17 дек. 1605, ib., 219). Письмо отъ 23 февр. см. у Пирлинга (p. 170).

[1]) Необходимо замѣтить, что, во время обнаруживавшагося антагонизма между Димитріемъ Самозванцемъ и Сигизмундомъ III, протестантскія секты въ Польшѣ разсчитывали на покровительство Димитрія (Пирлингъ, 115). Бучинскій составлялъ планъ сближенія съ протестантами; онъ долженъ былъ стать во главѣ посольства въ Англію, съ цѣлью набрать тамъ инженеровъ и ремесленниковъ (126, 169—170). Димитрій оказывалъ также покровительство англ. купцамъ (Аделунгъ, I, 300; Hist. Rus. monum., II, 400).

[2]) Рукоп. Велевицкаго въ прилож. къ Зап. Жолкевскаго, изд. Мухановымъ (171—172). Велевицкій неоднократно замѣчаетъ, что Д. Самозванецъ былъ преданъ разнымъ ересямъ, въ особенности же ереси аріанской (120, 125). Французскій резидентъ De la Blanque 17 дек. 1605 г. доносилъ изъ Кракова о Димитріѣ: „J'ay aprins d'ung gentilhomme de ce pays la, auquel Demetrie demeuroit ung temps incogneu, que Demetrie estant fort malade et habandone de chascung pour ne le congnoistre autrement que pour ung garçon de cuisine, que un Arrian par charite le print chez soy, ou il feust longuement malade et estant quasi a passer le pais, il descouurit au dit Arrian qu'il estoit fils de Juan Basilouitz et quil auoit este saué par son precepteur. Estant quasi cest Arrian le descouurer au gentihomme nomé Goysky (издатель почему-то ставитъ: или Soysky?) et cest Soysky au Knaes Wisnowiesky—et me disoit ce gentilhomme que Demetrie auoit enuoye querir cest Arrian. Je croy que ung bruit qui a este (mesmes du temps que Demetrie estoit yci a Craco) que Demetrie estoit evangeliste, perdoit de ceste conuersation qu'il auoit eu aueq cest Arrian“ (Акты и письма къ ист. Балт. вопросъ въ XVI и XVII списк. Г. В. Форстина, Спб. 1889, по рук. Пар. націон. библ., стр. 219). Ср. Нѣмцевича, II, 197. О значеніи раціон. сектъ въ Польшѣ см. «Исторія реформаціи въ Польшѣ», Н. Н. Любовича, В. 1883.

религіознаго индифферентизма много способствовали родственныя связи. Кружокъ его родни состоялъ изъ диссидентовъ—кальвинистовъ (Фирлей) и социніанъ (Олесницкіе, Стадницкій). Его покровитель Сѣнинскій былъ коноводъ аріанской партіи; первая жена Гедвига Тарло—была также аріанка. Могъ ли изъ такого кружка выдти поборникъ папы? Но, какъ человѣкъ придворный, Мнишекъ соображался съ обстоятельствами. Индифферентистъ, скорѣе протестантъ, чѣмъ католикъ, при Сигизмундѣ-Августѣ, онъ при Сигизмундѣ III начинаетъ кадить предъ іезуитами и другими латинскими монахами. Кто не видитъ, что это кажденіе дѣло политики и разсчета и нужно согласиться съ Н. И. Костомаровымъ, что Мнишекъ не былъ ревностнымъ папистомъ" [1]). „Къ огорченію папы, замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, Марина никогда не отличалась привязанностію къ іезуитамъ, даже не любила ихъ и въ духовныхъ нуждахъ обращалась исключительно къ францисканцамъ" [2]). Самъ Мнишекъ говорилъ потомъ, что „онъ наблюдалъ за своею дочерью, какъ бы она ради замужества не отступила отъ своей вѣры" [3]).

Представивъ характеристику семьи Мнишка, авторъ приходитъ къ заключенію, что послѣдній, вопреки мнѣнію Соловьева, по своему характеру и образу жизни не могъ служить ревностнымъ проводникомъ фанатической приверженности къ римской церкви (29—32); самъ же Димитрій въ руки іезуитовъ попалъ слишкомъ поздно [4]): по ихъ предложенію онъ принялъ латинство, но не искренно, и впослѣдствіи они откровенно сознавались, что на московскомъ престолѣ онъ не былъ уже похожъ на того Димитрія, который былъ въ Польшѣ [5]). Обѣщаніямъ, даннымъ въ Польшѣ и въ обращеніи къ папѣ Клименту VIII, о покровительствѣ католицизму, авторъ противопоставляетъ манифесты Димитрія Самозванца, гласившіе о его желаніи пра-

---

[1]) Изъ исторіи Лжедимитрія I (Христ. чт. 1883, сент.-окт., 399—400).

[2]) Лжедимитрій I, с. 85,

[3]) Ibid. стр. 81; ср. сс. 88, 89—92.

[4]) Соловьевъ полагалъ (VIII, 89—90), что начало обращенію Димитрія Самозванца въ католицизмъ было положено въ Самборѣ францисканцами и довершено въ Краковѣ іезуитами; но г. Левитскій, въ своей статьѣ «Изъ исторіи Лжедимитрія I. Гдѣ когда и кѣмъ былъ обращенъ въ католичество Лжедимитрій» (Христ. Чт. 1883, № 9—10, стр. 376—411) оспариваетъ это мнѣніе и всецѣло приписываетъ обращеніе его іезуитамъ. Тоже мнѣніе отстаиваетъ и о. Пирлингъ (Rome et Démétrius, 21—29). Въ подробности этого вопроса мы не входимъ.

[5]) Велевицкій, 171.

вославную христіанскую истинную вѣру въ покоѣ и тишинѣ содержать (37). Послѣдній старался даже выказать свое благочестіе въ этомъ отношеніи: такъ, онъ взялъ въ Москву чудотв. образъ Знаменія Богородицы изъ Курска и поставилъ его во дворцѣ (39), а вновь возведенный на патр. престолъ рязанскій архіеп. Игнатій (родомъ грекъ, но учившійся вѣроятно въ западныхъ школахъ [1]), въ своей окружной грамотѣ приглашалъ русскую паству молиться „о здравіи новаго царя и его матери, чтобы Господь возвысилъ ихъ царскую десницу надъ латинствомъ и бесерменствомъ“ [2]). „Нѣтъ сомнѣнія, замѣчаетъ авторъ, что грамота была написана и разослана *съ вѣдѣнія* Лжедимитрія“ (50). И м. Макарій признаетъ въ этомъ случаѣ, что Игнатій говорилъ здѣсь какъ православный патріархъ [3]).

II.

Со вступленіемъ на папскій престолъ знаменитаго Павла V, обмѣнъ сношеній между Римомъ и Москвою значительно оживился, но въ то время какъ съ одной стороны шли настоянія и желаніе немедленно приступить къ дѣлу, съ другой—посылались любезности и несочувствіе слишкомъ ревностнымъ предложеніямъ (какъ напр. присылкѣ монаховъ и епископовъ, стр. 42—49 [4]). Доступъ къ ~~нему~~ Димитрію іезуиты получили уже подъ конецъ царствованія и вынесли изъ бесѣды съ нимъ неутѣшительныя для себя мысли — о его еретичествѣ [5]).

---

[1]) См. статью того же автора: „Игнатій, названный патр. Московскій“ (Странникъ 1881, III, стр. 193—231). Уже здѣсь авторъ замѣтилъ, что непривлекательная характеристика нравственности Игнатія, сдѣланная составителемъ „Сказанія еже содѣяся“, должна быть принимаема съ большимъ ограниченіемъ (224).

[2]) Собр. госуд. грам., II, № 92.

[3]) Исторія русс. церкви, X, 108. Іезуиты, въ свою очередь, старались прилаживаться къ нравамъ москвитянъ; такъ, Лавицкій, прибывъ въ Польшу проѣздомъ въ Римъ, удивилъ своихъ собратьевъ внѣшнимъ видомъ: онъ былъ одѣтъ, какъ попы московскіе, имѣлъ отпущенную бороду, длинные волосы и висящій на груди крестъ (Велевицкій, стр. 140—141).

[4]) Отъ папы Димитрій Самозванецъ желалъ прежде всего получить опытныхъ секретарей, инженеровъ, механиковъ, оружейниковъ и т. п. людей, необходимыхъ для задуманныхъ имъ предпріятій (Пирлингъ, 126 и 169); но точно также в. к. Василій III просилъ у папы Климента VII прислать ему архитекторовъ и машинистовъ (Sitzungsber. der phil. hist. Classe d. K. Ak. der Wiss., W., B. XL, J. Fiedler: Ein Versuch der Vereinig. der Russ. mit der Römisch. Kirche im XVI Jahrhunderte, S. 76).

[5]) Впослѣдствіи эти неудачи прямо приписывались вліянію на Димитрія Самозванца еретиковъ (Соловьевъ, VIII, 198; Левитскій, 73), каковыми были оба его секретаря бр. Бучинскіе, близкій къ нему кн. Хворостининъ и т. п.

Принимая во вниманіе свидѣтельство Маржерета, человѣка близкаго къ Димитрію Самозванцу („если бы онъ покровительствовалъ іезуитамъ, то въ Россіи явилось бы ихъ не трое, и то съ польскими войсками, не имѣвшими другихъ патеровъ“); отвергая намѣреніе его водворить католицизмъ посредствомъ основанія университета или коллегіума, какъ онъ обѣщалъ („еще раньше Димитрія Самозванца подобную мысль—завести въ Россіи школы и даже университетъ имѣлъ царь Борисъ, и можно ли подумать, что этотъ человѣкъ хотѣлъ подчинить русскую церковь папѣ?“); объясняя его желаніе предоставить полякамъ имѣть церковь въ Москвѣ—лишь его религіознымъ индифферентизмомъ („я хочу, чтобы въ моемъ государствѣ всѣ отправляли богослуженіе по своему обряду“ [1]); наконецъ указывая на вполнѣ политическій пріемъ, оказанный папскому послу Ал. Рангони и такой же политическій характеръ миссіи въ Римъ іез. Лавицкаго (о союзѣ противъ турокъ, о настояніи на признаніи императорскаго титула Сигизмундомъ и на принятіи участія въ томъ же союзѣ [2]), авторъ замѣчаетъ: „Если бы Лжедимитрій былъ хорошимъ католикомъ, онъ постарался бы и безъ напоминаній и предложеній увеличить ряды католическихъ миссіонеровъ, а папа отправилъ бы тогда въ Россію цѣлые легіоны своихъ усердныхъ слугъ... Въ Россіи почти сразу возникла бы цѣлая латинская іерархія, которая принялась бы дѣйствовать не менѣе усердно, чѣмъ въ Польшѣ. Къ счастію нашего отечества ничего такого не случилось, благодаря *полнѣйшему* равнодушію Лжедимитрія къ папскимъ предложеніямъ“ (стр. 51—64). И въ то время какъ въ своихъ отношеніяхъ къ Маринѣ и Юрію Мнишку папа обращается съ требованіемъ и настояніями, Д. Самозванца онъ лишь проситъ и умоляетъ (68). Полная предупре-

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ авторъ спрашиваетъ: „По инціативѣ Бориса Годунова была построена въ Бѣломъ городѣ протестантская кирка,—указываетъ ли это на его намѣреніе распространить въ Россіи протестантизмъ“? (стр. 56). Къ этому авторъ могъ бы прибавить еще слѣд. любопытное свидѣтельство Буссова: «11 мая 1606 г. Мартинъ Беръ, урож. нейшадтскій, говорилъ во дворцѣ, съ дозволенія государя (т. е. Д. Самозванца), первую лютеранскую проповѣдь для господъ капитановъ, докторовъ и др. нѣмцевъ, коимъ слишкомъ далеко было ходить въ Нѣмецкую слободу» (58). Ср. у Левиц. стр. 54, прим. 5 (объ отказѣ католикамъ имѣть церкви при Іоаннѣ Грозномъ и Б. Годуновѣ).

[2]) «Хлопоты объ этомъ союзѣ составляютъ главный предметъ сношеній Лжедимитрія съ Римомъ. *Для него папа не больше какъ свѣтскій государь*, человѣкъ необходимый для сношеній съ Польшею и Германскимъ императоромъ» (57—58). Инструкція Д. Самозванца Лавицкому (Пирлингъ, 166—167).

дительность видна со стороны папы и въ вопросѣ о титулѣ (69—70), ясно указывающая на чьей сторонѣ преобладалъ интересъ.

Съ особенною подробностію останавливается авторъ на бракѣ Димитрія Самозванца съ Мариною Мнишекъ, при осуществленіи котораго обѣ стороны, такъ сказать, обрисовались вполнѣ съ своими истинными намѣреніями и тайными цѣлями. „Лжедимитрій сдержалъ свое слово, данное Мнишку и его дочери, говоритъ тотъ же авторъ. Это было, кажется, единственное изъ всѣхъ обѣщаній, данныхъ въ Польшѣ, которое онъ привелъ въ исполненіе" (65 [1]). Между тѣмъ, какъ папа всячески торопилъ съ бракомъ и допускалъ даже возможность вѣнчанія въ великій постъ [2]), Димитрій Самозванецъ упорно настаиваетъ на исполненіи Мариною открыто обрядовъ православной церкви и заявляетъ, что, только подъ условіемъ исполненія ихъ, она будетъ коронована на московское государство (75). „Упорствовалъ Римъ, но не соглашался и Лжедимитрій, говоритъ авторъ. А между тѣмъ вопросъ объ отношеніи будущей московской царицы къ православной церкви представлялъ для Лжедимитрія самый удобный случай выказать свою ревность къ католичеству, если только она у него была... И что же обнаружилъ Лжедимитрій? Расположеніе ли къ римской церкви и заботу о распространеніи католичества въ Россіи? Совсѣмъ нѣтъ! Ничего подобнаго не замѣтили слуги папы. Лжедимитрій упорно настаивалъ, чтобы Марина въ глазахъ русскаго народа была православною, хотя, при такой настойчивости, рисковалъ навсегда потерять нѣжно любимую имъ Марину... Если бы онъ дѣйствительно хотѣлъ ввести въ Россіи католическую вѣру, то долженъ былъ бы не въ Римѣ хлопотать относительно исполненія Мариною обрядовъ православной церкви, а, наоборотъ, въ Россіи—о дозволеніи имѣть себѣ жену—католичку... Настаивая

---

[1]) Безъ сомнѣнія оно было слѣдствіемъ искренняго увлеченія Димитрія Самозванца Мариною, о чемъ свидѣтельствуютъ и частыя письма его къ Мнишку (числомъ 23), побуждавшія его къ скорѣйшему пріѣзду съ невѣстою (66). Современники говорятъ о красотѣ Марины. Къ этому типу ближе подходитъ портретъ ея, издан. по вишневецкой коллекціи (Древ. и Нов. Россіи 1879, II., съ портр. Д. Самозванца; ср. Подр. Словарь Ровинскаго, II, 1223—27).

[2]) Авторъ замѣчаетъ: „Обрядъ, совершенный въ Краковѣ въ ноябрѣ 1605 г., и у современниковъ, и у позднѣйшихъ историковъ (Карамзинъ, Соловьевъ) обыкновенно называется *обрученіемъ* Лжедимитрія съ Мариной; но въ существѣ дѣла онъ былъ и *вѣнчаніемъ* по уставу римской церкви, какъ и названъ въ церемоніалѣ» (Рус. ист. Библ. I, 51—71; Левитскій, 68, прим.).

на томъ, чтобы Марина была принята въ православную церковь и соблюдала ея обряды, Лжедимитрій призналъ неизмѣннымъ то положеніе, что русская царица de jure непремѣнно должна быть православною, хотя де facto можетъ и не быть ею... Правда, Лжедимитрій не требовалъ перекрещиванія Марины и позволялъ ей быть тайною католичкою; но онъ *и не могъ* поступить иначе и по религіозному индифферентизму, и по случайнымъ обстоятельствамъ". Соображаясь съ характеромъ Марины, авторъ полагаетъ даже, что „послѣдняя никогда бы не предпочла религіозные интересы московской коронѣ" (стр. 78—81 [1]). Мнѣніе это онъ подкрѣпляетъ какъ отношеніемъ Марины къ іезуитамъ, такъ и положеніемъ ихъ по прибытіи ея въ Россіи (87—90); а нѣкоторыя современныя извѣстія говорятъ, что она была даже научена въ правилахъ греческой церкви (какъ Légende de la vie et de la morte de Démétrius, p. 10).

Мало этого. „Провозглашенная благовѣрною, т. е. православною, Марина за литургіею была помазана св. мvромъ и допущена къ причащенію изъ рукъ патріарха. Непосредственно послѣ обѣдни благовѣщ. протопопъ Ѳеодоръ совершилъ вѣнчаніе. Наши историки, обвиняя Лжедимитрія въ нарушеніи церковнаго устава, смотрятъ на дѣло съ точки зрѣнія существующаго теперь порядка и обычая, забывая что нынѣ дѣйствующій законъ... относится ко 2-й половинѣ XVIII в. и вызванъ существующимъ тогда разногласіемъ въ церковной практикѣ" (подробности см. на стр. 95—97; 148—152 [2]). И авторъ полагаетъ (вопреки Карамзину, Соловьеву, Костомарову и пр. Филарету), что попытка сдѣлать Марину православною по наружности была исключительно дѣломъ Димитрія Самозванца и патріарха, а не всего духовенства (стр. 75, примѣч.). Онъ думаетъ, что исполненіе требованій, поставленныхъ еще прежде Димитріемъ Самозванцемъ и вызвавшихъ теперь заявленіе католическому духовенству, что Марина не будетъ коронована, если не причастится у русскаго патріарха, было результатомъ болѣе ранняго соглашенія съ невѣстою (въ Польшѣ [3]), гордость которой удовлетворялась созна-

---

[1]) Припомнимъ слова Мнишки, что онъ наблюдалъ за своею дочерью, какъ бы она „ради замужества" не отступила отъ своей вѣры (Рус. ист. Библ. I, 105; Левитскій, 81 примѣч.).

[2]) Впрочемъ во многомъ согласно съ Казанскимъ (Р. Вѣст. 1877, № 10, с. 501—502).

[3]) Ср. инструкцію Я. Бучинскому (Пирлингъ, 167—168).

ніемъ ея объ извѣстныхъ правахъ на московскій престолъ (стр. 95—96 [1]).

Тѣмъ не менѣе подобный шагъ Димитрія Самозванца не избавилъ его отъ нареканій. „Несомнѣнно, говоритъ г. Левитскій, что Лжедимитрій никому не угодилъ—ни католикамъ, желавшимъ видѣть царицу полною и явною католичкою, ни православнымъ, добивавшимся крещенія царской невѣсты. Только религіозный индифферентизмъ безпечнаго Лжедимитрія могъ дѣлать такія странныя попытки соединить несоединимое... Женитьба Лжедимитрія на иноземкѣ, не крещеной въ православную вѣру, можетъ быть была слишкомъ большою ошибкою царя—самозванца, сдѣлалась для него роковою, „пагубною", какъ говоритъ лѣтописецъ [2]) и, какъ замѣчаетъ составитель сказанія о Димитріѣ [3]), явилась одною изъ главныхъ причинъ его гибели и несчастія" (98).

Въ связи съ этимъ авторъ разбираетъ другой весьма важный вопросъ въ исторіи царств. Димитрія Самозванца—это обвиненіе послѣдняго въ намѣреніи *избить бояръ*, чтобы тѣмъ удобнѣе и скорѣе содѣйствовать распространенію католицизма въ Россіи. Главнымъ свидѣтельствомъ противъ Самозванца здѣсь должны, конечно, служить показанія людей, близкихъ къ нему, каковы бр. Бучинскіе, которыми и воспользовался Шуйскій. Но уже Карамзинъ считалъ эти показанія вынужденными страхомъ, если не совсѣмъ вымышленными. „Современники вѣрили, говоритъ онъ; но трудно убѣдить потомство, чтобы Лжедимитрій, хотя и не разсудительный, могъ дерзнуть на дѣло ужасное и безумное" [4]). Не довѣряютъ имъ также Устряловъ [5]), Соловьевъ [6]) и Костомаровъ [7]). Съ своей стороны авторъ посвятилъ обширное разсужденіе, направленное въ опроверженіе показаній и свидѣтельствъ, собранныхъ Шуйскимъ и его клевретами. „Совѣсти Шуйскаго, говоритъ онъ, мы имѣемъ полное

---

[1]) Впослѣдствіи она писала королю: «Все отняла у меня судьба: остались только справедливость и право на московскій престолъ, обезпеченное коронаціей».

[2]) Сказаніе еже содѣяся (Чт. М. О. ист. 1847, № 9, с. 22).

[3]) Legende, изд. кн. М. Оболенскимъ, М. 1839, р. 30.

[4]) Карамзинъ, XII, 15.

[5]) Сказанія о Димитріѣ Самозванцѣ, I, 452, примѣч.

[6]) Т. VIII, 152.

[7]) Смутное время, I. Въ пользу показаній Бучинскихъ склоняются пр. Макарій, П. С. Казанскій и нѣк. др.

право не довѣрять, даже при бѣгломъ знакомствѣ съ характеромъ его двуличной дѣятельности въ дѣлѣ царя Димитрія. Судя по словамъ Шуйскаго, царевичъ самъ зарѣзался, былъ убитъ по приказанію Годунова и потомъ воскресъ изъ мертвыхъ. Можно ли примирить такія несообразности? Очевидно этотъ человѣкъ нынѣ говорилъ одно, а завтра—другое; увѣрялъ, что говорилъ правду и призывалъ въ свидѣтели Бога; религію онъ употреблялъ для своихъ цѣлей. Возбуждая народъ къ бунту противъ Лжедимитрія, Шуйскій является на площадь съ крестомъ въ рукахъ, именемъ Бога призываетъ русскихъ людей вооружиться противъ „злаго еретика", выставляетъ себя только ревнителемъ церкви и вѣры, а среди участниковъ заговора—мечтаетъ о коронѣ и царствѣ и ради ихъ лукавитъ и кривитъ душею, желая выставить себя поборникомъ православія". И далѣе: „Вступивъ на престолъ, Шуйскій имѣлъ причины, по обстоятельствамъ же, говорить неправду, какъ онъ дѣлалъ это, бывши бояриномъ. Вѣдь онъ былъ заговорщикъ, бунтовщикъ и, наконецъ, убійца своего государя. Кто бы ни былъ этотъ государь—самозванецъ или нѣтъ, Шуйскій призналъ его законнымъ правителемъ Россіи, присягалъ ему и даже увѣрялъ, что онъ истинный потомокъ Рюриковичей; возставъ противъ него, Шуйскій явился мятежникомъ противъ высшей власти, признанной имъ же самимъ, и клятвопреступникомъ" (стр. 100—105 [1]).

Пользуемся здѣсь случаемъ, чтобы сдѣлать поправку къ одному недавно вышедшему труду. П. О. Морозовъ, въ своемъ соч. „Исторія русскаго театра" (т. I, Спб. 1889), дѣлаетъ слѣд. оглавленіе: Гл. V, стр. 114: „школьная драма въ Москвѣ XVII в.—спектакли при Самозванцѣ"; а въ текстѣ говоритъ: „Попытка завести въ Москвѣ представленія духовныхъ пьесъ была сдѣлана іезуитами, прибывшими сюда вмѣстѣ съ первымъ Самозванцемъ. *Такъ по крайней мѣрѣ понимаемъ мы извѣстіе хронографовъ о сотво-*

---

[1]) Соловьевъ выражается: «Не смотря на то, что возстаніе было возбуждено во имя вѣры православной, во имя земли русской, въ народѣ не могло не быть сознанія, что совершено дѣло *нечистое* или, по крайней мѣрѣ, нечистымъ образомъ... И кто же былъ обманутъ, кто былъ недоволенъ? Масса людей *умѣренныхъ*, самая могущественная часть народонаселенія, которая даетъ прочный успѣхъ всякому дѣлу... Вотъ почему 17 мая 1606 г. въ Москвѣ не было ознаменовано тѣмъ одушевленнымъ ликованіемъ, какое обыкновенно бываетъ по совершеніи общаго дѣла» (155—156). И авторитетъ „крестоноснаго" и „боголюбиваго" царя вскорѣ палъ.

ренiи ада на Москвѣ рѣкѣ Разстригою (Изборникъ Попова, стр. 237, 272, 276). Этотъ адъ, составлявшiй, по всей вѣроятности, часть декораци для духовной пьесы школьнаго типа, послѣ смерти Самозванца былъ сожженъ вмѣстѣ съ его тѣломъ“ и т. д. „*Можетъ быть* это былъ народный аллегорическiй спектакль, ludus caesareus“.

Къ сожалѣнiю столь широкое толкованiе автора ничѣмъ не подтверждается. Впервые это извѣстiе появляется въ повѣсти 1606 года („Платоновъ“, 13), откуда перешло въ хронографы и сказанiя о Димитрiѣ Самозванцѣ (Изборникъ, loc. cit. и Четыре сказ. о Лже-Димитрiѣ, Спб. 1863, изд. гр. Ѳ. Растопчинымъ, стр. 120—121). Прежде всего замѣтимъ, что даже библейско-риторическое описанiе „Повѣсти“ не допускаетъ подобнаго объясненiя. Вотъ оно: „Адъ превеликъ зѣло, имѣющъ у себѣ три главы и содѣя обоюду челюсти его отъ мѣди бряцало велiе, егда же разверзаетъ челюсти своя, и извну его яко пламя предстоящимъ ту является, и велiе бряцанiе исходитъ изъ гортани его, зубы же ему осклабленнѣ и ногти ему яко готовы на ухапленiе, и изъ устiю его яко же пламени распалавшуся; и постави его проклятый онъ прямо себѣ на Москвѣ рецѣ, себѣ во обличенiи, даже ему и съ превысочайшихъ обиталищъ своихъ зрѣти нань всегда“ и т. д. Но простой языкъ голландца Массы, бывшаго тогда въ Москвѣ, вполнѣ разъясняетъ иносказанiя, свойственныя вообще русскимъ бытописателямъ и такъ часто затемняющiя обыкновенной смыслъ. „Онъ велѣлъ также отлить много орудiй, хотя въ нихъ не было недостатка въ Москвѣ, говоритъ Масса. Сверхъ того онъ иногда приказывалъ строить крѣпостцы для осады и обстрѣливанiя ихъ большими орудiями. Въ этихъ упражненiяхъ онъ самъ участвовалъ, какъ простой воинъ и не пренебрегалъ никакою работою, очень желая поселить въ москвитянахъ основательное знанiе военнаго искусства. Однажды онъ велѣлъ сдѣлать для образца *крѣпость, двигавшуюся на колесахъ*, съ нѣсколькими пушками и разнаго рода огнестрѣльными снарядами. Онъ хотѣлъ употребить эту *подвижную крѣпость* противъ татаръ и этимъ испугать, какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ лошадей. И дѣйствительно, это изобрѣтенiе было очень остроумно. Зимою, Димитрiй приказалъ для пробы выставить *на льду рѣки Москвы* эту крѣпость и рота польскихъ всадниковъ должна была ее осаждать и брать приступомъ. Это зрѣлище царь могъ отлично видѣть *съ верху*,

изъ своего дворца, и ему казалось, что крѣпость вполнѣ удовлетворяетъ его желанію. Она была прекрасно сдѣлана и вся раскрашена; на дверяхъ были изображены слоны, на окнахъ *входъ въ адъ*, извергавшій *пламя*, въ нижней части на небольшихъ окнахъ, *имѣвшихъ видъ чортовыхъ головъ*, были поставлены маленькія орудія. Если бы подобное изобрѣтеніе, очень остроумно придуманное, было употреблено противъ такихъ враговъ, какъ татары, то дѣйствительно ихъ тотчасъ же можно было бы привести въ замѣшательство и обратить въ бѣгство. *Москвитяне назвали эту крѣпость адскимъ чудовищемъ* и послѣ смерти Димитрія, котораго они называли *чародѣемъ*, говорили что онъ на время заперъ тамъ чорта, впослѣдствіи сожженнаго вмѣстѣ съ этою крѣпостью" (169—170; ср. сс. 210, 213). Понятенъ поэтому весь ужасъ при видѣ подобнаго зрѣлища, выразившійся въ русскомъ сказаніи. Но послѣ означеннаго сопоставленія двухъ почти тождественныхъ текстовъ не можетъ быть и сомнѣнія, что здѣсь рѣчь идетъ о „крѣпости", а не о „комедійной храминѣ". Притомъ, какъ мы видѣли, іезуиты и не успѣли еще такъ устроиться въ Москвѣ, чтобы могли помышлять о заведеніи духовныхъ пьесъ. Ихъ мысли были направлены въ другую сторону, причемъ прежде всего имъ приходилось думать объ обезпеченіи собственнаго положенія въ чуждой странѣ.

Припомнимъ маневры войска, введенные въ лагерѣ Скопина-Шуйскаго, причемъ устраивались примѣрныя сраженія, также послужившія предлогомъ къ столкновенію между его войскомъ и отрядомъ царя Василія Шуйскаго [1]), и знаменитый Кожуховскій походъ Петра В., по поводу котораго до насъ дошло юмористическое описаніе дракъ солдатъ „новаго строя" со стрѣльцами [2]). И весьма вѣроятно, что подобныя экзерциціи при Димитріѣ Самозванцѣ послужили предлогомъ къ разсказамъ о намѣреніи его избить всѣхъ бояръ [3]).

---

[1]) См. наше изслѣд. о Скопинѣ Шуйскомъ, стр. 130—131, 140.

[2]) Воен. Сборн. 1860, № 1; также ст. А. Корниловича (Сѣв. Арх. 1824, № 5).

[3]) «Во время военныхъ забавъ съ дворянами онъ часто забывалъ о своей безопасности», говоритъ Масса (170; ср. сс. 194, 206).

Буссовъ разсказываетъ слѣдующее: «Въ 30 верстахъ отъ Москвы, есть обитель Вяземская: царь велѣлъ обвести ее ледяною крѣпостью и прибылъ туда съ нѣмецкою гвардіею, двумя отрядами польской конницы, также со всѣми боярами, въ намѣреніи показать имъ искусство осаждать крѣпости. Конницу расположилъ въ недальнемъ разстояніи отъ монастыря; князьямъ и боярамъ поручилъ защищать крѣпость, назначивъ одного изъ нихъ воеводою, а *самъ*, предводи-

Понятно, что Шуйскому необходимо было подъискать вѣское оправданіе въ пользу совершеннаго имъ переворота, какимъ и явилось обвиненіе Димитрія Самозванца въ намѣреніи ввести въ Россіи католицизмъ и истребить православную вѣру (стр. 105). „На допросѣ Шуйскій и бояре, изыскивавшіе обвиненія противъ убитаго Лжедимитрія, давали понять свидѣтелямъ Бучинскимъ, чего они добиваются, чего хотятъ отъ ихъ показанія... [1]), а обвиняя убитаго царя въ намѣреніи избить бояръ и истребить православіе въ Россіи, Бучинскіе явно подкупали бояръ въ свою пользу и располагали ихъ къ себѣ... Вотъ почему Бучинскихъ и не обвиняли, какъ соучастниковъ Лжедимитрія, въ заговорѣ противъ бояръ...; интересно, что, разсказывая о распредѣленіи Самозванцемъ, кому изъ поляковъ кого изъ бояръ убить, они по имени называютъ только Ѳедора Мстиславскаго и братьевъ Шуйскихъ, главныхъ вождей заговора и виновниковъ смерти Самозванца" (105—110).

Возражая по поводу обвиненія послѣдняго въ столь обширномъ замыслѣ, авторъ спрашиваетъ: „Не страшенъ ли планъ введенія въ Россіи католической вѣры посредствомъ боярской рѣзни? Чтобы рѣшиться исполнить его, нужно быть нафанатизированнымъ католикомъ. Когда же сдѣлался такимъ ревнителемъ папства Лжедимитрій? ...но это не посовѣтовали бы даже и іезуиты, жившіе въ Москвѣ и лучше своихъ начальниковъ понимавшіе неразумность такихъ мѣръ и дѣйствій. Притомъ же, какъ мы знаемъ, Лжедимитрій находился подъ особеннымъ, даже исключительнымъ вліяніемъ еретиковъ" (111—112).

При такой постановкѣ вопроса, вытекающей изъ всей совокупности обстоятельствъ, является необходимость объяснить самые мо-

---

тельствуя *нѣмцами*, пошелъ на приступъ; воинамъ, вмѣсто оружія, дали снѣжные комки. Въ первый день потѣха была чудесная, только *нѣмцы* переранили многихъ бояръ, бросая въ нихъ, вмѣстѣ съ снѣгомъ, *каменьями*. Царь первый ворвался въ крѣпость; за нимъ вся гвардія. Торжествуя побѣду, онъ говорилъ коменданту ледяной крѣпости: «Дай Боже взять со временемъ такимъ же образомъ *Азовъ*». Потомъ велѣлъ готовиться къ новой потѣхѣ; между тѣмъ подали пива, меду и всѣ пили за общее здоровье. Въ это время подходитъ къ царю одинъ бояринъ и проситъ его оставить такія забавы. «Бояре, говорилъ онъ, весьма сердиты на нѣмцевъ, которые осмѣлились бросать въ нихъ каменьями; не забудь, что между князьями и боярами много тебѣ зложелателей»... Маневры были прекращены; «но вскорѣ, замѣчаетъ Буссовъ, возникъ *слухъ*, будто бы царь далъ приказаніе полякамъ и нѣмцамъ умертвить вельможъ» (по изд. Устрялова, с. 53—54). Такъ объясняетъ возникновеніе этого слуха и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (l. c. 108).

[1]) Собр. госуд. грам., II, с. 296.

тивы заговора Шуйскаго. „Заговоръ Шуйскаго и бояръ очень понятенъ, говоритъ авторъ [1])... Въ свое время онъ (Самозванецъ) нуженъ былъ для низложенія ненавистнаго Годунова; *бояре* призвали его для того, чтобы свергнуть Бориса“ [2])... „Чтобы избавиться отъ ига лютаго тиранна (т. е. Бориса), говорилъ Шуйскій по низложеніи Самозванца, я подалъ руку Димитрію, не разбирая его рода и племени“. Такимъ образомъ „цѣль была достигнута: царственный родъ Годуновыхъ истребленъ; для полнаго торжества *боярской партіи* оставалось низложить самого Лжедимитрія. Оба заговора Шуйскаго несомнѣнно имѣютъ въ виду именно эту послѣднюю цѣль. Первая неудача научила заговорщиковъ быть осторожнѣе и осмотрительнѣе и выждать самой удобной минуты для своихъ дѣйствій [3]). Такая минута дѣйствительно и представилась въ разгаръ свадебныхъ пиршествъ, когда Лжедимитрій, увлеченный весельемъ, былъ до крайности безпеченъ и когда наглое и буйное поведеніе поляковъ озлобило противъ нихъ русскій народъ“ (116—117). Въ самомъ заговорѣ авторъ видитъ „лишь дѣло небольшой боярской партіи, сообщниковъ Шуйскаго“ (118 [4])).

Отсюда ясно, что въ настоящемъ освѣщеніи разсматриваемаго вопроса авторъ примыкаетъ къ тому мнѣнію, которое впервые было высказано еще кн. Щербатовымъ [5]) и затѣмъ поддержано и проведено въ исторіи Соловьева, а именно, что появленіе Д. Самозванца есть дѣло бояръ, всецѣло направленное противъ ненавистной имъ власти Бориса Годунова [6]).

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ авторъ замѣчаетъ: «По словамъ одного хронографа (Изборн. Попова, с. 228), Лжедимитрій хотѣлъ всѣхъ православныхъ «побити». Кого бы онъ сталъ обращать въ католичество»? (с. 99, примѣч.).

[2]) Сказ. соврем. о Димитріѣ Самозванцѣ, I, 52 (Буссовъ). О склонности нѣк. бояръ къ кор. польскому см. выше, а также донес. венец. Гритти, 1586 г., на основаніи сообщеній Поссевина (Le Saint Siège, la Pologne et Moscou, 1582—1587, p. le P. Pierling, 175).

[3]) Прощеніе Шуйскихъ было личнымъ дѣломъ Димитрія (Собр. госуд. грам., II, 261).

[4]) Въ грамотѣ, разосланной по областямъ, Шуйскій говоритъ, что Самозванецъ погибъ, но какъ погибъ?—объ этомъ ни слова (Соловьевъ, VIII, 162).

[5]) Рос. исторія, XIII, 207.

[6]) «Соловьевъ, по словамъ Казанскаго, не досказалъ своего взгляда на перваго Лжедимитрія. Онъ называетъ его также Гр. Отрепьевымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не допускаетъ того, чтобъ онъ былъ обманщикъ, а признаетъ, его человѣкомъ *увѣрившимъ*, что онъ есть Димитрій. Рождается вопросъ, какъ же могъ Гр. Отрепьевъ вѣрить, что онъ былъ Димитрій?» (Рус. Вѣст. 1877, № 8, с. 463—64)—замѣчаніе весьма вѣское, но легко впрочемъ устраняемое, если признать заявленія тогоже Казанскаго, что «теперь рѣдко можно встрѣтить интересующагося русскою исторіей человѣка, который бы признавалъ, что первый Лжедимитрій былъ Г. Отрепьевъ» (464). Между тѣмъ

По поводу изложеннаго эпизода авторъ коснулся самыхъ источниковъ, сообщающихъ о немъ, и въ этомъ вопросѣ пришелъ къ тому же выводу, какъ и авторъ разсмотрѣннаго нами выше сочиненія,—о несомнѣнномъ вліяніи оффиціальныхъ источниковъ на мнѣнія и взгляды современныхъ лѣтописцевъ. „Сказанія эти, говоритъ онъ, дышатъ непримиримою ненавистію къ Лжедимитрію и стараются возвести на него множество явно несправедливыхъ обвиненій,—такимъ свидѣтельствамъ нужно вѣрить съ осторожностію и осмотрительностію. Во вторыхъ, откуда наши хронографы и сказанія почерпаютъ свои свѣдѣнія о боярской рѣзнѣ? *Всѣ—изъ одного источника*—показанія Бучинскихъ, къ которому относятся съ полною вѣрою, потому что считаютъ Лжедимитрія способнымъ на всякое злодѣйство; *многія изъ сказаній вполнѣ воспроизводятъ* обвиненіе, высказанное Бучинскими противъ Самозванца“...[1]). Но, прибавляетъ тотъ же авторъ, „*во всѣхъ сказаніяхъ* есть одна черта, заслуживающая вниманія—ясное указаніе на то, что Самозванецъ до своей свадьбы рѣшительно ни чѣмъ не выразилъ своей особенной привязанности къ римской церкви“ (118—120).

Подтвержденіемъ этого служитъ, какъ категорическій отвѣтъ, данный Д. Самозванцемъ польскимъ посламъ на ихъ требованіе о

самъ Казанскій, отстаивая прежнее мнѣніе, прибѣгаетъ къ фикціи, а именно, что Гр. Отрепьевъ не былъ сынъ Богд. Отрепьева, но *побочный сынъ какого либо знатнаго лица*, приписанный къ семейству Отрепьева, чтобы дать ему имя (ibid. № 9, стр. 29—31); какъ поступаетъ и Бицынъ, полагающій, что изъ Москвы уѣхалъ одинъ Самозванецъ, подставленный боярами, а изъ Польши явился другой, выставленный поляками (Рус. Арх. 1886, II, 549—550). При этомъ, напрасно Казанскій исправляетъ сообщеніе Маржерета о раннемъ появленіи (1600) въ Польшѣ Д. Самозванца (ib., № 8, с. 498—500), такъ какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и бывшій въ Москвѣ Масса (75, 85, 102), и даже русскія извѣстія (Соловьевъ, VIII, 93). Съ другой стороны, Казанскій замѣчаетъ: «Въ сказаніи Массы и А. Палицына есть указаніе, что попытки уяснить (подробности о Самозванцѣ) были, но почему либо признано нужнымъ *умолчать* объ нихъ» (№ 9, с. 27). Отвѣтъ Соловьева Костомарову на сдѣланное ему, по существу его мнѣнія, возраженіе (Рус. Арх. 1868: Замѣтки о самозванцахъ въ Россіи, стр. 271—273). Къ такимъ «убѣжденнымъ» самозванцамъ Соловьевъ относитъ и Лубу. Любопытно показаніе (1641 г.) о послѣднемъ Матвѣя Сосновскаго, провинившагося въ кражѣ въ Томскѣ, «какъ онъ былъ въ Польшѣ въ Брестѣ-Литовскомъ и учился вмѣстѣ грамотѣ и въ то же время называли поляки изъ учениковъ одного человѣка московскимъ царевичемъ и хотѣли идти, какъ онъ выростетъ, къ Москвѣ съ силою» (Зап. Рус. Арх. общ. по отд. русс. и слав. арх., II, 19). О Лубѣ см. Діаріушъ иг. Аѳ. Филипповича, его наставника (Рус. ист. Библ., т. IV, с. 82—107).

[1]) Иное сказ. о Самозванцѣ (Врем. М. О. И., т. XVI, 46—47); Сказаніе еже содѣяся, (Чт. М. О. И. 1847, № 9, с. 22—23); Изборн. Попова, 273. Понятно, почему Я. Бучинскій устранялъ себя отъ участія въ замыслахъ, приписываемыхъ Димитрію (Масса, 207).

допущеніи въ Московское госуд. католическаго духовенства и позволеніи строить церкви („церквей латинскихъ и іезуитовъ не хочу“ [1]); такъ и мнѣніе римской куріи о его дѣятельности, высказанное уже послѣ его смерти. По поводу слуха о спасеніи Димитрія Самозванца кард. Боргезе писалъ папскому нунцію въ Польшѣ: „Начинаемъ вѣрить, что Димитрій живъ; но *такъ какъ онъ окруженъ еретиками, то нѣтъ надежды*, чтобы онъ продолжалъ оставаться при прежнемъ намѣреніи. Бѣдствія должны бы побудить его къ оказанію знаковъ истиннаго благочестія; *но дружба съ еретиками обнаруживаетъ, что у него нѣтъ этого чувства*“ (125—126 [2]).

Ѳ. И. Успенскій, въ своемъ разборѣ труда о. Пирлинга (рецензентъ пользовался лишь 1-мъ изд., L. 1877; 2-е P. 1878, значительно переработано, пополнено и снабжено обширными приложеніями), замѣтилъ: „Словомъ, Самозванецъ старался встать къ Риму въ тѣ отношенія, которыя ему были предписаны его настоящимъ положеніемъ *и московскими традиціями*; въ Римѣ же повидимому забывали это послѣднее, а помнили лишь легкомысленныя обѣщанія искателя престола“ [3]). Такъ, Д. Самозванецъ, при посредствѣ папы задумывалъ вступить въ близкія сношенія съ европейскими державами [4]); намъ приходилось уже упоминать о взглядахъ Д. Самозванца на свою власть [5]), которые привели его къ разрыву съ Сигизмундомъ III и вызывали неудовольствіе въ окружающихъ [6]). Въ свою очередь

---

[1]) Соловьевъ, VIII, 143. Тоже сообщаетъ и рус. лѣтопись, но съ недовѣріемъ и обвиненіемъ Димитрія въ коварствѣ (Никон. Лѣт. VIII, стр. 73; Лѣт. о мятеж., 99; Нов. Лѣт., 73). Допущеніе имъ уніи съ римской церковью г. Левитскій относитъ лишь къ началу его царствованія (124).

Отвергая указанное предложеніе относительно распространенія католичества, Д. Самозванецъ думалъ вообще отдѣлаться отъ обязательствъ (какъ отдача Сѣверской земли, помощь противъ Швеціи) деньгами (О поискахъ моихъ въ Позн. библ., О. М. Бодянскаго, Чт. М. О. И., годъ I, № 1, с. 35—36). Въ донесеніяхъ того же S. de la Blanque (дек. 1605 г.) мы находимъ слѣд. любопытное мѣсто: «Le Demetrius est paisible en Moscovie apres avoire escarte une nouvelle conspiration contre sa personne, et extermine soixante et dix familles principales, et fait profession de la Religion Grecque renvoyant les Jesuites en Poulongne» (Сборникъ Г. В. Форстена, 219). Значительныя суммы, отправленныя Д. Самозванецемъ въ Польшу, за исключеніемъ семьи Мнишка, объясняются долгами, сдѣланными имъ для предстоявшаго его предпріятія (Масса, 161; Аделунгъ, II, 120).

[2]) Соловьевъ, VIII, 210.

[3]) Журн. Мин. Нар. Пр., ч. CCXXXV, сс. 330—331.

[4]) Пирлингъ, прилож., стр. 168, 170.

[5]) См. 1-ю статью гл. IV-ю, примѣч.

[6]) Масса, 214. Я. Бучинскій (со словъ пановъ) писалъ ему: «И по твоей де той великой *спеси* и *гордости*, подлинно тебя Богъ сопхнетъ съ столицы твоей» и т. д. (Собр. госуд. грам., II, № 121, с. 259).

Пирлингъ по этому поводу замѣчаетъ: „Удача бываетъ часто гораздо опаснѣй, чѣмъ несчастіе..... Власть ослѣпила его и увлекла на фатальный путь. Между тѣмъ, какъ царь вполнѣ отдался грезамъ о счастіи и радостяхъ, Павелъ V писалъ письма, датированныя мѣсяцемъ апрѣлемъ. Одно мѣсто въ этихъ письмахъ даетъ понять, что въ Римѣ сознавали необходимость сказать строгое слово тому, къ которому доселѣ относились какъ къ представляющему самыя утѣшительныя гарантіи за будущее. Въ Римѣ знали однако не всю истину. Въ Димитріѣ мало по малу совершилась печальная и радикальная перемѣна..... Горячую ревность неофита во время похода смѣнилъ теперь холодный разсчетъ политика, который думаетъ воспользоваться религіей только какъ средствомъ.... Въ Москвѣ стало еще хуже. Онъ не только вполнѣ удалилъ іезуитовъ, которымъ покровительствовалъ....., но и окружилъ себя совѣтниками—еретиками, пользовавшимися всѣмъ его довѣріемъ.... Соединяя низость съ лицемѣріемъ, онъ ласкалъ вниманіемъ папу и короля, когда того требовали обстоятельства; но, сдѣлавшись самъ себѣ господиномъ, съ презрѣніемъ говорилъ о священной главѣ церкви и замышлялъ пагубныя намѣренія противъ Сигизмунда III..... Слишкомъ балуемый счастіемъ, Димитрій впалъ въ несносную гордость. Онъ имѣлъ такое преувеличенное мнѣніе о своей мудрости, справедливости и могуществѣ, что, считая себя выше всѣхъ другихъ государей, думалъ, что онъ призванъ наполнить міръ шумомъ своей славы и поразить однимъ ударомъ, какъ новый Геркулесъ, страшнаго врага, знамя котораго съ береговъ Босфора угрожало самымъ отдаленнымъ провинціямъ Европы.... Трудно удержаться отъ догадки, которая здѣсь приходитъ на умъ: въ этомъ сластолюбивомъ и гордомъ человѣкѣ есть что-то напоминающее героя опричнины“ [1]).

Въ связи съ указанными фактами стоитъ вопросъ объ императорскомъ титулѣ. Вопросъ этотъ не былъ совершенною новостью въ исторіи русской дипломатіи и, кромѣ того, имѣлъ большую важность въ глазахъ поляковъ. Уже въ договорѣ Россіи съ Даніей 1493 г. Иванъ III называется „totius rutzcie Imperator“ [2]); въ нѣмец. грам. импер. Максимиліана I (1514) вел. кн. Василій Ивановичъ именуется „Kayser und

[1]) Pierling, p. 141—142.

[2]) Два посольства при Иванѣ IV Васил. (Рус. Вѣст. 1887, № 7, с. 92).

Herscher aller Reussen", а въ латинской грам. Альбрехта Бранденбургскаго (1517)—„Imperator ac Dominator totius Russiae" [1]). Папа Юлій III обращался къ Ивану IV такъ: „Universorum Ruthenorum Imperatori"; англійская корол. Марія и супругъ ея Филиппъ писали Ивану IV, а кор. Елисавета ему же и сыну его Өедору—„Imperatori totius Russiae", „The Emperor of Russia" (писался такъ и самъ Иванъ IV), въ обращеніи же своемъ называла Ивана IV „Lord Emperor" [2]). Өедоръ Ивановичъ писался иногда „Imperator" [3]); но Иванъ Грозный, постоянно ссылавшійся на свое происхожденіе отъ имп. Августа (теорія эта усердно пропагандировалась писателями XVI и XVII вв.), титуловалъ себя также „Dominus Caesar" [4]). Мало этого: употребленіе императорскаго титула распространяется и въ обществѣ [5]). Такимъ образомъ, требованія Димитрія имѣли извѣстныя основанія: теперь была составлена историческая записка о правахъ его на этотъ титулъ [6]), а въ своихъ притязаніяхъ онъ постоянно опирается на примѣръ предшественниковъ [7]).

Но эти притязанія въ средѣ извѣстной части книжниковъ вызвали неудовольствіе [8]), какъ нѣкогда и Псковской лѣт. отнесся съ негодованіемъ къ принятію царскаго титула Иваномъ Грознымъ [9]). Другіе мотивы руководили, конечно, Сигизмундомъ III, не слушавшимъ въ этомъ случаѣ даже настояній папы; но и онъ въ настоящемъ дѣлѣ слѣдовалъ традиціи. Уже въ 1553 г. Сигизмундъ-Августъ заявлялъ

---

[1]) На грамату Максимиліана I, въ подтвержденіе своихъ правъ, ссылался Иванъ Грозный (Соловьевъ, VI, 171), а потомъ Петръ В., при которомъ грам. Максимиліана и Альбрехта были напечатаны (Памятн. диплом. снош., II, 1433—1448).

[2]) Исторія титула государей Россіи, А. Лакіера (Журн. Мин. Нар. Просв. 1847, ч. LVI); О значеніи царскаго титула, Д. И. Прозоровскаго (Изв. Арх. Общ., т. VIII, 459—460, 463, 474—77); Россія и Англія 1553—1593, собр. грамотъ, изд. Ю. В. Толстымъ, Спб. 1875.

[3]) Hist. Russ. monum., II, 24.

[4]) Ibid., I, 269.

[5]) См. письмо итальянца (Рус. историч. Библ., т. VIII, № 8, с. 64 и д.). На Западѣ принятіе Иваномъ Грознымъ титула царя также отождествлялось съ понятіемъ *цезаря* (Fiedler, Sitzungsber., XL, 108—116); а Тектандеръ свидѣтельствуетъ о распространеніи импер. титула между русскими (Два сватовства, Чт. М. О. ист. 1867, IV, предисл., с. VIII).

[6]) Пирлингъ, прилож., стр. 217—218.

[7]) Въ инстр. Бучинскому къ нунцію К. Рангони читаемъ: «Ut il-mus Legatus Sac. R. M. exponat nos male habere denegatum nobis a S. S. titulum Caris; in aliquot enim suis etiam per modernum Nuncium ad nos datis literis non nisi Gubernatorem sive Gospodarem nos nominat, cum certo nobis constet, nos Dei gratia non modo Carem verum etiam Caesarem, seu Imperatorem esse; uti et Sanctiss. Pater et Imperator Romanus antecessores nostros piae memoriae titulo Caesaris insignire solebant; ac proinde nostro nomine apud S. S. id evincat». (ib., 168, 217).

[8]) Иное сказаніе, 33; Палицинъ, 28; протестъ дьяка Осипова (ibid. 29).

[9]) П. С. Рус. лѣт., т. IV, 307.

папѣ слѣдующее: „*Нашъ* особенный и народа *нашего* интересъ, чтобы *московитъ* никогда не получилъ королевскаго титула..... Навѣрное можно опасаться, что если московскій князь получитъ королевскій вѣнецъ и титулъ, *то русскіе, находящіеся въ нашей власти*, воспользовавшись какимъ либо маловажнымъ поводомъ и подстрекательствомъ, будутъ стараться отпасть отъ насъ къ нему, какъ къ патрону и исповѣднику ихъ обряда, въ особенности, если увидятъ расположеніе къ нему папы и какъ бы одобреніе его догматовъ.... Ибо для русскихъ тяжело и невыносимо повиноваться королямъ не православнаго закона, гдѣ они не пользуются тѣми же правами, какъ исповѣдники латинскаго обряда“ [1]. Опасенія эти постоянно давали себя чувствовать въ сношеніяхъ Россіи съ Польшею [2]. И Польша всегда стояла на стражѣ сношеній Россіи съ Римомъ, а когда послѣдній рѣшался на болѣе дѣятельное участіе въ нихъ, то вынужденъ былъ даже прибѣгать къ такому средству, какъ отправка посла въ Москву черезъ Швецію [3].

III.

Вторая половина монографіи г. Левитскаго посвящена „отношеніямъ Д. Самозванца къ православной церкви“ (129). Выходя изъ той точки зрѣнія, что Д. Самозванецъ былъ еретикъ и ревнитель латинства, а въ отношеніи къ православной церкви поступалъ какъ второй Юліанъ, современники его въ каждомъ его поступкѣ и дѣйствіи видѣли „нѣчто недоброе“. Вотъ почему, по замѣчанію г. Левитскаго, въ исторіи этихъ отношеній мы знаемъ „исключительно лишь темныя стороны“, „какъ будто въ этихъ отношеніяхъ дѣйствительно не было ни одной доброй черты“ (129).

Возражая противъ такого взгляда, изслѣдователь безусловно отвергаетъ мнѣніе, что вновь поставленный патр. Игнатій былъ склоненъ къ латинству, какъ ни на чемъ не основанное [4]. Самое *назначеніе* Игнатія

[1]) Fiedler, loc. cit.
[2]) Соловьевъ, VI, 163—165, 254.
[3]) Rome et Moscou, p. Pierling, 131—132.
[4]) Подробнѣе обстоятельства жизни патр. Игнатія изложены авторомъ въ его статьѣ: «Игнатій, назван. патріархъ» (Странникъ 1881, III, 197 и 199). На лѣтописной точкѣ зрѣнія стоятъ авторъ статьи, напечат. въ Чт. М. О. ист. (годъ III, кн. VIII), м. Макарій и др.

патріархомъ, помимо собора русскихъ святителей, авторъ ослабляетъ бывшими до того примѣрами личнаго назначенія митрополитовъ (131—136). Точно также, доступъ, открытый въ русскіе храмы пришлымъ въ Москву полякамъ, вызывался обстоятельствами времени (какъ свадьба и коронованіе Марины), а не умышленнымъ намѣреніемъ Димитрія нанести оскорбленіе церкви. Притомъ отдѣльные случаи допущенія иновѣрцевъ (католиковъ) въ храмы существовали и ранѣе (напр. при Иванѣ Грозномъ). По дневнику же Марины (Сказ., изд. Устряловымъ, II, 157) поляковъ пустили въ церковь немного и пустили разумѣется тѣхъ, которые находились въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ съ царскою невѣстою, а эти лица принадлежали къ католическимъ семействамъ (139 [1]). Иное дѣло поведеніе самихъ поляковъ при посѣщеніи храмовъ; но ихъ поступковъ не могъ одобрить и Д. Самозванецъ. Впрочемъ, авторъ думаетъ, что впослѣдствіи сами поляки приписали ему такія дѣйствія, въ которыхъ онъ былъ неповиненъ (140—142). Между прочимъ, когда послы Сигизмунда потребовали, чтобы имъ дано было мѣсто для сидѣнья въ церкви во время коронованія Марины, Д. Самозванецъ отвѣчалъ имъ, что у русскихъ нѣтъ обычая сидѣть въ церквахъ; однако, по окончаніи церемоніи, послы отошли въ сторону и сѣли [2]).

Гораздо существеннѣе представляется обвиненіе Самозванца, что

Замѣчательно, что патр. Никонъ въ домовой церкви своихъ палатъ помѣстилъ портреты всѣхъ *шести* русскихъ патріарховъ, бывшихъ до него, слѣд. и Игнатія, и свой собственный. И въ недѣлю православія при Никонѣ поминались всѣ шесть патріарховъ и пѣли имъ вѣчную память (Макарій, XII, 295 и 296). «Игнатія считали современники патріархомъ, а не лжепатріархомъ, хотя и признали потомъ еретикомъ» (ib. X, 122—123).

[1]) Русскіе говорятъ, правда, что въ церковь вошли «и люторы и кальвинисты» (Сказ. еже содѣяся, 22); но и Марина не разъ называется у нихъ «люторкою», «дѣвкою люторской вѣры» и даже «люторкою бесерменкой вѣры»—понятія очевидно несовмѣстимыя, (ibid., 21; Иное сказаніе, 32); Ак. Арх. экспед., т. II, № 67, с. 155.

Попытка датск. кор. Христіана III (1552) склонить Ивана Грознаго въ пользу лютеранскаго ученія не могла имѣть успѣха (см. ст. И. Снегирева, Сборн., изд. М. О. ист., IV, с. 117 и д.), а затѣмъ лютеранамъ воспрещенъ былъ и входъ въ греческія церкви (Левитскій, 138—139). Борьба съ Литвою и Ливоніей при Иванѣ Грозномъ создала ему славу небывалаго тирана, перешедшую и въ исторію, какъ видно изъ современной публицистической литературы (см. Польская и нѣмец. печать о войнѣ Баторія съ Иваномъ Грознымъ, по рукоп. И. Пуб. библ., В. Г. Васильевскаго, Ж. М. Н. Пр. 1889, №№ 1 и 2; ср. также многочисл. диплом. док. въ сборн. Г. В. Форстена); но уже одинъ современникъ итальянецъ, Дж. Тедальди, жившій долго въ Москвѣ, сообщалъ Поссевину, что въ Польшѣ и Литвѣ распространены *преувеличенные* слухи о жестокости Ивана Грознаго (Pierling, Un nonce du Pape en Moscovie, P. 1884, прил. VIII-е).

[2]) Сказанія, изд. Устряловымъ, II, 220—221; I, 186.

онъ обошелъ вопросъ о крещенiи Марины въ православную вѣру, ограничившись лишь помазанiемъ ея св. мνромъ [1]) и въ этомъ вина одинаково падаетъ какъ на него, такъ и на патр. Игнатiя. „Но гдѣ же, спрашиваетъ авторъ, въ церк. правилахъ есть повелѣнiе подвергать вторичному крещенiю католиковъ, переходящихъ въ прав. церковь? Даже русская церковь не знала такого правила до патр. Филарета". И Маржеретъ, современникъ Самозванца, притомъ долго жившiй въ Москвѣ, хотя и говоритъ, что католики презираются русскими, однако замѣчаетъ, что ихъ увольняютъ отъ втораго крещенiя. Въ средѣ самихъ рус. архiереевъ были такiе, которые не считали нужнымъ требовать перекрещиванiя латинянъ, какъ напр. крут. митр. Iона, мѣстоблюститель патр. престола послѣ Гермогена. Уже по смерти Д. Самозванца русскiе (по свид. Велевицкаго) принимали католиковъ въ свою вѣру *не иначе*, какъ окрестивъ ихъ по своему обряду [2]); но это, по замѣчанiю г. Левитскаго, было плодомъ ближайшаго знакомства нашихъ предковъ съ поляками (145—146); а митр. Iона „былъ осужденъ за свою снисходительность уже съ точки зрѣнiя строгихъ постановленiй патр. Филарета, которыя раньше, конечно, не могли имѣть значенiя обязательныхъ законовъ" [3]). Такимъ образомъ и всѣ лѣтописцы смотрятъ на освобожденiе Марины отъ крещенiя съ точки зрѣнiя постановленiя *собора 1620 г.*, слѣдовательно не безпристрастно (146 [4]). И авторъ скорѣе склоненъ обвинять въ данномъ

---

[1]) Патрiархъ Филаретъ признавалъ однако, что Марина присоединена къ прав. церкви мνропомазанiемъ.

[2]) Прилож. къ зап. Жолкевскаго, 189.

[3]) Ант. патр. Макарiй, по вопросу о перекрещиванiи латинянъ, писалъ патр. Никону слѣдующее: «Кальвинистовъ и лютеранъ должно перекрещивать, потому что они истинные еретики, священства не имѣютъ и не признаютъ за таинство и т. д. А латинянъ не должно перекрещивать: они имѣютъ священство и принимаютъ всѣ седмь таинствъ.... Перекрещивать ихъ значило бы впадать въ ересь второкрещенцевъ... Мы признаемъ ихъ священство...; также должны признавать ихъ крещенiе. Они только схизматики, а схизма не творитъ человѣка невѣрнымъ, а творитъ только отлученнымъ отъ церкви. Самъ Маркъ Ефесскiй, противникъ латинянъ, никогда не требовалъ перекрещиванiя ихъ и признавалъ крещенiе ихъ правильнымъ» и пр. (Макарiй, XII, 196—197).

[4]) Казанскiй замѣчаетъ: «Филаретъ участвовалъ *во всѣхъ* церемонiяхъ бывшихъ при Д. Самозванцѣ, и въ вопросѣ о томъ, крестить ли Марину прежде вѣнчанiя, *не присталъ* къ строгому мнѣнiю Гермогена и Iосифа Коломенскаго, хотя послѣ самъ сдѣлалъ постояннымъ правиломъ присоединять католиковъ къ православiю черезъ крещенiе» (Рус. Вѣст., 1877, № 10, с. 480—481). Въ XVI в. и въ Польшѣ стали было требовать перекрещиванiя русскихъ, но это требованiе вызвало и возраженiя (Н. Н. Любовичъ, Ист. реформ. въ Польшѣ, с. 75).

случаѣ соборъ русскихъ іерархов, на рѣшеніе которыхъ былъ предложенъ настоящій вопросъ „за угодливость ихъ свѣтской власти“, нежели Д. Самозванца „за поруганіе православія бракомъ съ неперекрещенной католичкой“ (146—147).

Точно также авторъ смягчаетъ суровый приговоръ, произнесенный надъ Д. Самозванцемъ за совершеніе свадьбы наканунѣ пятницы и дня св. Николая, т. е. 8 мая (Иное сказаніе, нѣкоторые хронографы), а равно и недоумѣнія, высказанныя по этому поводу нѣкоторыми историками (Карамзинъ, Соловьевъ и Костомаровъ). Нашъ авторъ думаетъ объ этомъ иначе. „Насколько намъ извѣстно, говоритъ онъ, въ русской церкви *до смутнаго времени* не существовало определеннаго и точнаго постановленія, въ какіе именно дни бракъ могъ быть совершаемъ. Изъ обычая, практики и постановленій церкви греческой было взято рѣшительное запрещеніе совершать браки въ посты (особенно великій) и только“ (149). Въ подтвержденіе настоящаго мнѣнія онъ приводитъ примѣры изъ XVI в., показывающіе, что браки совершались въ четвергъ, и постановленіе полов. XVII в.— о дозволеніи совершать браки въ этотъ день. „Наши свѣтскіе историки, прибавляетъ авторъ, смотрятъ на это дѣло съ точки зрѣнія существующаго теперь порядка и обычая, забывая, что нынѣ дѣйствующій законъ, запрещающій совершать браки наканунѣ постныхъ дней и великихъ праздниковъ, въ число которыхъ включенъ и праздникъ св. Николая (9 мая), относится ко 2-й половинѣ XVIII в. и вызванъ существовавшимъ тогда разногласіемъ въ церковной практикѣ“ (151—152 [1]). По этому вполнѣ вѣроятно предположеніе автора, что обвиненіе современныхъ лѣтописцевъ исходило собственно изъ того, что брачное торжество сопровождалось необычайными для русскихъ ликованіями и потѣхами. Вотъ почему въ первый день, во избѣжаніе соблазна, Д. Самозванецъ даже отмѣнилъ музыку (151—153 [2]).

Другія обвиненія, болѣе мелочнаго свойства, авторъ не считаетъ существенными съ точки зрѣнія церковной вообще, но имѣвшими лишь значеніе по тому времени. Онъ признаетъ вполнѣ справедливымъ отзывъ Маржерета, что Д. Самозванецъ вообще исполнялъ

---

[1]) Объ особенномъ честв. св. Николая русскими см. у Массы (214) и др. Москвитяне были въ особенности недовольны пирами въ этотъ день (193).

[2]) Во дворцѣ дѣлались приготовленія для маскарада (Масса, 197); а маски были приняты потомъ за изображенія *боговъ* (200); о маскѣ, брошенной на трупъ Димитрія (Буссовъ, 72).

церковные обряды [1]). „Посты онъ вообще исполнялъ; въ этомъ убѣждаетъ насъ и *описаніе обѣдовъ въ постные дни*, и настойчивое требованіе его, чтобы Марина постилась въ среду вмѣсто субботы" (156—157 [2]). Точно также, отправляя львовскому братству на построеніе храма соболей на 300 руб., въ грамотѣ своей онъ писалъ: „да созиждется храмъ сей въ утвержденіе истинной нашей непорочной христіанской вѣры и въ прибѣжище православнымъ христіанамъ" [3]). Вообще, замѣчаетъ авторъ, Лжедмитрій при жизни не казался такимъ „злымъ еретикомъ", „богоотступникомъ", какимъ выставляютъ его *послѣ смерти его враги*, устроившіе ему погибель (162 [4]).

Весьма важнымъ обличеніемъ противъ Д. Самозванца было бы его „гоненіе", направленное противъ лицъ высшей духовной іерархіи; но, разобравъ всѣ данныя, относящіяся къ указаннымъ случаямъ, авторъ не видитъ въ нихъ ни преднамѣренности, ни жестокости. Такъ, случай насильственнаго низведенія патр. Іова съ патріаршества представляется не исключительнымъ и не единственнымъ въ нашей исторіи (мм. Даніилъ, Іоасафъ, Діонисій, архіеп. Варлаамъ). „При низложеніи Іова, какъ сторонника Годунова, никто и не видѣлъ въ немъ страдальца за вѣру; такимъ онъ явился уже *послѣ* того, какъ Лжедимитрій былъ признанъ самозванцемъ и еретикомъ" (165). Притомъ „лишеніе престола Іова оказывается единственнымъ случаемъ такого рода, за который можно упрекнуть Лжедимитрія. На другіе подобные факты нѣтъ указаній и такихъ фактовъ не было"; такъ какъ

---

[1]) Онъ имѣлъ православнаго духовника (Макарій, X, 112). Лѣтописецъ выражается: «показался благъ и благочестивъ» (П. С. Р. лѣт. V, 57). Духовные витіи привѣтствовали его благочестіе не только вначалѣ, но и въ 1606 г. (Левитскій, 160—161). «По рожденію и воспитанію Лжедимитрій былъ русскій, православный. Никто изъ москвичей не признавалъ въ немъ иностранца, а на оборотъ всѣ видѣли въ немъ великорусскаго грамотѣя.... Все ему было извѣстно въ ней: языкъ, нравы, обычаи, характеръ народа» (ibid. 21). Сообщеніе Чиржовскаго іез. провинціалу въ Польшѣ о занятіяхъ Димитрія на пути въ Москву (Пирлингъ, 205—208) вполнѣ опровергаетъ сообщеніе Вассенберга о семилѣтнемъ пребываніе его въ іез. школѣ (Gesta Vladislai, IV, p. 14).

[2]) См. внушительную инстр. его секретарю Я. Бучинскому относительно Марины, адресованную къ нунцію Кл. Рангони (Пирлингъ, 167—168). Марина была обучена и московскимъ обычаямъ (Масса, 179).

[3]) Собр. госуд. грам., II, № 130.

[4]) Припомнимъ, что съ такимъ-же негодованіемъ относятся къ реформамъ Бориса, къ сближенію съ Западомъ, распространенію брадобритія и. т. п. современные писатели—его противники (Палицынъ, стр. 20). Между тѣмъ о распространеніи брадобритія въ XVI в. говоритъ уже въ своихъ обличеніяхъ м. Даніилъ. Ср. письмо И. Купріанова къ ред. Москвитян. (1853, № 8, с. 131—о бритьѣ бородъ даже крестьянами при Б. Годуновѣ и Михаилѣ Ѳедоровичѣ).

„ко времени вѣнчанія Шуйскаго на царство въ Москвѣ изъ русскихъ пастырей не доставало только казан. м. Гермогена, высланнаго въ епархію; всѣ остальные были тѣ же, что и до Лжедимитрія, кромѣ вновь посвященнаго (при немъ) м. ростовскаго Филарета“ (167—168). Изъ членовъ духовнаго собора—двое, м. Гермогенъ и архіеп. колом. Іосифъ, требовавшіе перекрещиванія Марины, нисколько не потерпѣли, такъ какъ Гермогенъ былъ высланъ лишь въ свою епархію, а Іосифъ совсѣмъ оставленъ въ покоѣ (169 [1]). Не былъ тронутъ и астр. архіеп. Ѳеодосій, обличавшій Димитрія въ самозванствѣ (171 [2]).

Мало этого. Авторъ находитъ, что вообще Д. Самозванецъ относился къ духовенству съ почтеніемъ и уваженіемъ. „Всѣмъ архіереямъ Самозванецъ далъ самыя первыя мѣста въ государственной Думѣ... При всякомъ выдающемся, торжественномъ случаѣ приглашалъ къ участію и русскихъ пастырей. Важныя дѣла онъ передавалъ на ихъ разсмотрѣніе“ (172 [3]). Понятно, что авторъ уже совершенно отвергаетъ, какъ голословныя, показанія нѣкоторыхъ источниковъ о предполагавшемся гоненіи противъ монаховъ и совершенномъ уничтоженіи монастырей; онъ указываетъ, напротивъ, на подтвержденіе послѣднимъ прежнихъ привилегій и выдачу новыхъ (175 [4]).

При всемъ томъ, мы не можемъ согласиться въ настоящемъ случаѣ съ окончательнымъ выводомъ автора. Существуетъ показаніе весьма компетентнаго свидѣтеля (Буссова), что Д. Самозванецъ распорядился произвести опись монастырскихъ имуществъ и подвергнуть ихъ секуляризаціи. Какъ извѣстно, вопросъ объ ограниченіи церковной собственности, поднятый еще при Иванѣ III, не былъ новостью въ Россіи, и Иванъ

---

[1]) Заточенія Гермогена въ монастырь, какъ принимаетъ даже Соловьевъ, не было (171) и вообще отношеніе Самозванца въ этомъ дѣлѣ авторъ находитъ «въ высшей степени снисходительнымъ» (170—171).

[2]) Впрочемъ, быть можетъ, справедливѣе взглядъ г. Платонова, который видитъ въ «житіи Ѳеодосія» легендарный разсказъ, притомъ обильный анахронизмами (Сказанія, 296—297). Любопытно въ разсказѣ лишь то, что Ѳеодосій говорилъ такъ: «знаю, что ты называешься царемъ, *но прямое твое имя Богъ вѣсть*» (Левитскій, 171; ср. Іерархія Астр. еп., Пл. Любарскаго, Чт. М. О. ист. 1848, VI, 65—66)—быть можетъ самое вѣроятное изъ всѣхъ мнѣній, при настоящемъ состояніи источниковъ.

[3]) Любопытна картина, изображ. пріемъ польскаго посольства, въ которомъ участвовали свѣтскіе и духовные чины (см. въ Труд. Моск. Арх. общ., т. IV, прилож., съ историч. объясн. гр. А. С. Уварова).

[4]) Пр. Макарій, не отличающійся вообще снисходительностью къ Д. Самозванцу, выражается однако: «Самозванецъ благодѣтельствовалъ и православнымъ архіереямъ, и обителямъ» (т. X, 113); ср. Соловьевъ, VIII, 146.

Грозный поступалъ въ этомъ отношеніи не менѣе рѣшительно (Горсей), чѣмъ предполагалъ сдѣлать то Д. Самозванецъ, хотя тотъ же Иванъ Грозный одновременно съ тѣмъ много благотворилъ монастырямъ. Есть также указанія, что Д. Самозванецъ неоднократно пользовался монастырскими суммами [1]), за что заслужилъ у нѣкоторыхъ писателей не менѣе рѣзкіе отзывы, чѣмъ Борисъ Годуновъ и потомъ В. Шуйскій, прибѣгавшіе въ необходимыхъ случаяхъ къ тому же средству [2]). Вотъ почему Шуйскому удалось такъ легко найти серьезную поддержку своему дѣлу отчасти въ духовенствѣ, но преимущественно среди монаховъ [3]). Такое объясненіе ни сколько не противорѣчитъ выводамъ автора, но оно будетъ ближе къ истинѣ.

Въ чемъ же заключается причина паденія, Д. Самозванца по мнѣнію нашего автора? „Самозванство Лжедимитрія, говоритъ онъ, — вотъ кажется первый и главный источникъ предубѣжденія противъ него и вражды къ нему. Самъ Лжедимитрій могъ подать поводъ къ недовольству имъ. Далекій отъ гоненій на православіе, онъ, однако, не былъ ревнителемъ старины, которая въ умахъ русскихъ людей являлась чѣмъ-то неприкосновеннымъ, божественнымъ... Лжедимитрій думалъ распространить въ Россіи западную цивилизацію; но такое дѣло, по мнѣнію *ревнителей старины*, грозило цѣлости вѣры... Окатоличеніе—вотъ что ожидало, по мнѣнію русскихъ, наше отечество въ цар. Самозванца... Трудно сказать, что вышло бы впослѣдствіи изъ предпріимчиваго, либеральнаго царя, зараженнаго иноземщиной, но несомнѣнно, что онъ для русскаго общества былъ человѣкъ, призывавшій его къ *новой* жизни, къ *новому* пути“ (178—180). И въ окончательномъ своемъ выводѣ, авторъ согласенъ съ Соловьевымъ, что „Лжедимитрій явился слишкомъ рано еще, именно столѣтіемъ раньше“ [4]). „Онъ выступилъ съ новыми порядками тогда

---

[1]) Палицынъ, стр. 224; Извлеч. изъ арх. дѣлъ Кир. Бѣлозер. м. (Труды Моск. Арх. общ. ист., т. VIII, с. 152—153). Также говоритъ и Масса (214).

[2]) Палицынъ, 224—225.

[3]) Буссовъ, 51—52.

[4]) Исторія Россіи, IX, 425. Ср. замѣч. Массы (215).

Коснувшись характеристики Димитрія, Казанскій главнымъ образомъ опровергаетъ отзывы Маржерета, какъ лица пристрастнаго (№ 10, с. 486—498); но онъ игнорируетъ отзывы Буссова (по изд. Устрялова, 49—50), признающаго его самозванцемъ, и Массы, крайне неблагосклоннаго къ нему (стр. 107, 172, 176—177, 182—206, 208), который, вопреки указанію Казанскаго (№ 9, с. 15), постоянно говоритъ о немъ какъ очевидецъ (209, 227, 250, 259); ср. также Аделунга (II, 120). Чиржовскій замѣчаетъ о Д. Самозванцѣ: «Memoriae est singularis, et ingenio peracuto» (Пирлингъ, прилож., 207).

еще, когда старина считалась неприкосновенною святынею и борьба съ ней была или преждевременна, или непосильна. Лжедимитрій самъ сдѣлался жертвою этой борьбы, можетъ быть, легкомысленно и безъ такта веденной. Впрочемъ его гибель была устроена путемъ *заговора* и *будто бы* для спасенія вѣры,—такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ глава возстанія—Шуйскій" (180—181 [1]).

Таково мнѣніе автора. Но для насъ, съ точки зрѣнія исторической критики, не менѣе важно, каковъ долженъ быть выводъ относительно самыхъ источниковъ. А въ этомъ отношеніи заключеніе г. Левитскаго весьма близко сходится съ выводами г. Платонова. Такъ, разобравъ отношенія Д. Самозванца къ церкви и духовенству, онъ замѣчаетъ: „Если мы отбросимъ эту *предвзятую идею* лѣтописныхъ сказаній, то всѣ преслѣдованія Лжедимитрія, какія только ему приписываются, окажутся не имѣющими *никакого отношенія* къ вѣрѣ и церкви, и слѣдовательно не подлежащими нашему разсмотрѣнію" (176); „но это-то и указываетъ, что свидѣтельства русскихъ людей XVII вѣка о Лжедимитріѣ *не отличаются должнымъ безпристрастіемъ* и отзываются полною ненавистью къ царю" (160 [2]).

Обличительное настроеніе, усвоенное русскимъ лѣтописаніемъ въ разсматриваемую эпоху, выразилось между прочимъ въ томъ, что о самомъ времени Д. Самозванца въ современныхъ сказаніяхъ почти не находится необходимыхъ фактическихъ данныхъ, а ихъ приходится искать въ правительственныхъ актахъ и сказаніяхъ иностранцевъ. Проникнутыя обличительнымъ характеромъ, русскія извѣстія отличаются главнымъ образомъ отрицательными чертами и пренебреженіемъ къ фактамъ, безъ которыхъ исторія обращается въ риторическое упражненіе на извѣстную тему.

Постараемся сдѣлать еще нѣсколько обобщеній. Изслѣдованіе г. Левитскаго съ успѣхомъ освѣщаетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ смутнаго времени и тѣмъ самымъ вызываетъ иную постановку

---

1) Замѣчательно, что для успѣха, дѣла Шуйскому пришлось прибѣгнуть къ помощи новгородцевъ, псковитянъ и др. иногородныхъ людей (Масса, 193—194, 199). Народъ же, напротивъ, не зналъ о заговорѣ и думалъ, что поляки посягаютъ на жизнь царя (ib. 200; Буссовъ, 57, 59, 63); «но еслибъ заговоръ не удался, прибавляетъ Масса, то народъ перебилъ бы всѣхъ вельможъ и заговорщиковъ» (200). Ср. еще замѣчанія Казанскаго (Рус. Вѣст., № 10, с. 504).

2) Любопытно, что въ доношеніи 1755 г. противъ извѣстныхъ вольнодумцевъ Коржавиныхъ выставлялись ихъ свободныя рѣчи о Д. Самозванцѣ (Воронц. арх., III, 313).

другихъ, тѣсно связанныхъ съ нимъ. Тѣмъ не менѣе, въ его трудѣ мы находимъ одинъ пробѣлъ, который считаемъ необходимымъ пополнить здѣсь: это отношеніе къ Д. Самозванцу протестантскихъ писателей. Нельзя сказать, чтобы авторъ совсѣмъ обошелъ этотъ вопросъ, но онъ недостаточно остановился на его выясненіи. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Вопросъ о томъ, кѣмъ былъ выдвинутъ Самозванецъ, принадлежитъ къ числу историческихъ проблеммъ; историки до сихъ поръ не пришли къ соглашенію, кто именно виновенъ въ подстановкѣ Лжедимитрія. Многіе видѣли въ этомъ дѣлѣ работу ловкихъ и усердныхъ слугъ папы—іезуитовъ и обвиняли ихъ въ подготовкѣ и воспитаніи Самозванца для своихъ цѣлей—окатоличенія Московіи и подчиненія восточной церкви римскому престолу. Такого именно убѣжденія держались многіе *протестантскіе писатели*, современники Самозванца. Одни изъ нихъ утверждали, что Лжедимитрій—креатура іезуитовъ и слѣпое орудіе въ ихъ ловкихъ рукахъ. Не самъ онъ рѣшился принять на себя имя Димитрія, а іезуиты почти страхомъ принудили его выдать себя за сына Грознаго, заставили идти въ услуженіе къ Вишневецкому и продѣлывать тамъ извѣстную комедію—притворяться больнымъ, призывать духовника и секретно объявлять ему о своемъ царскомъ происхожденіи. Другіе говорили, что іезуиты были главными руководителями Самозванца, давали ему приличныя наставленія, словомъ учили его лицедѣйствовать и актерствовать. Такой взглядъ *протестантскихъ писателей* вовсе не былъ основанъ на какихъ нибудь несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ; онъ вытекалъ лишь изъ ихъ нерасположенности къ римской церкви и изъ предположенія (и почти убѣжденія), что только такіе коварные и несовѣстливые люди, какъ іезуиты, способны на такую фальшь, на такую подделку. Но этотъ взглядъ уже ясно опредѣлялъ тонъ и дѣятельность Лжедимитрія, какъ пропагандиста католичества въ Москвѣ [1]). Въ нашей исторической литературѣ мысль о томъ, что Лжедимитрій былъ подготовленъ и воспитанъ

[1]) Любопытно, что первыя обвиненія Самозванца въ этомъ направленіи идутъ отъ протестантовъ же—Бучинскихъ, конечно послѣ гибели послѣдняго. Такимъ образомъ, они прямо отстраняли отъ себя обвиненіе въ замыслахъ Самозванца. И на сеймѣ 1606 г. одинъ польскій дворянинъ, доказывая необходимость изгнанія изъ Польши іезуитовъ, выражался о Димитріѣ, какъ креатурѣ іезуитовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ на ихъ планы относительно Россіи (Дух. Вес. 1864, №№ 41—44, сс. 216 и 261).

іезуитами, высказалъ и обставилъ довольно вѣскими доказательствами м. Платонъ (гл. 67 и 68), а потомъ Бицынъ (Н. М. Павловъ [1]). (Левитскій, стр. 7—8).

Какъ извѣстно, м. Платонъ позаимствовалъ это мнѣніе изъ Лексикона Гофмана, изд. въ Лейденѣ въ 1698 г., а ему послѣдовали м.м. Евгеній и Макарій [2]) и нѣк. др. Иначе, какъ мы видимъ, смотрятъ на этотъ вопросъ свѣтскіе историки [3]) и книга г. Левитскаго вполнѣ подтверждаетъ мнѣнія этихъ послѣднихъ [4]). Въ ней недостаетъ лишь объясненія другой стороны вопроса, почему въ данномъ случаѣ существуетъ такое полное согласіе между русскими и протестантскими писателями о Самозванцѣ, а оно также имѣетъ свои историческія основанія.

Время Д. Самозванца было эпохою католической реакціи на Западѣ. Потерпѣвъ весьма много въ предѣлахъ своей власти со времени реформаціи, Римъ старался возстановить прежнее свое вліяніе другими средствами.

Религіозная борьба, тянувшаяся въ теченіе всего XVI стол. въ Западной Европѣ, коснулась и двухъ, сосѣднихъ съ Россіею, державъ Швеціи и Польши, и такимъ образомъ стала угрожать церковному единству Московскаго государства [5]). Въ замѣнъ потерянныхъ земель въ Германіи, папскій престолъ стремится осуществить свои завѣтныя цѣли въ предѣлахъ Восточной Европы. Папа Григорій XIII, въ тѣхъ же интересахъ, основываетъ рядъ духовныхъ коллегій,

---

[1]) Правда о Лжедимитріѣ (День, 1864, №№ 51 и 52; перепеч. въ Рус. Арх. 1886, II).

[2]) Ист. рус. церкви, т. X, с. 99—123. М. Евгеній допускалъ возможность, что Самозванцемъ былъ одинъ изъ посланныхъ при Борисѣ учиться за границу (Псков. письма къ В. Г. Анастасевичу (Рус. Арх. 1889, № 6, с. 234—235; № 7, с. 360); но м. Макарій къ личности Самозванца относится безразлично (с. 101).

[3]) Погодинъ, приводя мнѣніе м. Платона, допускаетъ его лишь условно (Отрывки, 310). Перечень мнѣній о Д. Самозванцѣ см. у Бестужева-Рюмина (Обзоръ, с. 96—98).

[4]) «Изъ писемъ Д. Самозванца, особенно изъ письма къ папѣ отъ 30 нояб. 1605 г. (Собр. гос. грам., II, № 107) и изъ послѣдняго письма у Пирлинга (171—172) никакъ нельзя заключить о католической ревности Д. Самозванца» (Бестужевъ-Рюминъ, Обзоръ, с. 108). Указатель докум., кас. этихъ сношеній и вновь напечатанныхъ см. у Пирлинга (с. xxv—xxvi).

[5]) Въ Западной Россіи по этому поводу, въ 1599 г., состоялось соглашеніе между православными и протестантами, въ интересахъ противодѣйствія католицизму (И. Чистовичъ, Очеркъ ист. западно-рус. церкви, II, 15—17). Заслуживаетъ вниманія, что на Западѣ защитники протестантизма со вниманіемъ слѣдили за религіознымъ движеніемъ въ Восточной Европѣ. Такъ Ол. Кромвель писалъ Б. Хмельницкому, именуя его: «Божіею милостію генералиссимусъ греко-восточной церкви, вождь всѣхъ казаковъ запорожскихъ, гроза и искоренитель польскаго дворянства, покоритель крѣпостей, *истребитель римскаго священства*, гонитель язычниковъ, *антихриста* и іудеевъ» (изъ сборн., принадл. Инст. Оссолинск. во Львовѣ, Кіев. Стар. 1882, I, 212). Такое обращеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ личному настроенію Кромвеля (Гизо, Ист. англ. револ., II, с. 99—100),

въ которыхъ воспитывались бы молодые люди, предназначавшіеся для распространенія католицизма. Такъ, въ 1573 г. была преобразована германская коллегія; въ 1577 г. основывается коллегія для магометанъ, евреевъ и т. п.; въ 1579 г. возникаютъ коллегіи—англійская и венгерская въ Римѣ, гельветическая въ Миланѣ и еще ранѣе греческая (булла 1577 г.). Послѣдняя получила весьма обширныя привилегіи и должна была приготовлять опытныхъ учениковъ для католической пропаганды „какъ въ Греціи, такъ и въ странахъ всего Востока“ [1]. Вскорѣ за тѣмъ папскому нунцію въ Польшѣ поручено было отыскать 5 или 6 мальчиковъ въ Западной Россіи и столько же въ Московскомъ государствѣ отъ 12—18 лѣтъ, притомъ предпочтительно изъ *благороднаго* сословія и прислать ихъ въ Римъ; но на первыхъ порахъ пришлось ограничиться лишь двумя мальчиками изъ Западной Россіи, знавшими полатыни, и однимъ мальчикомъ изъ Московской Руси, 13 лѣтъ, *благороднаго* происхожденія, хотя и признаннаго даровитымъ, но не умѣвшимъ ни читать, ни писать. Онъ былъ захваченъ въ плѣнъ во время ливонской войны [2]. Съ другой стороны, въ цар. Ивана Грознаго и Ѳеодора велись оживленныя сношенія о политическомъ соединеніи Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, которыя должны были еще болѣе поддерживать эти виды папскаго престола.

Понятно, что появленіе Д. Самозванца въ Польшѣ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало пламеннымъ желаніямъ и надеждамъ Рима. И религіозный вопросъ играетъ весьма важную роль, какъ въ судьбѣ

---

[1]) Въ другихъ странахъ основывались для протестантовъ и православныхъ семинаріи: въ Браунсбергѣ—преимущественно для шведовъ, въ Вильнѣ—для лифляндцевъ и русскихъ, во Франціи и Испаніи—для англичанъ и т. п. (Ранке, Римскіе папы, I, 481—483). Кромѣ того, появляются коллегіи, съ цѣлью пропаганды, въ Пултускѣ, Ярославлѣ на р. Санѣ, Люблинѣ (Къ исторіи іезуитовъ, Н. Любовича, сс. 7, 9, 11, 16).

[2]) Папскій нунцій Коммендоне въ Польшѣ (изъ эпохи начала катол. реакціи), Н. Н. Любовича (Ж. М. Н. Пр., чч. CCXLIX, 68—98; 203—239); Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в., его же (Варш. Ун. Изв. 1888 г. и отд.); Отношенія Россіи къ Польшѣ въ 1574—1578 гг., по донесеніямъ папскаго нунція В. Лаурео, на основаніи матеріаловъ Ватиканскаго архива, Ѳ. Вержбовскаго (Ж. Мин. Нар. Пр. 1882, № 8, 236—242). Ср. переписку папъ съ рус. госуд. въ XVI в., по рук. Барбер. библ., Спб. 1834; Historica Russiae monum., тт. I и II.

Впрочемъ, еще въ 1562 г. I. Джиральду, отпр. въ Москву, поручалось хлопотать о наборѣ въ Россіи молодыхъ людей и о посылкѣ ихъ въ Римъ для обученія (Hist. Rus. mon., I, 199—202). Уже тогда признавалась вся важность введенія русскаго языка въ католическое богослуженіе и школу, но только на оборотъ, въ интересахъ обращенія русскихъ, жившихъ въ Литвѣ—такова была мысль вил. еп. Радзивила (Un nonce du pape en Moscovie etc.).

Димитрія, такъ и въ событіяхъ смутной эпохи вообще. Виды на послѣдняго не оправдались, но дѣйствія римской куріи и вѣрнаго исполнителя ея желаній—Сигизмунда III вполнѣ подтверждаютъ ихъ. При этомъ не была забыта ими и ревностная въ своихъ католическихъ стремленіяхъ—Испанія [1]). Послѣ смутнаго времени вызовъ иностранцевъ въ Россію подвергся значительнымъ ограниченіямъ, направленнымъ главнымъ образомъ противъ католиковъ [2]).

Вѣрными исполнителями означенныхъ плановъ являются іезуиты. Такъ, на знаменитаго Поссевина возложена была миссія въ Польшѣ, Московіи, Швеціи, Молдавіи и Валахіи; а Сигизмундъ мечталъ уже не только о распространіи католицизма въ Россіи, но и о возстановленіи его въ Швеціи [3]). Понятны поэтому всѣ антипатіи къ нему въ этой послѣдней. Но католическая ревность его встрѣтила одинаковый отпоръ и тамъ, и здѣсь. „И здѣсь существеннымъ элементомъ была религія, замѣчаетъ Ранке. Въ Россіи такъ же, какъ и въ Швеціи, возникла сила, которая, по своему источнику была противоположна тенденціямъ католицизма“ [4]). По вступленіи своемъ на престолъ, Д. Самозванецъ угрожалъ Швеціи войною, но, послѣ размолвки съ Сигизмундомъ, онъ отказался отъ этой мысли (Масса, 206). Понятно, что шведы должны были особенно враждебно относиться къ этимъ попыткамъ и они нашли

---

1) См. Рус. Вивліоѳ., изд. Н. Полевымъ, I, М. 1833, с. 325; инстр. Сигизмунда III Сам. Грушецкому 1612 г. (Чт. М. Общ. ист., годъ III, кн. IV, с. 4—6); письмо Сигизмунда III къ Хр. Зеновичу (Рус. Стар. 1878, т. XXII, 135—137). Планы эти подкрѣпляются обширнымъ наказомъ, даннымъ второму Самозванцу (Соловьевъ, VIII, 211 — 218), и выводами новѣйшихъ католическихъ писателей (P. Pierlirg, Rome et Démétrius).

2) Въ новыхъ приглашеніяхъ москов. правительства прибавляется «кромѣ французовъ и другихъ папистовъ» (Арцыбашевъ, Повѣств. о Россіи, VI, пр. 321).

3) См. Hist. Rus. mon., т. III (бумаги Поссевина); Antonii Possevini Missio moscovitica, ed. P. Pierling, P. 1882; Le Saint Siège, la Pologne et Moscou, его же, P. 1885. Ср. также переписку Поссевина 1581—83 (по Ватик. арх.) и докумен. о духовномъ и политич. состояніи Швеціи и о средствахъ ввести въ ней католицизмъ, 1587; о средствахъ къ утвержд. католицизма и искор. еретиковъ, 1595 (по Ватик. арх.) въ сборникѣ Г. В. Форстена: «Акты и письма къ ист. Балт. вопроса въ XVI и XVII стол.» Спб., 1889, стр. 186—191; 194—210.

4) Римскіе папы, II, 168—169. Пребываніе Поссевина въ Москвѣ между прочимъ было омрачено подачею сочин. англійск. купцами противъ папы, которое, по распоряженію Ивана Грознаго, было переведено на рус. языкъ (quo haereticus quidam ostendere conabatur Pontif. Max. esse Antichristum) и противъ котораго написалъ тогда же свой трактатъ Поссевинъ (Аделунгъ, II, 220). Обширный планъ завоеванія Московіи, въ связи съ католическою миссіею, которая должна была обнять даже Азію, принадлежалъ Ст. Баторію. См. соч. о. Пирлинга: Le saint Siége, la Pologne et Moscou, 1582—87, P. 1885 и разборъ его, сост. Ѳ. И. Успенскимъ (Ж. М. Н. Пр., ч. CCXL, 311—325)

основаніе своимъ мнѣніямъ о Димитріѣ въ отзывахъ русскихъ временъ Василія Шуйскаго. Такъ дѣлаетъ П. Петрей, состоявшій посломъ отъ Карла IX при Василіѣ и находившійся въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ нему [1]). Вслѣдъ за нимъ, шведъ Петръ Патерсонъ, также бывшій въ Москвѣ, написалъ исторію Димитрія (1608), въ которой разсказываетъ уже съ большими подробностями о подготовкѣ Гр. Отрепьева для извѣстныхъ цѣлей іезуитами. „Такимъ-то образомъ, заключаетъ онъ, Гришка явился орудіемъ папы, который, чрезъ посредство его, хотѣлъ искоренить греческую вѣру и вмѣсто нея ввести папское суевѣріе. И это навѣрное случилось бы, если бы нынѣшній вел. князь, Василій Ивановичъ, не предупредилъ того" и т. д. сообщается о насильствнномъ обращеніи русскихъ въ католицизмъ и др. репрессаліяхъ въ томъ же смыслѣ [2]). Нѣмецъ Матвѣй Шаумъ (Tragoedia Demetrio-Moscovitica, 1614), служившій въ Швеціи и посвятившій свой трудъ Г. Адольфу, въ Д. Самозванцѣ видитъ лишь орудіе іезуитовъ, а авторъ Newe Zeitung aus der Moscaw, со словъ воеводы Ивангорода (1606), доносилъ, что Димитрій былъ человѣкъ, „завлеченный интригами папы и іезуитовъ и *наученный* овладѣть Московскимъ государствомъ и совсѣмъ истребить греческую вѣру" [3]). Замѣчательно, что уже въ 1613 г. русскіе послы, бывшіе въ Копенгагенѣ, выставляли на видъ датскому канцлеру, что Лжедимитрій дѣйствовалъ, какъ орудіе папы, съ цѣлью насадить въ Россіи католичество [4]).

Несомнѣнно однако, что шведская политика въ отношеніи къ Россіи въ смутное время преслѣдовала своекорыстные интересы и была направлена исключительно къ территоріальному расширенію Швеціи на Востокѣ [5]). Въ 1604 г. Карлъ IX уполномочивалъ губернаторовъ Финляндіи заявить представителямъ Россіи, что онъ готовъ доста-

---

[1]) Аделунгъ, II, 143—144. Шведское изд. 1615 г., нѣмец. 1620; рус. переводъ въ Чт. М. О. ист. 1865—66 гг.

[2]) Аделунгъ, II, 126—130. Во время сверженія Д. Самозванца Шуйскій, говоритъ Патерсонъ, имѣлъ въ одной рукѣ крестъ, а въ другой длинный ножъ (130; ср. Буссовъ, 56 и 63).

[3]) Три записки о Лжедимитріѣ. (46). «Намѣреніе его было утопить два славныя царства, именно Московское и Шведское, и въ этой крови обмыть себѣ руки» (48).

[4]) Архивныя занятія въ Парижѣ, Брюсселѣ, Копенгагенѣ и Стокгольмѣ, по ист. Скандин. и Москов. государствъ въ XVI и XVII стол., Г. В. Форстена (Журн. Мин. Нар. Пр. 1887, № 6, с. 62).

[5]) Политика Швеціи въ смутное время, Г. В. Форстена (Жур. Мин. Нар. Пр. 1889, № 2, стр. 349).

вить большое войско *той изъ партій*, которая имѣетъ наибольшія права къ занятію моск. престола; а въ своемъ первомъ воззваніи къ новгородцамъ въ 1605 г. онъ изобличаетъ коварную политику римскаго *папы*, учиняющаго въ Россіи великую смуту и кровопролитіе съ цѣлью искоренить въ ней греческую вѣру. Карлъ говоритъ, что онъ не допуститъ осуществленія этихъ плановъ папы и готовъ оказать русскимъ дѣятельную помощь. Не питая довѣрія къ Д. Самозванцу, онъ титулуетъ его, однако, „царемъ". Болѣе всего онъ опасался союза Димитрія съ Польшею, а по смерти послѣдняго прямо предлагалъ русскимъ помощь противъ папистовъ и поляковъ [1]). Онъ указывалъ неоднократно, что въ интересахъ Польши ратуютъ противъ Россіи Императоръ, Римъ и Испанія и что эти державы готовятъ многочисленный флотъ и намѣрены отправить его къ св. Николаю, чтобы оттуда вторгнуться въ предѣлы Московскаго государства, причемъ польскій король въ союзѣ съ папой и Испаніей, стремится искоренить въ Россіи православіе и захватить духовенство, князей и бояръ. Въ виду этого, онъ предлагалъ съ своей стороны необходимую помощь и союзъ, надѣясь, конечно, добиться за это, въ пользу Швеціи, уступки прибалтійскихъ и приладожскихъ городовъ. Въ письмахъ къ Скопину-Шуйскому Карлъ IX трогательно заявляетъ, что для него дѣло русской націи—его собственное дѣло; но, въ сношеніяхъ съ своими ближайшими совѣтниками, онъ не скрываетъ настоящихъ видовъ на присоединеніе новыхъ областей, а въ обращеніи къ сословіямъ и чинамъ Россіи опять продолжаетъ выставлять дѣло Самозванца какъ интригу папы и Испаніи [2]).

Положеніе, занятое Швеціей относительно Россіи послѣ печальнаго исхода предпріятія Скопина-Шуйскаго хорошо извѣстно. Вскорѣ недавній союзникъ торжественно отпраздновалъ занятіе Новгорода Я. Делагарди; а Карлъ IX готовъ былъ даже вступить въ соглашеніе съ Лжедимитріемъ II и даровать ему въ ленное владѣніе какую нибудь область въ Швеціи, гдѣ онъ съ честью могъ бы окончить дни свои, если онъ отдастся подъ покровительство Швеціи [3]). Густавъ-

---

[1]) Письмо Карла къ Арвиду Тэннессону гласитъ: «Если вѣрны новости, пришедшія изъ Выборга, то Димитрій убитъ русскими за то, что хотѣлъ ввести въ Россію папистскую религію; сдѣлавшись царемъ, онъ будто бы велѣлъ убить нѣсколько православныхъ монаховъ».

[2]) Политика Швеціи въ смутное время (по арх. докум., Журн. Мин. Нар. Пр., 1889, № 2, с. 325—349, ст. 1-я).

[3]) Ibid. 348—349.

Адольфъ слѣдовалъ тѣмъ же принципамъ своего отца; а когда его военное предпріятіе закончилось Столбовскимъ договоромъ, то онъ со всею откровенностью высказалъ радость, по поводу сдѣланныхъ Россіей уступокъ, въ слѣдующей рѣчи, сказанной имъ на сеймѣ въ 1617 году:

„Русскіе опасные сосѣди; границы ихъ земли простираются до Сѣвернаго, Каспійскаго и Чернаго морей, у нихъ могущественное дворянство, многочисленное крестьянство, многолюдные города; они могутъ выставить въ поле большое войско; а теперь этотъ врагъ безъ нашего позволенія не можетъ ни одного судна спустить на Балтійское море. Большія озера—Ладожское и Пейпусъ, Нарвская область, тридцать миль обширныхъ болотъ и сильныя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ него; у Россіи отнято море и, Богъ дастъ, теперь русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ“ [1]).

Между тѣмъ опасенія Густава-Адольфа на счетъ притязаній Сигизмунда III и защита протестантскихъ интересовъ въ Германіи привели къ сближенію Россіи съ Швеціей. Теперь Густавъ-Адольфъ увѣдомляетъ уже Михаила Ѳедоровича о своихъ успѣхахъ въ Пруссіи и предлагаетъ царю открыть одновременно военныя дѣйствія въ Польшѣ. Онъ указываетъ на опасность „папежскаго заговора“ и союза католическихъ державъ; онъ извѣщаетъ о своихъ военныхъ успѣхахъ; о готовящейся со стороны католическихъ державъ морской экспедиціи въ Варяжское море съ цѣлью помѣшать торговлѣ и подчинить папству Швецію, Пруссію и Данію. „Его корол. велич. напоминаетъ, писалъ онъ, чтобъ ваше цар. велич. заранѣе подумали, какая великая опасность вамъ и государствамъ вашимъ грозитъ, если только цесарь съ папежскими заговорщиками одолѣютъ Шведскую землю. Тогда они станутъ искать погибели русскихъ людей и искорененія старой греческой вѣры, о чемъ надобно заранѣе подумать“.

Не менѣе замѣчателенъ и отвѣтъ бояръ на это предложеніе.

---

[1]) Гейсеръ, Исторія реформаціи, 464—465; Соловьевъ, IX, 125; Н. П. Лыжинъ, Столбовскій договоръ, Спб. 1857, сс. 15 и 97.

Поляки давно (1562) предупреждали другія державы, чтобы не допускать москвитянъ *къ морю*, которые, въ противномъ случаѣ, сдѣлаются еще *вреднѣе* и *опаснѣе* (Fiedler, loc. cit.). Появляются цѣлыя записки, въ родѣ «Разсужденія объ опасности для христіанства и въ особенности для Римской имперіи и близлежащихъ королевствъ и земель отъ усиленія Московита въ Лифляндіи и на Балт. морѣ», 1560 г. (Берлин. тайн. арх., сборникъ Форстена, 14—28 и мн. др. записки и мнѣнія, тамъ же, 48, 128 и т. п.).

„Великій государь, говорили они, крѣпко мыслитъ и хочетъ польскому королю противъ его неправдъ месть воздать; государю вашему и другимъ государствамъ *евангелической вѣры* помогать всякими мѣрами“. Они заявляли о готовности царя не ожидать окончанія перемирія и помочь Швеціи запасами и дарованіемъ права безпошлинной торговли шведскимъ купцамъ. Дѣйствительно, въ 1630 г. московское правительство разрѣшило шведамъ купить безпошлинно 75.000 четв. ржи и 4000 четв. проса, 200 бочекъ смолы и селитры, а въ 1631 г. еще 50.000 четв. хлѣба. Теперь при московскомъ дворѣ является первый шведскій агентъ Яганъ Мёллеръ, а послѣ него—Петръ Крузебіорнъ, для ускоренія сношеній между обоими государствами [1]). Съ своей стороны, король соглашается дать московскому правительству два шведскихъ полка; шведы называютъ уже себя *передовымъ полкомъ*, бьющимся въ Германіи *за русское царство*. Они успѣли даже убѣдить моск. правительство пропустить шведскихъ гонцовъ въ Запорожье, чтобы поднять казаковъ противъ Польши. И здѣсь главнымъ мотивомъ войны выставлялась защита вѣры и вольностей отъ посягательствъ католическихъ державъ и польскаго короля, а также борьба съ іезуитами. При Густавѣ-Адольфѣ и преемницѣ его Христинѣ производится уже въ Швеціи наемъ солдатъ и пушечныхъ мастеровъ для московскаго правительства, покупка мушкетовъ и посылаются подарки въ Москву, состоящіе изъ военныхъ снарядовъ и т. п. принадлежностей; а московское правительство, въ свою очередь, разрѣшаетъ покупку хлѣба по своей цѣнѣ, снабжаетъ шведовъ селитрою и деньгами [2]). Наконецъ, 14 ноября 1631 г. Мёллеръ отправилъ любопытное донесеніе—*о праздновaніи въ Москвѣ побѣды шведовъ при Лейпцигѣ* [3]). Точно также гол. послы Альбертъ Бургъ и Іог. Фельтдриль (1630), отстаивая торговые интересы Штатовъ, сообщали москов. правительству, что послѣдніе ведутъ войну противъ Испаніи, императора и папы, какъ враговъ вмѣстѣ съ тѣмъ православной вѣры. Поэтому имъ также разрѣшена была покупка значительнаго количества хлѣба и лѣса около Ар-

---

[1]) Въ Стокгольмѣ состоялъ русскимъ агентомъ Дмитрій Фаренсбахъ—крещеный иноземецъ.

[2]) Соловьевъ, IX, 177—182, 218, 265—268. При этомъ заключеніе договора съ Даніей ставилось даже въ зависимость отъ союза ея съ Швеціей (200).

[3]) Журн. Мин. Нар. Пр., 1887, № 6, стр. 72.

хангельска и по Двинѣ [1]). Предвидя угрожающую опасность, и Сигизмундъ III хлопоталъ объ укрѣпленіи союза Польши съ Австро-Испаніей, какъ для борьбы съ Швеціей, такъ и съ цѣлью лишенія торговли голландцевъ съ сѣверными государствами, а въ особенности съ Московіей, для чего Испанія должна была укрѣпиться на берегахъ Балтійскаго моря [2]).

Въ 1632 г. дѣйствительно открылась война противъ Польши а посольство имп. Фердинанда II, прибывшее на московскую границу, не было даже пропущено, какъ состоявшее изъ поляковъ [3]).

Въ смутное время долго проживалъ въ Москвѣ и въ предѣлахъ Россіи голландецъ Ис. Масса (1601—1610), о которомъ намъ приходилось неоднократно упоминать, извѣстный своими замѣчательными письмами изъ Архангельска къ Ген. Штатамъ (1614, 1616—1618, Вѣстн. Евр. 1868, № 1, стр. 233—245; № 8, стр. 797—814), въ которыхъ онъ такъ настойчиво поддерживаетъ интересы гол. торговли съ Москвою, и записками о смутномъ времени (изд. кн. Оболенскимъ и Вандъ-деръ-Линдомъ, а потомъ Арх. ком.), отличающимся обильнымъ матеріаломъ данныхъ о событіяхъ и дѣятеляхъ послѣдняго. Для насъ важенъ его трудъ и въ другомъ отношеніи—по взгля-

---

1) Соловьевъ, IX, 196—198. Любопытно «секретное предложеніе маркиза де-Бальбассъ о средствахъ къ уничтоженію торговли голландцевъ на Сѣверѣ и въ частности съ Москвою» (Сборн. Форстена, с. 302—307, изъ Брюс. архива).

2) Архив. занятія Г. В. Форстена (Брюссельскій архивъ), Ж. М. Н. Пр. 1887, № 6, с. 59—60). Въ числѣ рукоп. Париж. націон. библ. есть записка 1638—донес. S. du Maurier'a изъ Данцига—о намѣреніяхъ Испаніи завладѣть Зундомъ и всею сѣверною торговлею Европы. По этому плану необходимо было усилить королевскую власть въ Польшѣ и такимъ образомъ можно было надѣяться на успѣшную борьбу съ Швеціей и Московіей (ib. 54; сборн. Форстена, 327—331). На основаніи донесеній папскихъ нунціевъ изъ Польши въ Ватик. арх. и матеріаловъ другихъ архивовъ, указан. выше, г. Форстенъ готовитъ изслѣдованія: «Балтійскій вопросъ въ связи съ европ. дипломатіей въ XVI и XVII в. (1544—1648)» и «О сношеніяхъ Швеціи съ Россіей въ цар. Густава II Адольфа и Христины, съ прилож. матеріаловъ», которыя, будучи подкрѣплены русскими источниками, безъ сомнѣнія, составятъ цѣнный вкладъ въ нашу историч. литературу и пополнятъ существенный пробѣлъ въ моногр. Г. Дройзена «Густавъ Адольфъ».

Переходъ кор. Христины въ католицизмъ Римъ торжествовалъ какъ свою побѣду, хотя она не принесла ему никакихъ результатовъ (см. Christine de Suède, par Arvède, Barine, Revue des deux Mondes, за 15 окт. 1888).

3) Соловьевъ, 206, 218. Въ Константинополѣ велъ дѣятельную интригу противъ Россіи, въ интересахъ Польши, французскій посланникъ де-Сези. Онъ добился даже временнаго удаленія патр. Кирилла, какъ врага католицизма и друга протестантовъ и кальвинистовъ (ib. 212, 277—278). О патр. Кириллѣ Лукарисѣ см. A. Pichler: Gesch. des Protestantismus in der orientalischen Kirche im XVII Jahrh., oder der Patriarch Cyrillus Lukaris und seine Zeit. Münch. 1862.

дамъ автора на современныя событія и происхожденіе смуты. Онъ говоритъ: „Противъ Бориса начали дѣйствовать іезуиты, потому что онъ былъ удобнымъ для нихъ орудіемъ (57—58)“.... Понятно, что Д. Самозванецъ доставляетъ автору обильный матеріалъ для разсужденій на эту тему (208, 212); а передавая слухи о спасеніи самозванца, онъ продолжаетъ: „Можетъ быть необходимо допустить здѣсь дѣйствіе самого *діавола*, которому Всемогущій Богъ далъ власть карать землю за многіе страшные и тяжкіе грѣхи, постоянно совершаемые людьми, которымъ усердно содѣйствуютъ іезуиты, помощники діавола“ (229). Не становясь прямо на сторону Москвы, какъ земли грѣховной, и объясняя даже продолженіе смуты какъ наказаніе, ниспосланное за оскорбленія, наносимыя обѣими враждующими сторонами *церкви Божіей*, Масса въ тоже время радуется всякому успѣху русскихъ, какъ враговъ католицизма (259—260), борьба съ которымъ въ его глазахъ пріобрѣтаетъ такимъ образомъ болѣе широкій интересъ, въ виду борьбы между католическими и протестантскими государствами Западной Европы [1]). „Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что если бы Лжедимитрій, по совѣту іезуитовъ, привелъ въ исполненіе свои планы, то онъ сдѣлалъ бы много зла и причинилъ бы, съ помощію римской куріи, виновницей всѣхъ его дѣяній, великія несчастія всему свѣту. Но Богъ, руководящій всѣмъ, разрушилъ эти планы и за это всѣ истинно вѣрующіе должны быть благодарны Ему“ (208 [2]). Съ этой точки зрѣнія царь В. Шуйскій является уже въ глазахъ автора орудіемъ Провидѣнія. „Удивительно, прибавляетъ Масса въ другомъ мѣстѣ, какъ Всемогущій Богъ оберегалъ Шуйскаго, бывшаго главою и двигателемъ всѣхъ заговорщиковъ“ (175; ср. с. 207). И онъ заканчиваетъ свои размышленія по этому поводу слѣдующимъ стихотвореніемъ:

---

[1]) Шаумъ надѣялся на обращеніе русскихъ въ протестантизмъ; а Густавъ-Адольфъ выставлялъ въ Германіи этотъ мотивъ цѣлью своего похода на Россію.

[2]) Протестанты обыкновенно отождествляли папу съ антихристомъ (Ист. реформ. въ Польшѣ, стр. 224). Нѣсколько позже и Кромвель старался войти въ сношенія со всѣми протестантскими державами Европы; онъ хотѣлъ соединить всѣ протестантскія исповѣданія въ одно и созвать соборъ, на которомъ добиться объявленія, что папа есть антихристъ, а католическая церковь, признающая его своимъ главою—Вавилонъ, предсказанный въ Апокалипсисѣ; что это-то и есть лжепророкъ и та жена блудница, которая упоила земныхъ царей чашею своихъ сквернъ и блудодѣйствъ и т. д. (Гизо, II, 364—366 и д.).

„Но Господь, прозрѣвающій
Преступныя дѣянія людей,
Не допуститъ, чтобы, помимо Его всемогущей воли,
Эта земля сдѣлалась ничтожною".

Таковы были ближайшія слѣдствія съ одной стороны религіозной борьбы на Западѣ, а съ другой событій смутной эпохи въ Московскомъ государствѣ, всецѣло отразившіяся на мнѣніяхъ и взглядахъ современныхъ писателей, которые необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ историческихъ извѣстій и фактовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Стр. 10, примѣч. Нѣмецкій перев. соч. барона Корфа о принцѣ Іоаннѣ Датскомъ напеч. въ St.-Petersburgischen Monatsschrift, her. v. Aug. von Oldekop (1822, № 34, S. 121—139). Бюшингъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ извѣстіе Ломоносова въ его „Кратк. Рос. лѣтописцѣ“ (с. 37) объ отравленіи принца Борисомъ.

Стр. 10, примѣч. Замѣчанія К. Н. Бестужева-Рюмина по поводу ссылки Романовыхъ („Обзоръ“, Журн. Мин. Нар. Просв. 1887, № 7, с. 93, прим.). Преданія и легенды о пребываніи Мих. Ник. Романова въ с. Ныробѣ, близъ Чердыни (Отъ Чердыни до Ныроба, Н. Вагнера, Перм. Сборн., II, отд. IV, с. 1—9, съ рис. часовни, темницы и цѣпей; Старая Пермь. Путевые очерки Д. Сибиряка, „Вѣстн. Евр.“, 1889, № 7, стр. 89, 102—104).

Стр. 12, примѣч. Также незначительна и ст. Ѳ. Кисселя: „Доказательства, что царевичъ Димитрій дѣйствительно убитъ въ Угличѣ *по наущенію* Годунова“ (Ж. М. Н. Просв. 1842, ч. XXV, сс. 168—190; тоже въ его книгѣ: „Исторія г. Углича“, Яр. 1844, сс. 222—288).

Стр. 15. Проф. Моск. унив. Н. А. Бекетову принадлежитъ соч. „Историческое разсмотрѣніе царствованія Бориса Годунова“, 1810 г., оставшееся въ рукописи (Біогр. Слов. проф. Московскаго унив., I, 89—90). Что же касается соч. Н. Полозова: „Очеркъ историч. изслѣдованія о царѣ Борисѣ Годуновѣ“, (М. 1858, 99 стр., 16⁰), написаннаго въ защиту послѣдняго, то оно не имѣетъ научнаго значенія. Авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія оффиціальнаго акта, но въ сущности буквально повторяетъ выводы Устрялова.

Стр. 19. По свидѣтельству надгробной надписи въ Арханг. соборѣ, царь Вас. Шуйскій ум. 60 лѣтъ (Соловьевъ, VIII. пр. 81); но изъ выписки, сдѣланной изъ гродскихъ гостынскихъ книгъ (царь Василій ум. въ Гостынскомъ замкѣ близъ Варшавы), видно, что онъ скончался на 70 году (см. „Архивы Галиціи", И. А. Линниченка, „Кіев. Старина" 1888, № 10, стр. 212—214). Въ томъ же актѣ сообщается поправка о смерти его брата Димитрія и жены послѣдняго (изъ рук. библ. Оссолинскихъ во Львовѣ, № 1951).

Въ 1821 г. гр. Н. П. Румянцовъ, пріобрѣлъ одну рукопись о Д. Самозванцѣ, по поводу которой писалъ м. Евгенію: „Она тѣмъ любопытна что *многое иначе упоминаетъ*, нежели уже принято нами *за истину*... Вы найдете въ отмѣткахъ рукою г. Калайдовича, что сочинитель заслуживаетъ довѣріе, потому что внесенные имъ акты большую точность имѣютъ съ тѣми, которые хранятся въ Госуд. архивѣ кол. ин. дѣлъ, а я могу добавить мѣстное доказательство, что сочинитель истинно свѣдущъ былъ" и т. д. (Переписка митр. кіевск. Евгенія съ госуд. канцл. гр. Н. П. Румянцевымъ, В. 1868, II, стр. 48).

Стр. 27. Ис. Масса сообщаетъ другой мотивъ высылки М. Татищева въ Новгородъ: требованіе народа казнить всѣхъ вельможъ, возвысившихся при Димитріѣ (стр. 232), которое съ трудомъ было смягчено боярами удаленіемъ его изъ Москвы.

Стр 28. Екатерина II замѣтила: „У него (Мих. Ѳед.) былъ отецъ, который былъ бы царемъ, если бы не былъ монахомъ, и, кромѣ того, плѣнникомъ въ Польшѣ; этотъ отецъ могъ служить ему совѣтникомъ: онъ былъ на это весьма способенъ" (XVIII вѣкъ, изд. П. И. Бартеневымъ, IV, 291; ср. Ломоносовъ, с. 36).

Стр. 58, примѣч. Ср. письмо Сумарокова къ Миллеру о портретѣ Димитрія, „котораго мы обычно Самозванцемъ называемъ" (Москвит. 1842, № 3, 120—121).

Стр. 62, примѣч. Подробнѣе въ статьѣ Н. Левитскаго: „Игнатій п. Московскій", ист. біогр. очеркъ (Хр. Чтеніе, 1886, №№ 11—12; 1887; №№ 1—2).

Стр. 65. Соглашеніе относительно соблюденія Мариною Мнишекъ русскихъ обрядовъ и обычаевъ несомнѣнно относится ко времени посольства Яна Бучинскаго къ воеводѣ Ю. Сендомирскому (Собр. госуд. грам. и догов., II, 228—231).

Стр. 71, примѣч. По поводу милости, оказанной Д. Самозванцемъ Шуйскимъ, Я. Бучинскій писалъ ему въ интимномъ письмѣ слѣдующее: „Да и то язъ королю сказалъ: коли язъ билъ челомъ вашей царской милости о Шуйскихъ, чтобъ ихъ не выпущалъ и не высвобожалъ по тому, какъ ихъ выпустить, и отъ нихъ будетъ страхъ; такъ же и Годуновыхъ, и вы мнѣ то отказали, что напередъ всего Богу ты обѣщалъ того ся беречи, чтобъ ни одной крестьянской крови не пролилося, *и дѣлаешь такъ по своему обѣту,* и не умѣлъ язъ того у васъ умолити; и сказалъ мнѣ ваша царская милость, что у тебя два образцы были, которымибъ царства удержати: единъ образецъ быть мучителемъ, а другой образецъ не жалѣть харчу великого, всѣхъ жаловать; *да и такъ уже ваша царская милость роздалъ, какъ сѣлъ на царство, полосма милеона,* а милеонъ одинъ по-русски тысяча тысячей *рублевъ; и всѣхъ лутче тотъ образецъ, что жаловать, а нежели мучительствомъ быти;* у кого при отцѣ вашемъ, блаженные памяти, взято и не отдано денегъ, *то все отдати и платити велѣлъ* всякимъ людемъ, а опять служивымъ, которой имѣлъ десять рублевъ жалованья, и тому велѣлъ дати двадцать рублевъ; а кто тысячю, тому двѣ дано. И такъ мнѣ вы отказалъ о Шуйскихъ и говорилъ, что на Бога крѣпко уповаешь, какъ онъ тебя сначала на руки свои взялъ съ молодости, такъ и до конца въ своемъ береженье Божескомъ станетъ тебя беречи“ (Собр. госуд. грам. и догов., II, стр. 261—262).

Стр. 72. Въ показаніяхъ Бучинскихъ сказано, что Д. Самозванецъ назначилъ для избіенія—бояръ Ѳед. Мстиславскаго, кн. Шуйскихъ и другихъ бояръ 20 человѣкъ (Собр. госуд. грам., II, 296); а въ окружной грамотѣ царя Василія Шуйскаго заявляется уже, что онъ хотѣлъ убить „*всѣхъ* бояръ и думныхъ людей и большихъ дворянъ“ (ibid. 303).

Стр. 73, примѣч. Долги Д. Самозванца составились изъ суммъ, полученныхъ имъ отъ короля (черезъ Ю. Мнишка), отъ самого Мнишка, „такожъ и прочіе *господа* ему деньги давали и тѣми деньгами онъ долги оплачивалъ“ (Собр. госуд. грам., II, 295). О посланныхъ изъ Москвы 200000 злотыхъ (ib. 227); о полученныхъ Мнишкомъ черезъ Я. Бучинскаго 6000 зол. дублоновъ и 5306 краков. червон. злотыхъ; черезъ кн. Мосальскаго—13291 тал. и 5200 руб. (ib. 257, 284—286). Въ росписи же, писанной рукою Я. Бучинскаго, общая

сумма, назначенная для отсылки къ Ю. Мнишку, показана до 500,000 р., въ томъ числѣ королю—80,000, на уплату долговъ воеводы 100,000, на свадьбу короля 50,000, на приданое невѣстѣ 100,000, на *общество* 55,000 и т. п. (ibid. 236, 242[1]); Рус. Вивл., изд. Н. Полевымъ, стр. 320). При этомъ необходимо замѣтить, что Я. Бучинскій писалъ изъ Кракова Димитрію, 20 янв. 1606 г., о замѣченномъ имъ обманѣ: „въ мѣшкахъ много недоставало и вмѣсто денегъ вздоромъ наполнено" (ibid 321—322). Кромѣ того, невѣстѣ были отправлены весьма дорогіе подарки отъ Димитрія и царицы Маріи Ѳедоровны (Дневникъ Марины, по изд. Устрялова, 134—135). Въ Вѣнской импер. библ. находится рукопись подъ заглавіемъ: „Vertzaichnus der Gaben so der Jungen Fürstin von Senomiers seint verehrt worden. Von der Khayserin und Grossfürstin aus dem Stifft Fiedoronowa, des gancz Reussen Landts heilligsten Frauen, 1605" (см. Jos. Chmel, Die Handschriften der K. K. Hofbibliothek in Wien, II, S. 173).

Стр. 74. Чтобы держать Димитрія въ своихъ рукахъ, Сигизмундъ III то пугаетъ его тѣнью Бориса Годунова, скрывшагося будто бы съ большими богатствами въ Англію (басня объ этомъ въ Собр. госуд. грам., II, 214, отвѣтъ Димитрія, 216; Бантышъ-Каменскій: „Переписка между Россіею и Польшею", стр. 60); то задерживаетъ Марину въ Польшѣ (ib., стр. 248, 260 и 281). Онъ опасался непосредственныхъ сношеній его съ Швеціей и даже требовалъ посадить подъ стражу шведскаго принца Густава, находившагося въ Москвѣ. Но Димитрій ставилъ уже свои отношенія къ Швеціи въ зависимость отъ признанія Сигизмундомъ требуемаго имъ титула („непобѣдимый цесарь"), а о Густавѣ отозвался, что онъ „почитается въ Россіи не принцемъ, но человѣкомъ *въ легкихъ дѣлахъ смышленнымъ*" (ibid., 215—217, 244, 247, 259, 264; Б. Каменскій, 61; Масса, 174).

Стр. 75. Стан. Бучинскій, по поводу неудовольствій между королемъ и Димитріемъ Сам., писалъ Ю. Мнишку, что онъ „не въ силахъ былъ отмѣнить *цесарскій* его титулъ въ посланныхъ къ вельможамъ польскимъ письмахъ, тѣмъ паче, что онъ нашелъ въ Посольскомъ приказѣ грамоту и наказъ, данные посланному въ Польшу Аѳан. Отрепьеву, въ коихъ Годуновъ также *цесаремъ себя*

---

[1]) По тѣмъ же актамъ составл. переписка между Росс. и Польшею въ царст. Д. Самозванца, Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ (напеч. въ Чтен. М. Общ. ист. 1861, кн. II).

нарекъ и совѣтуетъ ему, воеводѣ, какъ можно скорѣе въ Москву поспѣшить съ нареченною невѣстою, на которую, яко небрегущую отвѣчать на государевы письма, начинаютъ уже имѣть неудовольствіе... Хотя прежде сего Е. Ц. В. на частыя письма свои никакого отъ государыни царицы отвѣта не имѣлъ, тому не удивлялся; нынѣ же по щастливомъ совершеніи бракосочетанія, находитъ то должнымъ со стороны ея, и сіе я изъ устъ Е. В. слышалъ". (Собр, госуд. грам., II, 246—248, съ дополн. по Бантышу-Каменскому, 66; ср 45). Вопросъ же о титулѣ составлялъ предметъ самыхъ частыхъ и настойчивыхъ требованій отъ Димитрія къ Сигизмунду (Собр. госуд. грам. и догов., II, 216, 226, 243, 247, 264, 268), не смотря на предостереженія съ одной стороны Я. Бучинскаго, а съ другой Ю. Мнишка и корол. секр. А. Боболя, находившагося съ Димитріемъ въ интимной перепискѣ (243, 261, 270—271). Пререканія по этому вопросу привели затѣмъ къ несоблюденію Димитріемъ дипломатическихъ обычаевъ и грозили въ близкомъ будущемъ полнымъ разрывомъ (ibid. 270). На храненіи у того же Боболя находились, между прочимъ, важнѣйшіе документы, касающіеся Димитрія, какъ условія, предложенныя Сигизмундомъ III и отвѣты на нихъ послѣдняго (О поискахъ моихъ въ Познан. библ., Бодянскаго, Чт. М. О. И., годъ I, кн. I, 35—36; Лѣт. занятій Арх. ком., в. IV, проток., с. 11, сообщ. Н. И. Костомарова о тѣхъ же условіяхъ, найден. имъ въ Варшавѣ) и любопытное письмо къ королю о Димитріѣ (см. записку Костомарова о Несвиж. архивѣ кн. Радзивиловъ, (ib., в. V, проток., с. 21).

Стр. 75. Въ своихъ сношеніяхъ и актахъ Д. Самозванецъ на первыхъ порахъ сталъ употреблять даты *отъ Р. Х.* вмѣсто употреблявшихся до того времени и послѣ него отъ С. М. (Собр. госуд. грам., II, сс. 197, 199, 211, 221, 235 и д.). Ср. замѣч. Д. И. Прозоровскаго о датѣ на монетахъ его времени (Изв. Рус. Арх. общ., т. VI, сс. 5—7). Сопоставленіе извѣстій иностр. писателей о монетахъ Димитрія съ данными нумизматики у Аделунга (II, 23, 149—150).

Стр. 77. О близости къ Димитрію „люторовъ, кальвинцовъ и евангелековъ"—въ показаніяхъ Бучинскихъ (Собр. госуд. грам., II, 298). Съ другой стороны, о соблюденіи имъ русскихъ обрядовъ есть указанія и въ отвѣтахъ литовскихъ пословъ, данныхъ московскимъ думнымъ боярамъ въ 1608 г.: „а чтобъ имѣлъ застати Рим-

ской вѣры то бездѣльна мова... А тутъ (въ Москвѣ) Господаремъ вашимъ будучи, черезъ весь часъ свою прирожонную русскую вѣру держалъ, что всѣмъ въ Москвѣ вѣдомо и на тые неподдѣльные слова и отказомъ широко не надобе". (Сборникъ кн. Оболенскаго, М. 1838, № 10, стр. 14—15; ср. также Рус. ист. Библ. I, 105—106). Въ окружной грамотѣ царя В. Шуйскаго заявляется безразлично о намѣреніи его „учинить лютерскую и латинскую вѣру" (Собр. госуд. грам., т. II, 302; ср. 307).

Стр. 78. Объ отреченіи отъ католицизма при вступленіи въ бракъ—въ Византіи (Гиббонъ, VII, 101); въ Россіи (Татищевъ, III, 403; ср. Хр. Чт. 1886, №№ 11—12, с. 584—585).

Стр. 82. Жалованныя грам. Димитрія монастырямъ и духовенству см. въ Акт. Арх. экспед. (II, № 42), Акт. истор. (II, №№ 58, 59, 60, 61, 64) и Сборникахъ: кн. Оболенскаго (ч. I, № 33), Муханова (№№ 134—137), кн. Хилкова (№ 63).

Стр. 82. Возникновеніе слуха о самозванствѣ Димитрія, распространившагося изъ Москвы, относится къ к. 1605 г. (посольство И. Р. Безобразова, Собран. госуд. грам., II, 251; ср. 217, 263; Зап. Жолкевскаго по 2-му изд., сс. 9—10, 16); но, какъ видно, и Сигизмундъ не вѣрилъ въ царское происхожденіе Димитрія. Еще во время появленія послѣдняго король смотрѣлъ на поддержку его, какъ на выгодное дѣло для Польши: „Швеція скорѣе могла бы быть освобождена, Ливонія успокоена и увеличилась бы сила противъ каждаго врага [1]). Съ другой стороны, идетъ вопросъ о нарушеніи мира, объ обрушеніи тяжестей на республику, а не на насъ. Въ этомъ дѣлѣ *за* и *противъ* много, на что надо обращать вниманіе", писалъ Сигизмундъ Хр. Зеновичу (Рус. Стар. 1878, XXI, 136) и съ этой точки зрѣнія онъ смотрѣлъ на свое участіе въ московской смутѣ до конца (см. инстр. Сам. Грушецкому, отпр. посломъ къ Филиппу III Испанскому въ 1612 г., Чт. М. О. ист., годъ II, № 7-й, с. 1—3).

Стр. 83. Въ „Кіевской лѣтописи" (Сборн. лѣтоп., относ. къ ист.

---

[1]) Борисъ отказался признать права Сигизмунда на шведскій престолъ и заявлялъ виды на Ливонію. Эта политика Бориса много содѣйствовала тому, что Сигизмундъ оказалъ поддержку интригѣ, шедшей изъ Москвы и направленной противъ царя въ лицѣ Д. Самозванца (см. Отвѣты литов. пословъ моск. дум. боярамъ 1608, Сборн. Оболенскаго, № 10; въ особенности с. 45—49); любопытно показаніе объ Отрепьевѣ (с. 36), тождественное съ свидѣтельствомъ Маржерста. (с. 310). Ср. Собр. госуд. грам. II, 258 и Рус. историч. Библ., изд. Арх. ком., I, 109—110.

южн. и зап. Россіи, К. 1888, стр. 80), вопреки существующимъ показаніямъ, сообщается о постриженіи Марины въ сузд. Покров. монастырѣ).

Стр. 92, примѣч. Ср. также статьи: „Polska, Francya a Szwecya w XVII i XVIII w., W. Czermaka (Przew. nauk. i literac. 1887, kwiec.); Wojna Rzeczypospolitéj polskiéj ze Szwecyą za panow. Zygmunta III od r. 1621 do 1629, prz. K. Górskiego (Bibl. Warsz. 1888, kwiec. 55 – 84, maj, 234—254, czerw., 415—434, съ картою); Przyczynki do hist. wojny moskiewskiéj z lat 1633—1634, съ планомъ Смоленска, Кс. Лиске (Bibl. Ossol., тт. X и XI); Донес. франц. послан. де-Сези кор. Людовику XIII, 1620—1627 (напеч. въ Hist. Rus. mon., т. II, стр. 411—434 (по кол. Дюпюи въ Париж. нац. библ., изъ собр. Тургенева).

Стр. 92: Приглашая короля испанскаго оказать содѣйствіе деньгами и помощью въ борьбѣ съ Турціей и Московіей, Сигизмундъ III выставляетъ уже опасность отъ этихъ обѣихъ державъ для Европы и союза Польши съ Испаніей и Австріей и замѣчаетъ далѣе: „Турки хорошо знаютъ, какъ удобно для Московіи *снарядить флотъ и покрыть океанъ кораблями*; знаютъ, что изъ нея открыты въ океанъ гавани, наполненныя всякаго рода товарами, что не было доселѣ у москвитянъ способныхъ вождей и наставниковъ, какъ дѣйствовать на сушѣ и на морѣ, въ такомъ народѣ, который по многолюдству неисчислимъ, между тѣмъ какъ весьма многіе христіанскіе государи, имѣющіе другой образъ мыслей на счетъ христіанской вѣры, не только допускаютъ ниспроверженіе христіанскаго общества, но даже тому почти помогаютъ, или, по крайней мѣрѣ, смотрятъ на это сквозь пальцы“ (инстр. Грушецкому). Между тѣмъ, уклоняясь отъ союза съ Димитріемъ противъ турокъ, Сигизмундъ въ особенности ссылается на то, „что поляки и нѣмцы съ природы между собою несогласны, что и не почитаетъ основательнымъ заключить новый договоръ противъ турокъ съ христіанскимъ императоромъ инако развѣ согласятся на то всѣ имперскіе князья“ и т. д. (Собр. госуд. грам , II, 273). Прибавимъ еще, что въ наказѣ Сигизмунда III Льву Сапѣгѣ (1600 г.), въ которомъ идетъ рѣчь о соединеніи Московскаго и Польскаго государствъ, высказывается также предположеніе завести сообща *флоты* на моряхъ Черномъ и Балтійскомъ (Сборникъ кн. Оболенскаго, № 7-й, стр. 11).

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
10	10 сн.	Бюшинъ	Бюшингъ
19	9 сн.	авторѣ	автора
60	3 сн.	вопросъ	вопроса
—	—	списк.	столѣт.
62	19 св.	къ нему	къ Димитрію
65	4 сн.	Мнишки	Мнишка
66	3 сн.	Т. VIII, 152	Т. VIII, 152; 1-е изд. с. 163.
68	5 св.	народный	парадный
77	11 сн.	Христіана IV	Христіана III
78	3 св.	на его,	на него,
85	17—18 св.	державъ	державъ—
90	4 св.	ммъ	имъ
92	8 сн.	Arvèdè,	Arvède

Примѣчаніе. Въ № 8 «Русскаго Архива» за 1889 г. напечатана статья Г. А. Воробьева: «Бояринъ и воевода князь М. В. Скопинъ-Шуйскій» (465—516), въ которой авторъ обильно воспользовался нашими цитатами и мнѣніями. Непонимаемъ только, какъ мы могли быть согласны съ выводами автора (сс. 487, 503, 508, 510 и др.), когда наша статья появилась въ печати въ 1875 г. Не на оборотъ ли?

НОВЫЯ КОЛЛЕКЦІИ РУКОПИСЕЙ

ВЪ РОССІИ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

В. С. Иконникова.

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра.
Кіевское отдѣленіе ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. Т-ва печ. дѣла и торг. И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ.
1890.

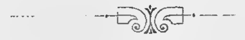
НОВЫЯ КОЛЛЕКЦІИ РУКОПИСЕЙ

ВЪ РОССІИ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

В. С. Иконникова.

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра.
Кіевское отдѣленіе ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. Т-ва печ. дѣла и торг. И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ.
1890.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.
(изъ „Университетскихъ Извѣстій“ 1889 года).

НОВЫЯ КОЛЛЕКЦІИ РУКОПИСЕЙ ВЪ РОССІИ.

I. Охранный каталогъ славяно-русскихъ рукописей А. А. Титова въ г. Ростовѣ, Ярославской губ. В. I, Ростовъ, 1881, 214 стр. В. II, Р. 1884, 235 стр. В. III, Москва. 1888, 167 стр. В. IV, М. 1889, 70+xvIII стр. (съ указателями).

II. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахрамѣеву. А. А. Титова, М. 1888, IX+225 стр.

I.

Уже въ XVII в. у насъ существовало нѣсколько частныхъ коллекцій—книгъ и рукописей, имѣвшихъ не только церковный, но отчасти и научный характеръ. Со времени Петра В. научные интересы пріобрѣтаютъ полное право гражданства. Онъ заботится о составленіи книжныхъ коллекцій, собраніи рукописей историческаго характера, предметовъ древности, художественныхъ произведеній и такъ называемыхъ „раритетовъ" [1]). Рядомъ съ книжными собраніями и рѣдкостями, послужившими основаніемъ для библіотеки и кабинетовъ Академіи Наукъ и открытыми для публики (почему и самая библ. Академіи Наукъ въ XVIII стол. называлась публичною), возникаютъ частныя коллекціи рукописей, книгъ и древностей, принадлежавшія разнымъ дѣятелямъ Петровской эпохи,—гр. Я. В. Брюса, А. А. Матвѣева, В. Н. Татищева, кн. Д. М. Голицына (верховника),

---

[1]) Наука и литер. при Петрѣ Вел., П. Пекарскаго, I, с. 315—323; Правительств. распоряженія относительно отеч. древностей съ имп. Петра I, И. Данилова (Вѣст. арх. и ист., изд. Арх. инст., VI, 1—50).

А. П. Волынскаго и др. лицъ его кружка [1]). Значительная часть коллекцій этихъ послѣднихъ, какъ, подвергшихся преслѣдованіямъ и конфискаціи имущества въ суровое царствованіе Анны Ивановны, поступила тогда же, хотя и не въ полномъ видѣ, въ вѣдѣніе Академіи Наукъ [2]). Замѣчательная библіотека гр. Шереметевыхъ, собранная въ теченіе XVIII стол., погибла въ пожарѣ Москвы 1812 г., какъ и многія другія частныя коллекціи.

Возвышеніе при Елисаветѣ Петровнѣ фамиліи Воронцовыхъ, давшей въ теченіе столѣтія двухъ канцлеровъ, одного дипломата и одного дѣятеля на военно-административномъ поприщѣ, долго управлявшаго обширнымъ краемъ Россіи, сосредоточило въ ихъ рукахъ обширный политическій архивъ, обнимающій почти полуторастолѣтній періодъ времени. Съ рѣдкимъ вниманіемъ къ историческимъ интересамъ, владѣльцемъ этого обширнаго собранія предпринято было изданіе хранящихся въ немъ документовъ, во многомъ пополняющее пробѣлы въ изданіяхъ правительственныхъ архивовъ, и хотя оно достигло почтенной цифры 36 томовъ, но далеко еще не исчерпываетъ всѣхъ сокровищъ этой важной коллекціи. Мы не говоримъ здѣсь о фамильныхъ библіотекахъ Воронцовыхъ, составлявшихся въ теченіе того же времени и существующихъ въ разныхъ мѣстахъ. Многія коллекціи XVIII стол. (Шуваловыхъ, Голицыныхъ, Разумовскихъ, Паниныхъ и т. п.) далеко не сохранились въ полномъ видѣ, а перешли къ другимъ лицамъ или раздробились по частямъ.

Примѣръ Екатерины II, подобно Петру В., обратившій вниманіе на историческіе матеріалы и древности и занимавшейся историческими трудами, много содѣйствовалъ возникновенію новыхъ коллекцій, начиная съ художественныхъ произведеній и кончая научными— книжными и рукописными собраніями [4]). Въ это время всѣ роскош-

---

[1]) О коллекціяхъ Матвѣева и Брюса въ Лѣтоп. рус. литер. и древн., изд. Н. С. Тихонравовымъ (тт. I и V); о библ. Татищева—въ статьяхъ Пекарскаго и Чупина.

[2]) Матер. для ист. Акад. Наукъ, т. IV, сс. 120, 135, 309, 357, 401—405, 439; 178—190, 402—405.

[3]) Каталогъ ея изданъ въ 1883 г. (Опись библ., находив. въ Москвѣ на Воздвиженкѣ, въ домѣ гр. Шереметева, до 1812 г., Спб. 1883, 615 стр.). Выводы о ней въ статьѣ: «Одна изъ домашнихъ библіотекъ к. XVIII стол.», Е. О., Спб. 1884.

[4]) Екатериною II были пріобрѣтены библіотеки Дидро, Вольтера, д'Аламбера, Галіани, Бюшинга, берлин. книгопродавцевъ Николаи, Циммермана, бар. Корфа, историковъ Миллера и Щербатова, поступившія въ Эрмитажъ, а отчасти въ другія собранія (Моск. арх. мин. ин. дѣлъ).

ные барскіе дома въ Москвѣ были биткомъ набиты рѣдчайшими коллекціями, библіотеками, мраморами, картинами. „Можно подумать, говоритъ Кларкъ, бывшій въ Москвѣ въ послѣднихъ годахъ XVIII стол., что обобрали всю Европу для составленія богатѣйшихъ московскихъ музеевъ“ [1]). Библіотеки гр. Бутурлина, Разумовскаго, Головкина и Демидова были извѣстны по всей Европѣ. Хоромы Голицыныхъ, Головкина, Гагариныхъ, Козлова и пр. были украшены лучшими произведеніями итальянскихъ и голландсихъ художниковъ. У кн. Урусова, Щербатова, Одоевскаго можно было видѣть рѣдчайшія собранія по естественной исторіи [2]). Коллекціи гр. Бутурлина, быть можетъ самыя замѣчательныя въ Европѣ, замѣчаетъ Кларкъ; не станемъ поминать о тысячѣ другихъ собраній, разсыпанныхъ по Москвѣ [3]). „Куда дѣвались эти сокровища искусствъ, эти рѣдкія изданія, эти богатые минералы, эти груды драгоцѣннаго фарфора, бронзы, мраморовъ? съ грустью говоритъ біографъ „Семейства Разумовскихъ“. Изъ всего этого не осталось ничего, все пошло прахомъ, все разлетѣлось на воздухъ. Немилосердая рука нашихъ доморощенныхъ архитекторовъ разорила чудныя залы, которыя съ такимъ вкусомъ украшали Растрелли, Казаковъ, Баженовъ, кн. Ухтомскій, Гваренги и Камерози“ [4]).

Не лучшая участь постигла и нѣкоторыя книжныя и рукописныя коллекціи. Такъ, при Екатеринѣ II становятся извѣстными собранія: А. И. Мусина-Пушкина, кн. Щербатова, И. Н. Болтина, П. К. Хлѣбникова, И. И. Голикова, П. Г. Демидова и мн. др. Лучшую участь изъ нихъ имѣли тѣ, которые вошли потомъ въ составъ правительственныхъ коллекцій (Эрмитажа, И. Публ. библіотеки); но многія сдѣлались жертвою пожара 1812 г. (гр. Бутурлина, Демидова, Мусина-Пушкина, проф. Баузе и др.). Собраніе гр. Н. П. Румянцова также получило свое начало въ это время и стало потомъ общественнымъ достояніемъ. Остатки библ. кн. Д. М. Голицына и П. П. Бекетова вошли въ составъ другой замѣчательной коллекціи рукописей и старопеч. книгъ—гр. Ѳ. А. Толстого, поступившей въ 1830 г. въ И. Пуб. библ. Своимъ замѣчательнымъ собра-

[1]) Clarke, Voyages en Russie, an Tartarie et en Turquie, I, 108.

[2]) Voyages de deux Français, IV, 346.

[3]) Clarke, I, 178—179.

[4]) А. А. Васильчиковъ, I, 394—395.

ніемъ гр. Толстой много обязанъ раскольникамъ, которыми составлялись коллекціи рѣдкихъ рукописей и книгъ еще со временъ Никона [1]).

Съ удаленіемъ со сцены этихъ меценатовъ науки, представителямъ ея приходилось уже жаловаться на равнодушіе своихъ соотечественниковъ къ памятникамъ отечественной старины (напр. Строеву, м. Евгенію). „Увы! распродажа моего музеума, писалъ П. П. Свиньинъ въ 1834 г. И. М. Снегиреву, доказала мнѣ жалкую степень нравственности и образованности нашихъ бояръ и всего первокласснаго круга: вообразите бывали случаи, что богачи приходили въ музеумъ зѣвать или торговаться изъ-за копѣйки, когда за часъ передъ тѣмъ заплатили Смурову 500 или 600 р. за устрицы и шампанское" [2]). Даже позднѣйшимъ ученымъ (какъ И. И. Срезневскій) приходилось еще сѣтовать на отсутствіе у насъ такихъ дѣятелей, какимъ въ началѣ XIX стол. былъ гр. Н. П. Румянцовъ [3]). Ближайшія за тѣмъ собранія составлялись уже на другихъ основаніяхъ: большою частію они принадлежатъ или любителямъ, или случайнымъ собирателямъ, или собирателямъ—торговцамъ. Въ ряду ихъ видное мѣсто заняли: А. Д. Чертковъ, И. Н. Царскій, И. П. Сахаровъ, М. П. Погодинъ и нѣк. др. Но и на этотъ разъ лишь коллекціи, перешедшія въ общественныя хранилища, сохранились вполнѣ, какъ замѣчательныя собранія П. Ѳ. Карабанова, Погодина (И. Пуб. библ.), Черткова (хран. въ Рум. музеѣ, а потомъ передано въ Историческій музей), В. М. Ундольскаго—(въ Румянц. музеѣ) и мн. др., поступившія б. ч. въ И. П. библ. или М. Публ. и Румянцовскій музеи. Рѣдкое собраніе вологод. купца И. П. Лаптева было продано съ молотка въ Петербургѣ; коллекціи Сахарова, С. А. Соболевскаго и др. разошлись по рукамъ, попали даже за границу (какъ Соболевскаго — частію въ Британ. музей). Если

---

[1]) «Важнѣйшихъ древностей нашей письменности надобно искать у раскольниковъ. Они издавна все скупили и выкрали. Особливо Выгорѣцкій скитъ пребогатъ сими сокровищами. Читая *Поморскіе ихъ отвѣты*, можно убѣдительно видѣть, сколько они глубоки въ русскихъ древностяхъ, хотя иногда и криво толкуютъ», писалъ въ 1815 г. м. Евгеній библіографу В. Г. Анастасевичу (Р. Арх. 1889, № 5, с. 39). О печальной судьбѣ этой библ. сообщаетъ В. Майновъ (Поѣздка въ Обонежье, с. 56—57; Ист. Вѣст., т. Ш; ср. ХШ, 477—479).

[2]) Евгеніевскій Сборникъ, с. xvi—xvii.

[3]) О его дѣятельности см. нашу монографію: «Гр. Румянцовъ и его дѣятельность на пользу разработки русской исторіи и археологіи» (Рус. Старина 1881, т. XXXII). Полнѣе обработана въ печатаемой нами «исторіографіи». Также книгу А. А. Кочубинскаго: «Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцевъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія». Од. 1887—1888 и Сборникъ матеріаловъ для ист. Румянц. музея. В. I. М. 1882.

замѣчательная въ библіографическомъ отношеніи библіотека М. Д. Хмырова была недавно пріобрѣтена для Историческаго музея въ Москвѣ, то не менѣе замѣчательная библіотека Н. П. Дурова, составленная по образцу Чертковской и состоявшая изъ многихъ драгоцѣнностей, не имѣющихся даже въ Имп. Публ. библ., была продана въ самомъ Петербургѣ на рынкѣ, почти за безцѣнокъ..... Подобную же участь недавно испытали библ. Бодянскаго, Геннади, Смирдина и т. п. Собраніе гр. А. С. Уварова, сосредоточившее въ себѣ остатки нѣкоторыхъ прежнихъ коллекцій (Царскаго, Сахарова и др.) является исключительнымъ и потому даетъ право нѣкоторымъ сравнивать его значеніе въ этомъ дѣлѣ съ ролью гр. Н. П. Румянцова.

Такимъ образомъ вполнѣ вѣрно замѣчаніе одного библіографа, что наши „частныя собранія живутъ въ неразрозненномъ составѣ рѣдко долѣе жизни ихъ собирателей“ [1]. „Плохо у насъ сохраняются *преданія*, непростительно небрежно обходились и обходятся съ историческими памятниками“ [2], говоритъ другой свидѣтель. „Это чуть-ли не единственный у насъ примѣръ частнаго собранія не распроданнаго и не растасканнаго послѣ смерти его составителя“, замѣчаетъ П. И. Бартеневъ по поводу художественной коллекціи кн. Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ [3].

Вотъ почему нельзя не порадоваться возникновенію въ послѣднее время общественныхъ хранилищъ и музеевъ, куда стали передаваться многія частныя собранія въ постоянное или временное обладаніе, какъ переданы библ. и собр. рукописей кн. А. И. Барятинскаго въ Историческій музей, библ. Д. Ѳ. Кобеко (въ составъ которой входитъ и замѣчательная историч. библ. Пекарскаго)—Рус. историч. обществу, рукоп. коллекція кн. П. П. Вяземскаго, пріобрѣтенная гр. Шереметевымъ—въ Общ. любит. древней письменности. Съ учрежденіемъ въ нѣкоторыхъ городахъ архивныхъ коммиссій (до 10), при нихъ стали устраиваться мѣстные архивы, собранія рукописей и музеи древностей, а нѣкоторые мѣстные владѣльцы передали имъ и свои коллекціи.

---

[1]) Отеч. Зап. 1854, № 8, Библіографическіе отрывки, с. 135.
[2]) О портретахъ Петра В., А. Васильчикова, 23.
[3]) Рус. Арх. 1872, I, 1215—1216.

II.

Въ послѣднее время вновь возникло нѣсколько частныхъ коллекцій, болѣе или менѣе значительныхъ и систематически составленныхъ, которыя заслуживаютъ извѣстнаго вниманія въ историческомъ отношеніи. На этотъ разъ мы остановимся на двухъ изъ нихъ. Возникновеніе обѣихъ этихъ коллекцій относится къ 70—80 годамъ, но онѣ имѣютъ уже свои печатные каталоги и даже болѣе подробныя описанія: мы говоримъ здѣсь о коллекціяхъ рукописей А. А. Титова—въ Ростовѣ и И. А. Вахрамѣева—въ Ярославлѣ. Притомъ оба они принимали дѣятельное участіе въ образованіи Ростовскаго музея церковныхъ древностей, имѣющаго не только этотъ спеціальный характеръ.

Древній Ростовъ Великій, извѣстный своею ярмаркою, привозъ на которую въ первой четв. XIX стол. достигалъ даже до $8\frac{1}{2}$ мил., имѣвшій значительныя торговыя связи съ Москвою и Нижегородской ярмаркою [1]), на которой продавались старыя книги и рукописи, давно былъ извѣстенъ какъ книжный рынокъ. Однажды гр. Румянцовъ поручалъ своему посреднику А. Ѳ. Малиновскому „стеречь возвращеніе изъ Ростова Пискарева (одного изъ дѣятельныхъ книготорговцевъ), дабы онъ не успѣлъ кому либо казать или продавать рукописи“ [2]). Въ числѣ собирателей—любителей этого матеріала здѣсь были извѣстны: М. И. Маракуевъ, П. В. Хлѣбниковъ, И. И. Храниловъ, Ѳ. С. Шестаковъ, Е. В. Трехлѣтовъ, А. Я. Артыновъ и др. [3]). Нѣкоторые изъ матеріаловъ этихъ владѣльцевъ перешли къ тѣмъ собирателямъ, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь.

А. А. Титовъ—земскій дѣятель Ярославской губ., авторъ многочисленныхъ изслѣдованій и статей, посвященныхъ исторіи, статистикѣ, этнографіи и археологіи края [4]), издатель матеріаловъ по мѣстной исторіи и составитель описанія рукописей Ростовскаго музея

---

[1]) Геогр. словарь Семенова, 330—331. Здѣсь дѣятельнымъ торговцамъ былъ извѣстный Большаковъ, служившій коммиссіонеромъ Погодину, кн. Вяземскому и др. любителямъ старины. О его мытарствахъ по поводу продажи старопечатныхъ изданій въ ст. А. С. Пругавина (Русская Мысль 1884, № 1).

[2]) Чт. М. О. ист. 1882, I. 260.

[3]) Историч. Вѣст. 1885, т. XX, с. 226; Преданія о ростов. князьяхъ, А. Титова, М. 1885; Ростовскій уѣздъ, М.—1885 (предисл.).

[4]) Нѣкоторые изъ его трудовъ посвящены дѣятельности Ростовскаго земства по народному здравію и образованію, сельскому хозяйству и т. п.

(2 вып.) 1886—89 и И. А. Вахрамѣева [1]). Общее число его работъ, какъ отдѣльно напечатанныхъ, такъ и помѣщенныхъ въ разныхъ историческихъ изданіяхъ, достигаетъ 90 названій. Изъ нихъ заслуживаютъ здѣсь упоминанія:

1) Городъ Ростовъ въ XVII в. Дозорныя и переписныя книги древняго г. Ростова, съ план. города нач. XVIII в. М. 1879.

2) Вкладныя и кормовыя книги Борисоглѣбскаго монаст. XV—XVIII стол., Рост. у. Яросл. губ. Яр. 1881.

3) Матеріалы для исторіи Ростовской ярм. Яр. 1881.

4) Ростовская Старина. В. I: Рост. уѣздъ; Родосл. книги Рост. князей. Р. 1883.

5) Ростовъ Вел. Путевод. по г. Ростову. М. 1883.

6) Ярославль. Путевод. по г. Яр., съ план. города и родосл. князей Ярославскихъ. М. 1883; Ярославскій уѣздъ, съ картой уѣзда. М. 1884.

7) Ростовъ Вел. Историч. обозр. М. 1884; 2-е изд. 1888.

8) Воспомин. крестьянина села Угодичъ Яр. губ., Рост. у., Ал. Артынова. М. 1883 и 1884, 2 вып. (изъ Чт. М. О. ист.).

9) Письма Т. Шевченка къ Бодянскому. Спб. 1883 (изъ Рус. Стар.).

10) Прот. Мих. Раевскій въ своихъ письмахъ къ О. М. Бодянскому (1854—1874). М. 1884.

11) Старина (изъ бумагъ П. И. Мельникова). М. 1884.

12) Отъ Ростова Яросл. до Переяславля Залѣсскаго (А. Каово) М. 1885—археол. описаніе.

13) Преданія о ростовскихъ князьяхъ. М. 1885.

14) Путеш. въ Іерус. въ 1819 г. с. Лежнева дѣв. Анны Алексѣевой. М. 1885.

15) Ростовскій уѣздъ Яросл. губ. Историко-археол. и статистич. опис. съ рисунк. и картою уѣзда. М. 1885. 630 стр.

16) Письма М. П. Погодина къ Бодянскому (1843—1875), М. 1885 (Чт. М. О. И.); письма В. Ганки къ нему же, 1841—1860 (ib. 1887, II).

17) Ростовскій Кремль и новѣйшія реставраціи его. М. 1885.

---

[1]) Интересы мѣстной археологіи также близки ему. Такъ, онъ напечаталъ: 1) Раскопки въ Ростов. Успен. соборѣ въ 1884. М. 1885; 2) Отчетъ о дѣятельности ком. по возстановленіи древнихъ зданій въ Кремлѣ Ростова. Вел. въ 1885. Яр. 1886. Собственное собраніе А. А. Титова хранится при Ростовскомъ музеѣ.

18) Митр. Іона Сысоевичъ и его постройки въ Кремлѣ Ростова Вел., съ рис., Спб. 1885 (Историч. Вѣстн.).

19) Послѣдній Ростов. архіеп. Арсеній IV Верещагинъ, съ рис. Спб. 1886 (ibid).

20) Письмо О. М. Бодянскаго къ гр. С. Г. Строганову о древнихъ русскихъ и славянскихъ монетахъ (1850). М. 1885 (Чт. М. О. ист. 1885, I, 1—48).

21) Татищевъ погостъ и секта аристовцевъ въ Рост. у. Яр. губ. Яр. 1886.

22) Никитскій монастырь въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. Спб. 1886 (изъ Историч. Вѣст.); Бѣлогостицкій мон. въ Ростов. уѣздѣ, съ рис. Спб. 1886 (ibid.).

23) Дневныя дозорныя записи о москов. раскольникахъ. М. 1886—весьма важный матеріалъ для характеристики отношенія правительственной власти къ расколу, 1844—46 гг. (Чт. М. О. ист. 1885—86 гг.).

24) Кураковщина. Истор. этногр. очеркъ. Яр. 1886.

25) Ростовское город. училище въ первые годы своего существованія, 1786—803 г. Ист. очеркъ. М. 1886.

26) Переяславль Залѣсскій (А. Каово). Спб. 1886.

27) Велесово дворище и легенда о жрецѣ Кичѣ. М. 1887.

28) Горицкій монастырь и два іерарха русской церкви XVIII стол., съ рис. Спб. 1887 (изъ Ист. Вѣст.), съ портр. А. Мацѣевича и свѣдѣніями о немъ.

29) Вепрева пустынь. Ист. оч. Яр. 1887.

30) Переписныя книги Ростова Великаго второй полов. XVII в. Спб. 1887 (см. Рус. историч. Библ., изд. Арх. Ком., т. IX, 1889, приложеніе).

31) Макарьевскій монастырь, съ рисунк. Спб. 1887. (Ист. Вѣст.); Троицкій Желтоводскій мон. у стараго Макарья, съ рис. М. 1887; Церкви упраздн. Воскрес. мон. въ Угличѣ, съ рис. (Ист. Вѣст. 1887).

32) Религіозныя вѣрованія, домашній бытъ и обычаи Мордвы Нижегор. у. (изъ бум. П. И. Мельникова). Н. Новг. 1887.

33) Патріаршее село Святославль и упразднен. Воскресен. мон. Карашской вол. въ Рост. у. Ист. оч. Яр. 1887.

34) Іоасафъ Лазаревичъ, VII-й митр. ростовск., съ рис. М. 1887.

35) Столѣтіе Яросл. епархіи и первый яросл. архіеп. Арсеній, съ рис. М. 1887.

36) Матеріалы для ист. Имп. Общ. ист. и древ. рос. Переписка дѣйств. членовъ. М. 1887 (изъ Чт. М. О. ист.).

37) Compendium praeceptionum rhethoricarum. Матер. для ист. духов. школы въ Ярославлѣ въ XVIII вѣкѣ. Яросл. 1887.

38) Ростовская и ярослав. старина. В. I. Яр. 1887; В. II, 1888.

39) Кекинскій лѣтописецъ. Яр. 1887.

40) Причитанія Ростовскаго края. Яр. 1888.

41) Павелъ Конюскевичъ, м. тоб. и собир.; Спасо-Яковлевскій Дмитріев. мон. въ Ростовѣ Вел. (Ист. Вѣст. 1888).

42) Кунгурскіе акты XVII вѣка, редакт. А. А. Титовымъ, а изд. А. Т. Кузнецовымъ (доставл. въ 1837 г. въ Археогр. ком.).

43) Лѣтопись Велико-Устюжская. Изд. А. К. Трапезникова. М. XX+169. М. 1889

44) Лѣтопись Двинская. Изд. П. А. Фокина. М. 1889. XXIII+182+XXII.

Съ 1881—1889 г. А. А. Титовъ издалъ четыре выпуска „Охраннаго каталога славяно-русскихъ рукописей", принадлежащихъ ему, въ которомъ цоименовано 3500 №№ рукописей [1]).

Древнѣйшихъ рукописей въ собраніи г. Титова—немного. Такъ, есть нѣсколько пергаменныхъ отрывковъ Евангелія XII—XIII в. (вып. I, с. 72); Тріодь цвѣтная, на пергам., XIV в., на 275 листахъ; (в. III, 37); нѣсколько рукописей XV в. (в. I, 41, 77; в. II, 97, 116; III, 51); гораздо болѣе XVI в., но всѣ онѣ церковно-служебнаго характера (напр. I, 24, 103, 104, 109, 112, 114, 127, 128, 140; II, 13, 46, 49, 59, 62, 68, 73, 74, 106, 116, 123, 164; III, 11, 57 и др. [2]). Большая же часть рукописей приходится на XVII—XVIII и даже XIX стол., причемъ въ числѣ послѣднихъ встрѣчаются такія, которыя уже были отпечатаны прежде (напр. житіе п. Никона, III, № 1739 — въ XVIII в.; Жезлъ правленія С. Полоцкаго, № 2492, въ XVII в.), а другія написаны даже со всею тщательностью рукописной эпохи (Служба преп. Ки-

---

[1]) Послѣ изданія IV вып. собственникъ коллекціи пріобрѣлъ вновь до 100 рук. XV—XVIII ст. Вообще необходимо имѣть въ виду, что владѣлецъ рукописей заносилъ ихъ по мѣрѣ пріобрѣтенія, а потому въ каталогѣ встрѣчаются весьма часто двойные №№ и отдѣльныя части рукописей. Нерѣдко также въ описи оказываются позднѣйшіе списки, оригиналы печатныхъ сочиненій и т. п.

[2]) Обиходъ Кириллова монастыря, XVI в., на 156 лист, (№ 580); Міротворный кругъ XVI в., на 517 листахъ (№ 585).

риллу Бѣлозерскому чудотв., съ раскрашенными картинками, полуустав. письма, на 87 листахъ, II, 72). Подобное явленіе напоминаетъ намъ отзывъ русскаго академика Коля (въ 1728 г.). „Русскіе, говоритъ онъ, всегда прилежно переписывали книги, ими сочиненныя или переведенныя съ другаго языка. Симъ способомъ много замѣнили они какъ недостатокъ типографій, такъ и книгъ, которыя нынѣ печатаютъ. Нѣтъ, кажется, ни одного народа, который бы столь много занимался и трудился надъ переписываніемъ, какъ русскіе. Тамъ найдешь многихъ, которые цѣлый день ничего другаго не дѣлаютъ, какъ только списываютъ книги и тѣмъ только снискиваютъ пропитаніе. Имъ отдаютъ переписывать не только книги рукописныя и въ свѣтъ еще не изданныя, каковы суть книги, принадлежащія до отечественной исторіи, называемыя лѣтописями, но и печатныя рѣдкія и драгоцѣннѣйшія. Въ лавкахъ петерб. купцовъ часто попадались мнѣ письменныя рѣчи Хризостома и книги Ефрема Сирина или св. писанія“ (Несторъ Шлецера, введ. с. 16). И хотя Шлецеръ замѣчаетъ, что въ его время занятіе это уже вывелось, но, съ другой стороны, мы имѣемъ свидѣтельство Болотова, что онъ встрѣчалъ еще библіотеки у помѣщиковъ, наполненныя рукописною литературою (II, 605). Таковы между прочимъ многочисленные позднѣйшіе сборники, въ которые вписывались статьи разнообразнаго содержанія и нерѣдко весьма цѣнные историческіе матеріалы.

Нѣкоторыя изъ рукописей разсматриваемой коллекціи перешли къ А. А. Титову изъ собр. П. В. Хлѣбникова (это сборники о Ростовѣ, II, №№ 1435—36; 1450, сборн. о раскольн. сектахъ въ Яросл. губ., № 1442; о старообрядцахъ, № 1441); М. И. Маракуева (ист. сборн. XIX в., ib. № 1925); изъ арх. кн. Куракиныхъ (матеріалы для ист. рода Куракиныхъ, № 2651 [1]); остатки нѣкогда богатаго архива Воскресен. карашскаго мон. (въ Ростов. у. [2]); но въ особенности важны и значительны коллекціи бумагъ, принадлежавшія П. И. Мельникову и О. М. Бодянскому.

---

[1]) Кураковщина. Ист. этногр. очеркъ Яр. 1881 (небольшая замѣтка въ Ист. Вѣст., т. XXVI, 644—645). О судьбѣ архива кн. Куракиныхъ, см. Н. В. Калачова (Сборн. Арх. инст., т. V, в. II, с. 1—16).

[2]) См. Патріар. село Святославль и упраздн. Воскрес. карашск. мон., въ Ростов. у. Ист. оч. А. А. Титова. Яросл. 1887 (изъ бумагъ П. В. Хлѣбникова). Такъ, въ этихъ бумагахъ найденъ указъ отъ 16 апр. 1722 г., принадлежавшій арх. Воскресен. мон., въ которомъ Синодъ на имя Георгія (Дашкова) еп. ростов. и яросл. предписываетъ «рѣзныя издолбленныя колоды, положенныя

Изъ рукописей, принадлежавшихъ Мельникову, здѣсь находимъ до 190 №№ (III, 2201—390). Это: 1) Сказаніе о взятіи г. Азова казаками съ атаманомъ нижегородц. Наумомъ Васильевичемъ въ цар. Михаила Θеодоровича, рук. XVIII ст. (III, № 2283 [1]); 2) Дѣло о Биронѣ (копія), на 140 лист. (№ 2202 [2]); 3) Замѣчанія на зап. Манштейна (2206 [3]); 4) Опись столбцамъ Оруж. палаты 1614—1635 г., на 326 лист. (№ 2219); 5) О хожденіи всерос. митр. Геронтія при осв. Усп. соб. 12 авг. 1478 г. со крестами противъ солнца, скороп. XIX в., на 42 листахъ (2224); 6) Списокъ съ отпис. книгъ с. Сергача съ деревнями, принадл. Морозову, 1668 г. (2226); 7) Книга Іоанна Зонары правила св. апостолъ и отецъ, XVII в. (2250); 8) Лѣтоп. Нижегородскій 1212—1683 г., скороп. XVIII стол. (2272 [4]); 9) Акты Печерскаго нижегор. монастыря съ 1618—1711 г., составляющіе весьма обширную коллекцію въ спискахъ XIX ст. (№№ 2361—2366, на 1013 листахъ); 10) Сотная грам. (перепись Ниж. Новгор. посада и уѣзда 1649 г., на 374 лист., рук. XIX в. (№ 2333); 11) Тетрадь Чудова мон. казеннаго прик. что отпущено про властей и про братію простого вина 1731 г., на 13 лист. (2215); 12) Географическое, топографич. и статистич. опис. Нижегор. губ., скороп. XVIII—XIX ст., на 52 лист. (2201); 13) Статистич. опис. г. Ростова 1845 г. (№ 2207), Твери 1846 г. (№ 2220), г. Арзамаса, сост. прот. I. Сахаровымъ, 1849 г. (2217), Нижегор. уѣзда (2304), Ардатов. у. (2305); Горбатовскаго у., о. Виноградова (2280), Васильскаго у. (2306), Лукояновск. у. (2307), Нижегор. губ. (2341); 14) Отчеты о сост. Твер-

---

во многихъ мѣстѣхъ по градскимъ соборнымъ церквамъ и монастырямъ въ гробницы и раки, которыя надъ необрѣтенными почитаемыхъ отъ церкви святыхъ тѣлесами поставлены и покрыты покровами....., отобравъ изъ гробницъ, прислать при доношеніяхъ въ св. Синодъ неотложно дабы впредь такой обманы нигдѣ не было; а оныя гробницы и раки покрыть досками, на которыхъ бы были изображены иконы тѣхъ святыхъ» (с. 10—11). Въ Полн. Собр. законовъ и Полн. Собр. постановл. и распор. по вѣдом. прав. духов. этого указа нѣтъ.

[1]) Неполное напеч. въ Чт. М. О. ист. 1864, кн. III.

[2]) Вѣроятно тоже дѣло напеч. въ Чт. М. О. ист. 1861, I, сообщ. П. Щебальскимъ.

[3]) Напеч. по другому списку въ Рус. Стар. 1879, т. XXVI.

[4]) Другой списокъ въ той же библ. изъ митропол. Ростов. библ. (№ 2446). Объ остаткахъ древней Ростов. библ. см. замѣтку А. И. Соболевскаго (Библіографъ 1889, № 6—7). Въ послѣднее время Нижегор. лѣт. напеч. А. С. Гацискимъ, по нѣск. спискамъ (Н. Новг. 1886). О судьбѣ нижегород. актовъ (ibid., предисл.).

ской губ. 1861 и 1862 гг. (№ 2204 и 2208), Нижегородской губ. (№ 2205); Нижегор. ярмарки, 1844 г. (№ 2218; ср. № 2332); 15) Исторія Нижегор. ярмарки (2386); 16) Отчетъ о состояніи раскола въ Нижегород. губ. въ 1854 г. (№ 2329 и 2303); 17) Сборники, кас. изслѣдов. о расколѣ съ секретн. свѣдѣніями о немъ въ 1844—1848 г. (№№ 2288—2297); 18) Сборникъ по дѣлу о раскольникахъ въ Яросл. губ. (№ 2302); 19) Сборники статей и выписки изъ дѣлъ о расколѣ въ Ярославской, Костромской, Нижегородской, Московской и Пермской губ. (уб. изъ фанатизма 1847 г.) (№№ 2209, 2317, 2320, 2322 — 25, 2332, 2350, 2351); 20) Сборникъ со статьями и изслѣд. о молоканахъ (2331); 21) Выписки изъ разныхъ дѣлъ М. В. Д. о старообрядцахъ (1809—1820) на 210 лист. (2343); о хлыстахъ и скопцахъ (2222 и 2349); 22) Сборники разныхъ сочин. по расколу, черновыя своеручныя бумаги Мельникова (2387—2388 [1]); 23) Раскольничьи сборники, цвѣтники, синодики разныхъ мѣстностей (2225, 2230, 2233—2342, 2247, 2252, 2253, 2259, 2261, 2263, 2265, 2266, 2268—71, 2278, 2287—88, 2300, 2310, 2317 и др.); 25) Сочиненія, духовныя стихи, пѣсни и т. п., раскольническія, страннническія, скопческія и т. д., повѣсти, притчи и т. п. произведенія (№№ 2303, 2223, 2243 — 46; 2248—49, 2251, 2255, 2257, 2258, 2260, 2262, 2267, 2274—276, 2286, 2287; 2235, 2319; 2299, 2344, 2356); раскольническія книги (2368—2371, 2374—2376); 26) матеріалы и изслѣдованія Мельникова, касающіеся Мордвы и ея быта, въ Нижегородской, Самарской и Симбирской губ. въ XVIII и XIX ст. (2221, 2273, 2339, 2340); 27) Дѣло о сожженіи, по приказанію нижегор. еп. Димитрія Сѣченова, въ 1743 г., мордовскаго клад. и о крещеніи Мордвы, на 113 лист., нигдѣ не напечат., драгоцѣнный матеріалъ для біографіи Сѣченова (№ 2358 [2]); 28) Извлеченіе

---

[1]) Матеріалы Мельникова о скопцахъ, хлыстахъ и др. печатались въ Чт. М. О. ист., но отдѣльное изданіе ихъ въ свѣтъ, по требованію мин. внутр. дѣлъ, было остановлено (см. Чт. М. О. ист. 1883, кн. IV, проток., с. 44), а между тѣмъ матеріалы эти пріобрѣтаютъ особенное значеніе, такъ какъ подлинники, съ которыхъ печатались они въ «Чтеніяхъ», наполовину пропали безслѣдно.

[2]) О трудахъ Д. Сѣченова въ обращеніи иновѣрцевъ Нижегор. еп., соч. іером. (нынѣ архіеп.) Макарія (автографъ, № 2282). Замѣчанія о дѣйствіяхъ Д. Сѣченова противъ Мордвы и его управленіи (Соловьевъ, XX, I, с. 315—316, XXII, 28—29; Древ. и Нов. Россія 1878, I, 278; II, 172).

изъ разныхъ книгъ, доказывающихъ существованіе умерщвленія евреями христіанскихъ младенцевъ (2360).

Кромѣ того, въ коллекціи бумагъ Мельникова находятся: бумаги Н. И. Надеждина — разныя письма, донесенія и записки по дѣламъ и изслѣдованію раскола съ 1846—1852 г.; изслѣд. о скопцахъ, съ поправками Мельникова (№№ 2312, 2315, 2336, 2353, 2354, 2355 [1]) и И. П. Липранди (выписки изъ секретнаго арх. канцел. Москов. ген. губ. 1816—1840 и др. годовъ, №№ 2228, 2311, 2334, 2346, 2347, 2348; Сборники матеріаловъ о раскольн. Москов. губ., его же, №№ 2312, 2313, 2316, 2210, 2342); секретный дневникъ члена статистич. экспедиціи А. Пискарева 1852 г. и зап. о расколѣ въ Пошех. и Молог. уу. Яросл. губ., на основаніи изслѣд. того же Пискарева (№ 2320).

Замѣчательная, по своему спеціальному характеру, славяно-русская *библіотека* Бодянскаго была распродана по частямъ, причемъ значительные отдѣлы ея достались на долю гг. Титова и Гатцука [2]). Въ собраніи перваго число рукописей достигаетъ свыше 300. Сюда входятъ многія рукописи, отпечатаныя Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ Моск. общ. исторіи и древностей (Лѣтописецъ Густынск. мон., такъ наз. исторія Русовъ Конискаго, зап. Лопухина, Ермолова, Кречетникова и мн. др.); но здѣсь же находятся списки, сдѣланные Бодянскимъ съ рукописей Синод. библ. (Мѣрило праведное, на 424 лист., № 412; Лѣтовникъ Георгія грѣшнаго, сербск. ред., № 419); Кирилло-Бѣлозер. мон. (Козмы пресвитера бесѣды на ересь павликіанъ, № 413; Изборникъ ц. Симеона, № 417); Волоколам. мон. (Житія сербск. святыхъ, на 455 лист., № 357; Врем. Г. Грѣшнаго, № 497); Воскресен. мон. (Пандекты Антіоха черноризца, № 323); Москов. дух. акад. (Врем. Г. мниха, № 371; соч. Іоанна экз. болгар. (№ 386 и 416); Троицко-Серг. лавры (Пандекты Антіоха и др. соч. 349); костромскаго Богоявлен. мон. (Времен. Георгія мниха, № 361) и др.; списки съ болѣе или менѣе обширныхъ памятниковъ (Пчела, Палея, сборникъ Святослава [3]). Не касаясь рукописей, не имѣющихъ

---

[1]) Цѣнный вкладъ въ науку сдѣлалъ недавно Н. С. Соколовъ въ своей книгѣ: «Расколъ въ Саратовскомъ краѣ, опытъ изслѣд. по неизд. матеріал. Т. I. Поповщина до 50-хъ годовъ наст. стол.». Сар. 1888, 480 стр. Важны и выводы автора.

[2]) Послѣдній имѣлъ въ виду передать ихъ въ Кіев. университетъ (К. Стар. 1883, т. VII, 516—518).

[3]) Напечатанъ въ Чт. М. О. ист. 1882 г., кн. IV (по Синод. сп.). Нѣкоторые изъ этихъ списковъ снабжены собственноручными примѣч. Бодянскаго.

историческаго значенія, назовемъ здѣсь важнѣйшія въ этомъ послѣднемъ смыслѣ: 1) Какимъ образомъ и въ какихъ случаяхъ розыскъ и пытки производить и какія за разныя преступленія казни, наказанія и штрафы, скороп. XVIII ст., на 749 листахъ (№ 307); 2) Симбирскій сборникъ, скороп. XVII в., на 348 лист. (308); 3) Книга, а въ ней копіи статей, постановленныхъ при собраніи гетмановъ Богдана Хмельницкаго, Юрія Хмельницкаго, Ивана Брюховецкаго, Демьяна Игнатова, Ивана Самойлова, измѣнника Мазепы, да съ грамоты Е. И. В. какова дана гетм. Скоропадскому, 1711 г., скороп. XVIII в., на 131 листѣ. (312); 4) Родословникъ, XVII в. (317); 5) Дѣло царевича Алексѣя Петровича, 243 листа (318, ср. Чтен.); 6) Выписки, права и привилегіи, кас. Украины (319, 320); 7) Хронографъ сербск. ред. (№ 330); 8) Книга вечистая, 1686—90 гг. за разныя войтовства, XVII в., подлинникъ, на 170 листахъ (331—333); 9) Писцовая книга Новгородской волости (336); 10) О Столбовскомъ мирѣ въ 1617 г. (скороп. XVII в., 340); 11) Письма изъ Риги 1848 г., на 120 лист. (348; ср. № 2373); 12) Путешествіе Радищева (389); 13) Славянскія дѣла, на 320 лист. (№ 415); 14) Возраженіе на пашквиль лютеранскій, наречен. Молотокъ на книгу камень вѣры (№ 425); 15) Выписки изъ хронографовъ съ замѣч. Бодянскаго (429); 16) Вѣдомость о малорос. полков. старшинахъ и выборныхъ казакахъ 1741 г., на 695 лист. (435); 17) Сборникъ со списками съ грамотъ и др. историч. матеріаловъ (438) и другой изъ бумагъ Калайдовича и др. (439); рядъ сборниковъ (№№ 447, 448, 452, 458, 486, 568, 850); 18) Историч. и топогр. опис. Ваги, Шенкурска, Тотьмы, Яренска, Кевролы и Мезени, составл. для ген.-губ. А. П. Мельгунова въ 1779 г. (440); 19) вѣдомость о капиталахъ арханг. купечества и др. свѣдѣнія 1779 г., для него же (441); 20) матеріалы, кас. Москов. университета (450, 969, 1532); 21) коллекція писемъ разныхъ духовныхъ лицъ—мм. Григорія, Филарета, архіеп. Иннокентія, Евгенія, Смарагда и др. (550—558, ср. Чтен.); 22) Разговоръ Хмельницкаго съ Банческуломъ, автогр. неизв. авт. на 100 лист. (707); 23) Словарь малороссійскаго языка, составл. Бѣлецкимъ-Носенкомъ, на 346 лист. (№ 420); Евангеліе учительное на малорос. языкѣ, изъ библ. Димитрія Ростовскаго, полууст. XVI—XVII в., на 356 лист. (№ 502) и мн. др. памятники; 24) О поврежденіи нравовъ въ Россіи, кн. Щербатова (750); 25) сочин. Аѳа-

насія Филипповича, 1638 г. (873). Наконецъ: 26) Памятныя книжки Бодянскаго (732, 765, 907, 987); сборникъ замѣтокъ (468, 973, 974, 993); сборники статей и свѣдѣній о славянахъ (476, 790, 1351); обширные сборники переводовъ (809—816, 824—825); бумаги, сочин., стихотворенія и письма Бодянскаго (975, 977, 978, 982, 983, 989, 1035, 1339, 1042—1059, 1346, 1356, 1484, 1498, 1526, 2149, 2150, 2188, 2151); письма къ нему [1] (1260, 1330, 1341, 1342, 1352, 1420—1423, 1443, 1446—1449, 1452—1462, 1476—1483, 1487—1491, 1501—1506, 1555—1556, 1576, 1584, 1586—1592, 1595—1597, 2169, 2556, 2557, 2458; 1583 и 2873—письма Кулиша 1846—1877, на 195 и 283 лл.; Головацкаго, № 1482; Шафарика 1838—58, на 158 л., № 1483 и др.; переписка съ гр. С. Г. Строгановымъ 1839—1874 г. съ отмѣтками Бодянскаго, особенно любопытна „по поводу исторіи съ Флетчеромъ“ (№№ 972 и 1557 и др., ср. Рус. Стар. 1890, № 1, с. 54).

По своему общему характеру, коллекція Титова чрезвычайно разнообразна. Въ составъ ея входятъ: 1) *Хронографы* (до 13 №№; изъ нихъ № 259 на 1144 л.). 2) *Лѣтописи* (свыше 45 списковъ, б. ч. позднихъ, нѣсколько мѣстныхъ). 3) *Степенныя книги* (№№ 1967, 2099, 2853, 3441). *Житія* (отдѣльныя и въ сборникахъ, Патерики, всего свыше 100 №№; между прочимъ сборн. житій новгор. чудотв. XVI в., на 341 л., № 1084; ж. п. Филарета, № 1708; п. Никона, №№ 1739, 1770, 2842 и др.). 4) *Сказанія* (до 20). 5) *Духовныя сочиненія* (Григорія Цамвлака, Максима Грека, Іосифа Волоцкаго, Нила Сорскаго, Кирилла Транквилліона, Просвѣтитель литовскій, челобитная попа Іоанна Насѣдки царю Михаилу Өеодоровичу о словѣ „и огнемъ“, № 397; слова и поученія разныхъ проповѣдниковъ преимущественно Костром. еп., XVIII ст., на 599 лист., № 915; Стоглавъ, № 991, Соборъ на Мартина еретика, № 1310, Рожнецъ духовный, № 1359, автографы нѣк. сочиненій Стефана Яворскаго и т. п.); 6) *Историч. записки и соч.* (Крекшина? № 20; Матвѣева, № 83; житіе Петра Великаго, №№ 171, 180, 444, 1647, 1770; Катифоръ, № 260; о политическихъ перемѣнахъ отъ императр. Анны до Екатерины II, №№ 16, 731; о смутѣ 1682 г., № 796; о событіяхъ въ Турціи съ 1768 г., № 831; журн. Петра Великаго, 1697 г., № 842; о восше-

[1] Служебныя и семейныя; а также многихъ ученыхъ, писателей, сотрудниковъ и т. п., это обширная переписка 20—70-хъ годовъ.

ствіи на престолъ Екатерины II, № 892; дневникъ Дворяшева, XIX в., № 1037; дневн. неизв. духовнаго лица 1795—1800 гг., № 1062; записки Лопухина съ отличіями отъ печат., № 1714; дневныя записки помѣщика Власьева, 1829 г., №№ 1795, 1934; яросл. дворянки Филимоновой 1846—47 г., № 1797; записки и автобіогр. Д. П. Рунича, №№ 2851, 2860; орлов. дворян. Н. И. Толубѣева, №№ 2867, 2891; изд. ред. Русской Старины въ 1888 г.; дневникъ Ѳ. Проскурякова, 1844 г., № 3029; мичм. Станицкаго, 1815 г., № 3066; посад. яросл. челов. Д. Серебреникова, № 3258; записки англич. Джильза—о Россіи (sic!), конечно Флетчера, № 2893; ср. 1375). 7) *Акты, позднѣйшіе документы и матеріалы* (о восш. на прест. имп. Анны Ивановны, № 51; выпись изъ вотчт. дѣла 1721 г., № 59; Писцов. и межев. книги Юрьева Поволжскаго, № 163; списокъ съ отказныхъ книгъ Вологод. у., № 254; выпись изъ писцов. книгъ на вотчины бояр. Кондрата Ѳомича Нарышкина 1665 года, № 457; Книга копій, писемъ и приказовъ помѣщ. Власьева, матеріалы для ист. крѣпост. права XIX в., № 537; Писц. книга помѣщ. Шейдякова, № 706; Писцов. книга Новгор. области 1632—1639 г., № 709 и др., № 792; писцов. списокъ 1684 г., № 1774; 1629 г., № 1794; ср. 2028, 2106, 2527; выпись изъ писцовыхъ книгъ 1649—50 гг. Костром. у., № 3356; Разрядная книга 1476—1635 г., XVII в., № 891; родословныя—великихъ князей русскихъ отъ роду Августа кесаря римскаго, на 167 лист., XVII в., № 478, 3426; рапорты бурм. Порѣчской вол. гр. В. Г. Орлову 1778—1781 г., № 1039; сборн. указовъ и др. судебн. бумагъ, № 1078; смѣтныя книги хлѣбн. запасамъ и пр. 190 г. № 1114; межевая книга с. Дурнева, Мещовскаго у., № 1182; Большой чертежъ, № 1430; Экстрактъ о казняхъ и наказаніяхъ, № 1659; выписки изъ приходо-расходныхъ книгъ воеводы Тимоѳея Битяговскаго, 1689—91, № 1658; акты Воскресенскаго патр. домоваго мон. 1641—1645 г., на 125 л., скороп. XVII в., № 3193; акты черепов. Воскресен. мон., на 128 и 109 лл., XVII в., №№ 3481, 3482; Переяслав. акты на 62 л., № 3487; грам. вологодск. Троиц.-Павл. мон., № 3488; О ризѣ Господней, выписано изъ кизылбаш. отписокъ госуд. послан. Коробьина, Кувшинова и др., на 74 л., № 2719; памятная книжка Кирилло-Бѣлозер. мон. о сборѣ житнаго хлѣба 1666 г. (3044); матер. для ист. Макар. Желтовод. мон. (2850); приходо-расходныя книги солянаго промысла 1709—

1716; 1729 гг., №№ 3338—3342; переписная книга Борисоглѣб., что на Устьѣ, мон., № 4186; ср. № 3469; Книга пр. Гавріила архіеп. вологод. и бѣлозер. окладная сбору церковной десятины Бѣлозерск. у. 7201—7203, на 250 лист., № 2763; дѣло жены кн. И. А. Хованскаго съ дочерью и пасынкомъ о вотчинахъ на 192 л., скороп. XVII в., № 3283; обширное уголовное дѣло 1812 г., № 1769; сборники указовъ XVIII стол., № 2486, 1661, 1662, 1364; собственноручные рескрипты (императ.) Александра I къ гр. Аракчееву 1796—1825 г., № 2558; грамоты и свитки XVII в., № 2896; матер. для родосл. Палицыныхъ; Родосл. кiев. и москов. велик. князей и государей, № 2908; Слово и дѣло монаха Венедикта турухан. Троицк. мон. 1759 г.—матеріалы для біогр. м. Павла Конюскевича, на 55 л., № 3456; отвѣты орлов. губерн. Бобарыкина на запросъ мин. вн. дѣлъ, 1824 г., № 3074; заключеніе мин. вн. дѣлъ по дѣлу о раскольникахъ страннической секты, 1855 г., на 250 лист., № 2702; матеріалы для біогр. кн. Е. Р. Дашковой и А. П. Мельгунова, № 1725; плѣнъ русск. посл. Обрѣзкова у турокъ 1769—1772 г., полнѣе печатнаго, № 1948; разныя бумаги, принадлежащія ген. майору В. С. Шереметеву, кас. времени командов. его отрядомъ войска въ Волын. губ. въ 1795 г. [1]), на русск. и польск. яз., №№ 2929, 2932; Розысканіе объ уб. евреями христ. младенцевъ и объ употребл. крови ихъ, на 48 лист. № 2972; дѣло по отнош. арх. Симеона о чудотв. иконѣ Б. Матери, наход. при мон. Спасскомъ, 1829 г., на 36 лист., № 2980; матеріалы для исторіи русскаго раскола, С. Максимова, № 3064). 8) *Памятники юридическіе* (Уложеніе съ дополнит. указами, XVIII в., №№ 114, 2409; Сводное Уложеніе по уголовной части, XVIII в., на 153 л., № 865 [2]); Судъ и расправа въ правахъ малороссійскихъ въ прекращеніе горькой въ судахъ волокиты, 1750 г., № 360). *Письма* (Екатерины II, № 3231; письма разныхъ лицъ къ В. С. Шереметеву 1794—95 г., № 2884; прот. Діева къ Снегиреву 1830—1857 г., на 107 лист., № 2731 [3]); собственноручныя яросл. дворян. Ханыкова, послан. Петромъ Великимъ въ Голландію, на русск. и голланд. яз.,

---

[1]) О немъ упоминается въ Запискахъ Яна Дукл. Охотскаго (т. II).

[2]) См. Проекты Угол. улож. 1754—66 г., по рукоп. II отд. Е. В. К. издалъ А. А. Востоковъ, съ предисл. Н. Д. Сергѣевскаго. Спб. 1882.

[3]) Напеч. въ Чт. М. О. ист. 1887, кн. I.

1708—1709 г., № 1712, на 94 лист.; подлин. письма Кулибина 1799—1816 г., № 2440; письма Ф. Т. къ И. С. Аксакову, 1883 г., изъ Петербурга, № 3043—отмѣчено: „очень интересны!"). 10) *Путешествія* (Коробейникова, № 1615; Проскинитарій Арс. Суханова, № 1172, 2608; Нечаева, № 1792; Барскаго, № 1141 [1]); крест. дер. Ляхова Як. Васильева, въ Іерусалимъ, въ 1818 г., № 889; с. Лежнева дѣв. Анны Алексѣевны, 1819 г., № 1307). 11) *Повѣсти* (Адельсонъ и Сальвини, № 1626; Пов. трепетная о Удонѣ еп. Магдебургскомъ, № 146; Великое зерцало, №№ 10, 172, 912, 2436; о прекрасной Милитеѣ, № 182; Сборн. повѣстей, № 540, 2461; Сказаніе о храбрыхъ и дерзкихъ поступкахъ именитаго рыцаря Евдона №№ 565, 2005; Сказка объ Елеонорѣ, № 571; Пов. о львицѣ, № 598; Александрія, №№ 724, 1102, 2653; Исторія предивная о прекрасномъ и славномъ Полеонціонѣ и корол. Милитинѣ, № 952; Изабелла Мендоза, испан. пов., № 1318; Славныя дѣла Адольфа храбраго героя, на 314 лист., № 2824; Троянская исторія, на 456 лист., № 2953; объ англ. милордѣ Гереонѣ, № 1658, 1985; Мурадъ и Туркія, африкан. пов., № 1665; Сказка о принцѣ Любимѣ, № 1709; Исторія подлин. о дѣвицѣ Крестинѣ. № 1744; Гисторія о англ. графѣ Леандрѣ и Лувизѣ, № 2461; Исторія Маркиде (?) 1744 г., № 1977, Галантъ Саксонскій, № 2055; Римскія повѣсти, №№ 2131, 2136; Пов. Донбурга, № 2193; Пов. о кн. Петрѣ и неаполитанской королевѣ Магиленѣ, № 2425; Исторія о Магометѣ султанѣ и о рос. дворян. Александрѣ въ Сборн., № 2432; собраніе историй, №№ 2461, 3333; Сборникъ эротич. произведеній, № 1627 и т. п. [2]). 12) *Сочиненія апокрифическія* (№№ 105, 155, 1445, 1533, 2417, между прочимъ нѣсколько списковъ Луцидарія). 13) *Масонскія и мистическія соч. и рукописи* (№№ 60, 61, 629, 908, 1087, 1594, 1599—1612, 1980, 2548; Духовное сокровище мое или книга о божествен. возрожденіи моемъ и воспитаніи, В. Салтыкова, 5 чч., 1842—1845 г., №№ 3181—3185). 14) *Сочин. раскольническія и кас. раскола* (Поморскіе отвѣты, рук. XVIII ст., на 607 лист., №№ 118, 2110, 3012; Вопросы игум. Питириму, № 211; челоб. инока Авраамія, № 280;

---

[1]) Всѣ означенныя путешествія изданы по другимъ спискамъ.

[2]) О всѣхъ этихъ повѣстяхъ см. трудъ А. Н. Пыпина: «Для любителей книжной старины. Библіогр. списокъ рукоп. романовъ, повѣстей, сказокъ и т. п.», М. 1888.

обозр. единовѣрч. церкви, № 288; сказан. о мерзостной травѣ табацѣ, №№ 669, 2538; пов. о церкви единовѣрческой, № 673, 763; о картофелѣ, № 1064; Поморскіе святцы со множ. мѣстныхъ святыхъ, № 1112; соборныя постановленія старообрядцевъ въ Угличѣ и Москвѣ 1828 и 1830 г., № 1406; Толковая выписка изъ пророч. объ Антихристѣ, сост. въ 1831 г., а исправлен. въ 1833 г., № 2706; Указатель христіанамъ на введенныя Никономъ ереси, № 3360; Отвѣты на вопросы лушковцевъ 7366, № 2844; жалоба раскольн. рогож. кладбища, № 2881; Исторія Бѣлокриницкой іерархіи—раск. акты, № 3105, на 252 лист.; раскольн. сборники, №№ 2999, 3014, 3086—3090, 3113, 3329, 3330 [1]); Разглагольствія поморянъ съ поповщиною 1768 г. №№ 1768, 1870; Синодикъ поморскаго письма № 1959; ж. А. Денисова, № 2489; сборн. поученій, № 2498; ж. старца Евѳимія, основ. секты бѣгуновъ, № 2638; книга Спиридона Потемкина, № 2666). 15) *Сочиненія публицистическія и позднѣйшія* (Зерцало Ивана Посошкова, № 1732; сочин. и переводы Мирошкина, посв. А. П. Мельгунову, № 2078; оды, привѣтствія и др. стихотв., сочин. учениками Тверской семин. въ к. XVIII в., спис. съ рукоп. Твер. м. на 345 лист., 2708; Путешествіе изъ Петербурга въ Москву А. Н. Радищева, №№ 1312, 2904; современ. рукоп. журн., изд. въ Ростовѣ въ 1846 г., № 2882; О лишеніи свободы какъ средствѣ наказанія, И. А. Лупандина, на 342 лист., № 3180. 16) *Собранія пѣсенъ* (1972, 2518; пѣсни, запис. въ Обл. В. Донскаго, не вошедшія въ сборн. Савельева, № 2454; стихотв. раскольн. страннич., скопч., № 2199). 17) *Сочиненія математическія* (геометрія XVIII ст.: 203, 995, 1524, ариѳметика XVIII ст. № 224 и др.). 18) *Космографіи* (1958, 2430). 19) *Сочиненія по военному дѣлу* (Артикулъ воинскій, № 656, Лоцманская книга, перевед. *съ франц. яз.* въ 1724 г., корабельн. флота лейт. Ст. Мальгинымъ, съ черт., на 162 лист., № 2707). 20) *Переводныя сочиненія*: Книга Ѳеофраста Парацельса о нимфахъ, сильфидахъ и т. п. (№ 193), Химич. псалтирь (801); Талисманы Парацельса (1086); Потерянный рай Мильтона, XVIII в. (255); Свѣтская школа Нобля, печ. 1761 г. (411); Утѣшеніе духовное Ѳомы Кемп., перев. Хрущовымъ въ Амстердамѣ

[1]) Сборникъ секты бѣгуновъ на 529 л., отмѣченъ какъ замѣч. рукопись, XIX ст. (838), Цвѣтникъ той же секты (1333), Сборн. о страннич. сектѣ, на 759 л. (1673), о скопцахъ (1674); сборн. Ѳедосѣевскій (2097), безпоповщ., сост. Андр. Надеждинымъ (2482).

1719 г. (606); ж. Александра Македонскаго, XVII в., на 218 л. (956); О госуд. русскомъ Флетчера (1375); пов. о рим. цесарѣ Антоніѣ, изъ рим. лѣт. (2072); Тайная тайныхъ (2857); соч. Кедрина, ч. III (2463); Всеоб. церк. исторія съ перваго нач. христіанства до Лютера, бар. Гольберга (2910, 2911, 322 + 346 лист.); Юстъ Липсій (1652); записки о Россіи Манштейна, перев. XVIII ст. (1653); изъ книги мудреца Маркуса о 12 сивиллахъ (1693), Введ. въ исторію, изд. Копіевскимъ, 1699 г. (№ 1752, см. у Пекарскаго); Рос. исторія Трейера (1754), соч., I. А. Гофмана объ удовольствіи, перев. Волчкова (2689 [1]); Польская хроника съ рис., скороп. XVII в., на 721 лист. (3201); Аполлодора грам. Аѳинейскаго библіотека о языч. богахъ, перев. съ греч. моск. типогр. справщ. Ал. Барсовымъ, печ. (3220); исторія гр. Бонневаля (3251 [2]). 21) *Сборники*, нерѣдко весьма обширные по объему (свыше 500 лист. [3]). 22) *Рукописи съ изображеніями и раскрашенными картинами*: ж. Савватія Соловецкаго (№ 26); Ростовскій Патерикъ XVIII в., на 641 лист., съ 37 раскр. карт., (№ 43); Ручная пасхалія съ 106 рисун. (№ 62); Слово о второмъ пришествіи, Палладія мниха, XVIII в., на 100 лист. съ 75 карт., (№№ 92 и 208); Синодикъ съ 17 раскр. карт. (№ 251), съ 72 карт., (№ 520; ср. № 2595); ж. Димитрія царевича съ 20 раскр. рисунк. (219); сборн. съ 130 рисун. (2482); сборн. духов. содержанія съ 130 раскраш. рисун. (2482); слово Ипполита папы римск. о антихристѣ съ 30 картин. (523); Іѳика-іерополитика съ 65 рисунк. (954); лѣчебникъ и травникъ съ рис. (1073); о Муромѣ съ раскр. карт. (1030), пов. изъ римскихъ дѣяній съ 29 раскраш. картин. (1757), о явленіи и чудесахъ тихвин. иконы Богородицы съ 121 раскр. картин. (2053), Физіогномика съ рис. (3255).

Въ коллекціи г. Титова не мало также грамматикъ, лексиконовъ, поученій, святцевъ, службъ, богословскихъ сочин., алфавитовъ, Палей, катехизисовъ, церковныхъ уставовъ, синодиковъ и т. п. Но особенно богато его собраніе матеріалами, касающимися *Ростовской земли и Ярославской губ.* Таковы: Ростовская лѣт. (2046, 2738,

---

[1]) Напечатано въ Москвѣ, 1780, 2 ч.

[2]) О немъ ст. П. М. «Одинъ изъ авантюристовъ прошлаго вѣка» (Ист. Вѣст. 1888, № 9, с. 639—647).

[3]) Сборникъ о латынахъ на 353 л. (670), о франц. войнѣ 1812—14 г. (1105—1106); сборн. выписокъ изъ Моск. Вѣд. XVIII ст. (1414).

2923; сборн. лѣтоп., 2011); Владимірскій лѣтописецъ (774), житія Ростов. свят. (3347), Лѣтопись ростов. архіереевъ (859, 1305, 353, 926); записки, лѣтопись и соч. Д. Ростовскаго, сказ. о чудесахъ его (2519—22, 2616); Угличскій лѣтописецъ (2936, печатается); Ростовъ, его князья и удѣлы, на 290 лист. (3492); Родосл. ростов. князей, сост. Благово и др. (2581, 2055, 2410); Князья Ростова Вел., іерархія и знам. люди, на 245 лист. (3494); Писцовая книга с. Угодичъ, Ростов. у. (№ 82); Писц. книга Ростов. у. (2758), Писц. книга с. Татищева и др. селъ Ростов. у. (285, 2864); Книга ростов. вкладная, 1692 г. (202); Опис. Ростов. уѣзда съ картою, на 10 лист. (1920); бумаги Воскрес. церкви Ростов. у., XVIII в. (437); Сказ. о св. Димитріѣ Ростовскомъ и объ откр. св. мощей его (512); Синодикъ Ростовскій (624); Выпись изъ ростов. писцовой книги, 1685 г. (795), Выпись изъ писцов. яросл. книгъ 1627 г. (807); акты ростов. и ярослав. XVII в. (3186); указы Синода и ростов. архіер. дома XVIII ст., на 251 лист., между прочимъ Арсенія Мацѣевича (2721, 2722); доношенія, бумаги и соч. Арсенія Мацѣевича, кас. управленія имъ Ярослав. епархіей (253, 1394, 1417, 1439, 1440, 1529, 1544 1558, 1933, 2008, 2396, 2410, 2415, 2436); Топогр. опис. Ярослав. губ. (1403), Истор. опис. Яросл. іерархіи (2586), Сборн. матеріаловъ о Ростовскомъ краѣ и Яросл. губ. (1940, 2025, 2524, 1944); Церковно-историч. и статистическое описаніе Яросл. еп., прот. Троицкаго, 2 чч. (3479, 3484, 3490), описаніе Ростова, его же (3497; ср. 3499); Сборникъ ростовскій, изъ Моск. арх. ин. дѣлъ (1919); Обывательская книга г. Ростова, XVIII ст., на 412 лист., изъ рукоп. архим. Сергія (1801), переписная книга г. Ростова (1013), межевая книга по г. Ростову (2026); Выпись изъ ростовскихъ межевыхъ дѣлъ, 1759, (2768); Писцовыя, дозорныя и переписныя книги г. Ростова, изъ Арх. мин. юст. (2341); доношен. священниковъ о ростов. церквахъ (1907); Дѣло Угличской приказной избы о словѣ и дѣлѣ (924); дѣло о крестьянахъ XVIII ст. (2072); челобитная на дворянъ Есиповыхъ (1933); Воспом. крестьян. Артынова (1585), фам. бумаги двор. Волчковыхъ, Ошаниныхъ и др. (1654); учебники, употребл. въ Ярослав. семинаріи (102, 1574, 1618, 1619), диспуты, происходившіе въ ней, оды, канты, читанные по разнымъ случаямъ (694, 1630); мѣстныя преданія, легенды и причитанія Ростов. у. (1926, 1928,

1939, 1940, 2200, 2449, 2889, 2050); записка о древностяхъ, наход. въ г. Ростовѣ, 1850 г. (2878) и множество другихъ матеріаловъ, сборниковъ и документовъ (895, 1408, 1412, 1531, 1538, 1540, 1541, 1549, 1560, 1561, 1566, 1567, 1672, 1731, 1758, 1762, 1779, 1796, 1908, 1930, 1937, 1938, 1942, 1991, 2012, 2048, 2068, 2144—2147, 2411, 2433, 2617, 2729, 2198).

Въ числѣ рѣдкостей того же собранія отмѣтимъ: *Греко-славяно-россійскій словарь* Епифанія Славеницкаго, въ двухъ обширныхъ томахъ (598+722), тщательнаго письма, приближающагося къ печатному, in fol., въ 2 столбца, самаго убористаго и мелкаго почерка—экземпляръ, быть можетъ принадлежавшій извѣстному библіофилу того времени—Павлу, митр. сарскому и подонскому, часть библіотеки котораго была отдана Типографскому двору (№№ 67 и 68 и предисл. къ I т. Охран. каталога). Какъ извѣстно, тому же Епифанію принадлежали переводы двухъ обширныхъ и капитальныхъ произведеній своего времени, выполненные по заказу патр. Никона—это Анатомія знаменитаго Везалія и Космографія, въ которой проводились идеи Коперника. Во вторыхъ,—рядъ сборниковъ и матеріаловъ, относящихся къ личности и дѣятельности извѣстнаго Арсенія Мацѣевича и пополняющихъ пробѣлъ въ его біографіи за время управленія Ярославскою епархіею. Кромѣ того, эти матеріалы живо и наглядно рисуютъ нравы мѣстнаго духовенства 40-хъ и 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія; но они важны также и для характеристики дворянства и крестьянъ Ярославской губ. Не менѣе важны бумаги и рукописи, принадлежавшія писателю Мельникову и представляющія обширный и любопытный матеріалъ для исторіи раскола и еретическихъ сектъ въ Россіи въ первой пол. XIX стол., а главнымъ образомъ въ цар. Николая I. Обширная ученая и частная переписка проф. Бодянскаго вводитъ насъ въ сферу науки и литературы въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ на пространствѣ съ 20-хъ по 70-е годы настоящаго столѣтія. Въ его же бумагахъ (очевидно предназначавшихся для „Чтеній") была найдена весьма цѣнная въ историческомъ отношеніи рукопись, подъ заглавіемъ: „Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ" съ ноября 1844—по іюль 1846 г., напечатан. г. Титовымъ въ Чт. М. о. ист. 1885 (кн. II, III и IV) и 1886 (кн. I), 192 стр. Эти оффиціальныя записи знакомятъ насъ со всею внѣшнею и внутреннею жизнію рас-

кольниковъ и сектантовъ за указанный періодъ и, какъ нельзя лучше, характеризуютъ эпоху репрессивныхъ мѣръ въ отношеніи къ расколу.

Наконецъ упомянемъ еще о коллекціи рукописей въ собр. Титова, принадлежавшихъ духов. цензору архим. Сергію (Назаретскому) и заключающихъ въ себѣ 100 №№—это собр. разныхъ курсовъ, сочиненій и поученій, выписокъ, замѣтокъ, по разнымъ интересовавшимъ его вопросамъ (напр. о спиритизмѣ), матеріалы по расколу, по исторіи сектъ, переводы, — соч. Зейлера о счастіи, отрывки, лекціи и т. п.; обширные дневники его, съ 1838—1861 г. въ 9 томахъ; письма разныхъ лицъ къ архим. Сергію, собранныя также въ отдѣльные сборники (въ 10 томахъ). Какъ видно архим. Сергій понималъ все значеніе подобнаго матеріала и былъ человѣкъ аккуратный. Такъ, два сборника его озаглавлены имъ слѣд. образомъ: 1) Относная книга писемъ о. Сергія 1848—1858 и 2) Записная книга отсылаемыхъ писемъ и разрѣшаемыхъ сочиненій 1857—1867 г. (№№ 1856 и 1857).

Коллекція Титова быстро пополняется: еще въ 1881 г. его собраніе заключало въ себѣ 828 №№; въ 1884—1680 №№, въ 1888 г. оно уже достигло 2700 №№, а въ настоящее время свыше 3600 №№. Владѣлецъ его охотно дѣлится своими матеріалами и печатаетъ ихъ въ разныхъ историческихъ изданіяхъ. Благодаря его любознательности къ историческимъ матеріаламъ, сохранились отъ раздробленія такія коллекціи документовъ и рукописей, какъ собр. Мельникова, Бодянскаго и мн. др., хранившіяся у мѣстныхъ антикваріевъ, обыкновенно легко сбывающихъ ихъ по частямъ. Въ непродолжительномъ времени г. Титовъ намѣренъ издать и болѣе подробное описаніе своей обширной коллекціи.

III.

Другая коллекція, которой мы имѣли въ виду коснуться въ настоящемъ обозрѣніи, принадлежитъ И. А. Вахрамѣеву и находится въ Ярославлѣ. Она состоитъ: 1) изъ богатыхъ собраній *грамотъ, автографовъ* и другихъ *рѣдкихъ документовъ* и 2) собственно *рукописей*. Еще въ 1881 г. были изданы владѣльцемъ *Княжія и царскія грамоты Ярославской губерніи* (М. 1881, fol., 7+40), въ 100 экз. Цѣлью этого изданія было, съ одной стороны, показать,

какого рода акты хранятся еще въ областныхъ архивахъ и библіотекахъ частныхъ лицъ и остаются до сихъ поръ неизвѣстными для русской исторической науки, а съ другой—для того, „чтобы въ виду предпринятаго нами капитальнаго археографическаго изданія со стороны опытныхъ археографовъ получить указанія, отвѣчающія современнымъ требованіямъ исторической науки“, говоритъ издатель [1]).

Въ этомъ пробномъ изданіи г. Вахрамѣевъ помѣстилъ двѣ грамоты, взятыя изъ рукописной исторіи г. Углича въ спискѣ XVIII в., (нач. XV и первой четв. XVI в.); двѣ грамоты XVII — XVIII ст., изъ архива Яросл. городской думы и одинъ актъ по списку собственной библіотеки — это правая грамота вел. кн. Ивана Васильевича Толгскому мон. по тяжбѣ его съ крестьянами Шаховской волости, 1501 года. Нѣкоторыми его матеріалами пользовался Е. В. Барсовъ въ своемъ изданіи „Чины царскаго вѣнчанія“ (Чтен. въ Моск. Общ. ист. 1883 г., кн. I) и вообще собраніе г. Вахрамѣева вполнѣ доступно какъ для обозрѣнія, такъ и для пользованія рукописями съ учеными цѣлями. Описаніе рукописей, принадлежащихъ г. Вахрамѣеву, предпринято А. А. Титовымъ и должно состоять изъ двухъ выпусковъ. Въ первомъ изъ нихъ, вышедшемъ въ 1888 г., описано 281 рук.; 2-й будетъ посвященъ описанію свитковъ, грамотъ, автографовъ и др. документовъ, а также рукописей, пріобрѣтенныхъ послѣ выхода перваго выпуска, и рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ. Кромѣ того г. Вахрамѣеву принадлежитъ превосходный нумизматическій кабинетъ, къ описанію котораго также въ скоромъ времени будетъ приступлено.

Большая часть рукописей его собранія покупалась въ Москвѣ, у извѣстныхъ букинистовъ (Большакова, Силина и Шибанова) въ періодъ 1870—1880 гг. и только немногія въ Ярославлѣ, причемъ собиратель почти на каждой рукописи означалъ и цѣну ея, и эти отмѣтки вошли въ самое описаніе, что́ дастъ возможность, по выходѣ 2-го вып., опредѣлить стоимость всего собранія. Стоимость отдѣльныхъ рукописей чрезвычайно различна. Начиная съ 3 р., она восходитъ до 1500 руб. Такъ, за Апокалипсисъ съ 75 картинами, Псалтирь съ толков. Брунона, еписк. Гербиполенскаго, полууст. XVII в., на 617 л., Стоглавъ, въ рукописи XVII в., заплочено по 100 руб. (стр. 9, 13, 14); за Библію съ 255 раскраш. картинами, полууст. и скороп. XVI—XVII в., 600 руб.

---

[1]) Издатель разумѣетъ здѣсь: *Ярославскіе историческіе акты.*

(3), а за житіе св. Зосимы и Савватія съ 229 лицев. изображ. и красив. заставками, полууст. XVII в., на 234 лист., — 1500 руб. (пріобр. у С. Т. Большакова, на Нижегородской ярмаркѣ).

Нѣкоторыя рукописи первоначально находились въ собраніяхъ: П. В. Хлѣбникова (110, 112), П. В. Щапова (104, 196), А. А. Титова, Д. Дубенскаго (4) и Андр. Н. Попова (5, 20, 87, 100, 174).

По своему составу, собраніе раздѣляется на слѣд. отдѣлы: 1) св. Писаніе, 2) толков. св. Писанія; 3) каноническое право; 4) богослужебныя книги; 5) исторія церкви; 6) богословскія и полемическія соч.; 7) смѣсь—сборники, XVII — XIX в., числомъ 42, переводы, лѣчебники, сводныя уложенія XVIII в., повѣсти и т. п. Между ними обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторыя рукописи съ рисунками, на которыя мы указали выше, или замѣчательныя по своей рѣдкости (какъ Псалтирь Брунона, Синодикъ XVII—XVIII стол. съ прекрасными гравюрами и полнымъ собр. статей, относящихся къ поминовенію, а также перечнемъ боярскихъ родовъ; Святцы поморскаго письма; Ортодоксосъ омологія Петра Могилы; Просвѣтитель Іосифа Волоцкаго съ 12 словомъ; Розыскъ о расколѣ Брынской вѣры, Д. Ростовскаго съ прибавл. и значительными отличіями противъ печатнаго [1]); нѣкоторыя раскольническія соч.; изъ историческихъ рукописей—8 экз. хронографовъ, до 500—650 лист. каждый, причемъ заслуживаетъ вниманія, что во всѣхъ ихъ событія смутной эпохи взяты изъ сочин. Авр. Палицына, имѣвшаго преимущественное вліяніе на взгляды современной литературы на эту эпоху [2]). Лѣтописцы русскій и малороссійскій (послѣдній приписывается свящ. Плискѣ); соч. А. Палицына съ послѣсловіемъ, не вошедшимъ въ печатное изданіе его „Сказанія объ осадѣ Троицкаго монастыря“; Келейный лѣтописецъ Димитрія Ростовскаго, со включеніемъ непропущеннаго цензурою мѣста, заключающаго въ себѣ порицаніе Петру I по поводу ограниченія духовен-

---

[1]) Отмѣтимъ, что есть мнѣніе, опровергающее принадлежность «Розыска» Д. Ростовскому и считающее его произведеніемъ Елисаветинскаго времени, сочиненнымъ въ интересахъ борьбы съ расколомъ (Ист. Вѣст. 1887, XVIII, 561—562). Именемъ Д. Ростовскаго дѣйствительно пользовались въ подобныхъ случаяхъ. Въ «памятной книжкѣ» Петра Великаго читаемъ: «Чтобъ написать книгу *о ханжахъ* и изъявить блаженствы (кротость Давидову и пр.), что не такъ какъ они думаютъ и приплесть къ требникамъ, а въ предисловіи явить то дѣльцомъ Ростовскаго съ товарищи» (Ист. Вѣст. 1881, V, 184). Однако въ «Діаріушѣ» Д. Ростовскаго упоминается и о «Розыскѣ» (Д. Р. Вивл. т. XVII, с. 107); ср. также Каталогъ библ. Флорищ. пуст., Н. Артлебена, с. 6.

[2]) См. нашу моногр.: «Новыя изслѣдованія по исторіи смутнаго времени Моск. государства». К. 1889 г.

ства въ распоряженіи церковными имуществами (№ 82 [1]). Далѣе слѣдуютъ: Родословная книга; Церковно-историч. и статистическое описаніе Ярославской и Ростовской епархіи, прот. І. Троицкаго въ 3 чч.; Писцовая книга г. Ростова, XVII ст.

Обратимъ еще вниманіе на нѣкоторыя рукописи, заслуживающія вниманія въ историческомъ отношеніи.

Такъ, въ числѣ ихъ находимъ: 1) „Обличеніе неправды раскольническія“ соч. архіеп. Ѳеофилакта Лопатинскаго съ фигурами, частію гравированными, а частію сдѣланными отъ руки и съ надписями полемическего характера, какъ напр. относительно „арменскаго кукиша“—мѣсто, съ которыми печатные экз. встрѣчаются весьма рѣдко (№ 107); 2) „Возраженіе на пасквиль лютеранскій, нареченный Молотокъ на книгу Камень Вѣры“, соч. митр. Арсенія Мацѣевича съ сильными выходками противъ лютеранъ, ихъ пасторовъ и нѣмецкихъ нравовъ, занесенныхъ въ Россію, благодаря нѣмцамъ [2]); 3) „Записка расхода градскихъ денегъ, издержанныхъ во время бытія градскаго головы Желудкова съ прочими гражданами для случившагося обстоятельства 1797 г. въ апрѣлѣ мѣсяцѣ на нижеписанныя надобности“ (№ 271) — это расходная тетрадь яросл. город. головы, который съ депутатами отъ городскаго общества ѣздилъ въ Москву на коронацію Павла I. Пріѣхавъ въ Москву, депутація прежде всего отправилась къ генералъ-прокурору кн. Куракину и др. особамъ, а къ первому изъ нихъ являлась даже неоднократно, причемъ камердинеру ген.-прокур. головой подарено 25 р. Для поднесенія Его Велич. были изготовлены „французскіе хлѣбы“, золотая солонка, двѣ серебр. вызолоч. солонки, 1 большое серебр. блюдо и 3 поменьше, на что израсходовано 1641 р. Затѣмъ депутація ѣздила снова во дворецъ, къ кн. Безбородку и кн. Куракину, причемъ людямъ кн. Куракина подарено 5 руб.; Государю возили рыбу, для чего заказано было 7 балокъ дубовыхъ, холстъ, посеребр. скобы, гвозди и ленты на 29 руб., а стерляди „для подносу Государю и въ др. мѣста“ обо-

---

[1]) Выписка этого мнѣнія, по рук. Моск. дух. акад., напечатана въ Чт. М. О. ист. (1862, II, смѣсь, стр. 40—44).

[2]) Идеи эти сильно пропогандировались съ церковной каѳедры въ цар. Елисаветы (см. Лѣт. рус. литер. и древ. Тихонравова, т. II: Придворныя проповѣди въ царствов. Елисаветы Петровны, Н. А. Попова).

шлись въ 740 руб.; за фрукты для великихъ княженъ заплочено 125 руб. Прожили депутаты всего почти 4 нед. и заплатили за квартиру 52 руб.; выпили кислыхъ щей на 4 руб., а въ послѣдній день прообѣдали 3 р. 15 к. Провозъ изъ Москвы на 5 тройкахъ съ харчами и за перевозы обошелся въ 128 руб. А всей суммы употреблено было на поѣздку—3389 руб.

Любопытны нѣкоторыя рукописи, относящіяся къ позднѣйшему періоду какъ небольшой сборникъ стихотвореній, одно изъ которыхъ—сатира на извѣстнаго гр. С. М. Каменскаго, сына фельдм. и страстнаго театрала. Гр. Каменскій, какъ извѣстно, все свое состояніе, въ 7000 душъ крестьянъ, спустилъ на театръ въ Орлѣ [1]).

Не менѣе интересенъ сборникъ нач. XIX столѣтія съ разными статьями, письмами и стихотвореніями, между прочимъ и эпиграммою на Сперанскаго, по поводу указа 1809 г. объ экзаменахъ на чины, сходною по содержанію съ недавно напеч. въ Кіев. Старинѣ (1889 г., № 4, 194—196). Въ одѣ Потоцкому также есть обращеніе къ Сперанскому на эту тему; а въ концѣ ея сдѣлана приписка: „писана въ Орлѣ неизвѣстнымъ, умнымъ, честнымъ и добросовѣстнымъ піитомъ, любящимъ правоту. Отечеству дворянъ съ презрѣньемъ льстивыхъ царедворцевъ личину онъ снимая и собратіямъ своимъ объявляя, творяй молитву: Господи! Не попусти беззаконіе!“ (стр. 183—184 [2]).

Въ той же коллекціи находится обширный *Дневникъ проф. И. М. Снегирева* 1821—1864, въ числѣ 13 томовъ, но къ сожалѣнью съ дефектомъ за 1826—1833 гг. Дневникъ этотъ предназначается владѣльцемъ для изданія въ „Чтен. Моск. общ. исторіи“. Въ немъ заключаются: масса данныхъ о литературныхъ сношеніяхъ автора, воспоминанія о 1812 г., московскія связи, характеристика разныхъ дѣятелей москов. общества, цензурныя дѣла и т. п., любопытны и позднѣйшія замѣтки (стр. 193—194 [3]).

---

[1]) Ист. Вѣст. XXV, 543 и д.

[2]) Ср. Два подметныя письма передъ нашествіемъ французовъ на Россію (Чт. М. О. И. 1873, III, 154—162)—«они вѣроятно были пущены въ обращеніе тою дворянскою стороною, которая желала погубить государственнаго секретаря», замѣчаетъ издатеть. Объ этихъ отношеніяхъ см. у б. Корфа. (Жизнь гр. Сперанскаго, I, 171 — 176). Ода Потоцкому напеч. въ Рус. Арх. 1869, с. 1377—1384, съ объясненіями М. Н. Лонгинова.

[3]) Часть дневника имѣется и въ собр. А. А. Титова (IV, № 3500).

Въ ряду старинныхъ переводовъ упомянемъ соч. Юста Липсія: „Увѣщанія и приклады политическіе", пер. іер. Сим. Кохановскаго, надѣлавшіе нѣкогда много хлопотъ Волынскому (№ 120); „Изъясненіе системы де-Булевой", представл. имп. Елисаветѣ въ 1744 г.,—это проектъ о мѣдныхъ деньгахъ (№ 248); 3) Земское право—проектъ Фридерикова Уложенія, основанное на здравомъ разсужденіи и на земскихъ уставахъ, въ которомъ римское право въ натуральный порядокъ и въ правильную систему приведено по тремъ объектамъ права и т. д. (№ 167).

Въ собр. г. Вахрамѣева, какъ мы видѣли, находится нѣсколько „Сводныхъ Уложеній" XVIII стол., представляющихъ сводъ статей—о вотчинахъ, по уголовнымъ дѣламъ, судебные процессы и т. п. (№№ 153—156). Сводныя уложенія XVIII стол. нерѣдко встрѣчаются и въ описяхъ другихъ коллекцій рукописей, но наши историки-юристы не всегда обращаются къ изученію этого матеріала, ограничиваясь или печатными источниками, или архивными документами. Между тѣмъ для изученія юридическихъ воззрѣній важно также знакомство съ переводными рукописными произведеніями иностранной литературы. Такъ, по отношенію къ вопросу о Сводномъ уложеніи при Петрѣ Великомъ, весьма любопытна, напр., рукопись: „Выписка 1711 г. изъ книги Правъ французскихъ, сочин. по повел. кор. франц., въ Парижѣ, въ 1679 г., г-мъ Клауд. Ферріеромъ, парл. адвокатомъ, докторомъ и профес. правъ" (лл. 403—442 Свод. Улож., Опис. рукоп. Царскаго, с. 692, № 631 [2]). Въ библ. Акад. Наукъ находится „Сводное Улож., соч. въ 1718 г., съ отмѣткою: „сія рукоп. списана при Акад. Наукъ 1750 г." [3]).

Независимо отъ разсмотрѣннаго нами „Описанія", А. А. Титовымъ составлено еще описаніе рукописи „Житіе и подвизи преп. отецъ нашихъ Зосимы и Савватія соловец. чудотв." (М. 1889, с. 68)—собственно это описаніе рисунковъ, находящихся при ней. Въ этихъ рисункахъ воспроизведены черты монастырскаго быта, об-

---

[1]) Рукописи Царскаго поступили къ гр. А. С. Уварову. Для опредѣленія вліянія француз. литературы при Петрѣ Великомъ, мало выясненнаго, см. свѣдѣнія о пріобрѣтеніи за границею франц. книгъ и о переводѣ ихъ на русскій языкъ при Петрѣ В., по разнымъ наукамъ, сообщ. по матер. Моск. арх. ин. дѣлъ И. Ѳ. Токмаковымъ (Библіографъ 1885, № 4, с. 76—80).—Ср. нашу моногр. «Новые матер. для ист. цар. Петра Великаго». (Сношенія съ Франціей, К. 1886).

[2]) Каталогъ Ив. Соколова. Спб. 1818, стр. 26, № 95.

стоятельствъ, связанныхъ съ событіями жизни означенныхъ лицъ и т. п. Такъ, любопытно воспроизведеніе пребыванія Зосимы въ Новгородѣ, отношеній его къ Маррѣ Посадницѣ, извѣстнаго пира и видѣнія во время послѣдняго Зосимою за столомъ обезглавленныхъ бояръ, эпизодовъ изъ борьбы Новгорода съ Иваномъ III, отношеній Соловецкаго монастыря къ Москвѣ; разныхъ чертъ сѣверной жизни (разбойники, купцы и т. п.), нападеній татаръ на русскія селенія, случаевъ изъ плаваній по морю; но въ особенности много рисунковъ, относящихся къ древнему Новгороду. Любопытна, наконецъ, одна картина, имѣющая связь съ событіями въ Москвѣ. На золотомъ тронѣ съ 2 ступеньками изображенъ малолѣтній Иванъ IV, надъ головою котораго написано киноварью: „Кн. вел. Иванъ Васильевичъ". По бокамъ трона стоятъ бояре—всѣ въ шапкахъ на головѣ. Вверху—бояре безпощадно избиваютъ другъ друга, убивая даже совсѣмъ беззащитныхъ людей (стр. 49). Невольно при этомъ припоминаются слова народной пѣсни, по которой Иванъ Грозный казнилъ бояръ, но измѣны не могъ вывести въ Москвѣ и слова Василія Романова въ ссылкѣ: „погибли мы безъ вины, въ наносѣ государю отъ своей же братіи—бояръ; они на насъ наносили, сами не зная, что дѣлаютъ, и сами они помрутъ скоро, прежде насъ" [1]).

[1]) Акты историч., изд. Арх. ком., II, с. 41; ср. с. 51.

